

Annotation

Иоанна Хмелевская – одна из самых популярных писательниц современной Польши. Её иронические детективы полюбились и нашим читателям. Тот, кто хоть раз прочёл книгу Хмелевской, уже не забудет её героиню, – умную, необычайно привлекательную Иоанну, обладающую неисчерпаемой энергией.

В книге «Колодцы предков», Иоанна переживает приключения в большой компании своих ближайших родственников: отца, матери и тёток, путешествуя с ним по Польше в поисках фамильных сокровищ.

- [Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ](#)

- [***](#)

Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ
КОЛОДЦЫ ПРЕДКОВ

В 1876 году от Рождества Христова, шестнадцатилетняя Катарина Больницкая сбежала из дома. Точнее не из собственного дома, а из родовой усадьбы своей тётки-графини, где она получала воспитание и усваивала благородные манеры. Начихав на воспитание и манеры, она обманула стражу и поздней ночью вылезла через окно часовни и затем сквозь дыру в заборе. Возле дыры её поджидал удалой молодец, державший под уздцы нетерпеливых коней. Посему, догадаться, зачем бежала Катарина, не сложно.

Это было жутко романтическое мгновение: ярко светил месяц, весенний ветерок гнал по небу тучки, в молодце пылали разные чувства, от всего этого Катарина была в полном восторге. Над последствиями своего бегства она не задумалась ни на секунду, а совесть её была чиста, поскольку о моральной стороне дела влюблённый поклонник позаботился заранее – священник уже ждал. На рассвете они поженились.

В дом к мужу они попали не сразу. Несмотря на амуры, жених сохранил остатки здравого смысла, в нем клубились туманные сомнения по поводу впечатления, которое произведёт новый дом на супругу, свежавырванную из графского дворца. Поэтому они таскались по окрестным корчмам и гостиницам, отодвигая решительный момент как можно дальше. Ему удалось протянуть всего неделю. И вот наступило решающее мгновение...

Дурные предчувствия оказались ненапрасными. Для Катаринины вид собственности мужа был как гром среди ясного неба. У родителей она жила в достатке, во дворце тётки-графини – шикарно, а здесь – увидела нечто страшное. На краю деревни стояла обыкновенная изба, хоть и большая, четырехкомнатная, с садом, но куда ей было до родительской усадьбы! Скорее, она напоминала коровник. Вся прислуга состояла из одной девки-коровницы и одного батрака.

В мгновение ока Катарина почувствовала себя надутой, обманутой и обведённой вокруг пальца. Темперамент она имела огненный, и, как перед этим большая любовь, так теперь дикая ярость толкнула её на очередное тайное бегство. Ранним утром она наняла еврейскую повозку и отправилась в родительский дом.

Последствия этого решения оказались губительны, а нанятая повозка подвела её окончательно, поскольку прибыла как раз в момент возвращения матери от сестры-графини. Пани София Больницкая, получив известие о бегстве дочери с каким-то оборванцем, пережила приступ бешенства. Она растила единственную дочь для великого будущего, связывала с ней большие надежды, собрала для неё достойное приданное, после чего отправила её ко двору своей сестры, которой удалось сделать карьеру, выйдя замуж за настоящего графа. При этом дворе красивая и бойкая Катарина имела достаточно шансов повращаться в высшем обществе, закончить образование и выбрать соответствующего кандидата в мужья. Пани София разорилась на платья и, хотя это и противоречило её характеру, заискивала с сестрой, ожидая свершения больших надежд. А что сделала Катарина? Она испортила все. Вызвала чудовищный скандал. Бесповоротно разрушила своё светлое будущее и, как будто этого мало, бросила пятно на всю семью, связавшись с каким-то нищим, может и шляхтичем, но полностью окрестьянившимся.

Получив известие о позорном поступке дочери, пани София сразу же отправилась к сестре и устроила ей жуткую сцену за развращение неопытной девочки. У сестры-графини характер был тоже не сахар, поэтому она ответила тем же, обвинив пани Софию в пренебрежении воспитанием, которое привело к растлению глупой девчонки и такому громкому скандалу. Молодая потаскуха привела в семью какого-то оборванца, всех, во главе с графиней, опозорила, и теперь пани графиня навеки отрекается от племянницы и сестры!

– Ноги моей больше не будет в этом вонючем доме! – крикнула в ответ пани София, близкая к апоплексическому удару. – Видала я твоё графство, слепая сука! Свиной тебе пасти, а не воспитывать невинную девочку!

– Невинная девочка! Ха-ха-ха! – ехидно ответила сестра и на этом контакты между родственницами прервались.

Домой пани София вернулась разъярённой, как бык. Ярость была в самом разгаре. Может, со временем её дикие чувства и поутихли бы, но добравшись до своей усадьбы, пани София столкнулась с причиной всех неприятностей. При виде высаживающейся из обшарпанной повозки Катаринины, не заплаканной, не покорившейся, а наоборот – злой и надменной, её бешеная ярость приобрела твёрдость гранита. С

пани Софией что-то случилось. Столкновение больших надежд с жестокой действительностью превзошло её силы. Она не восприняла падения дочери в ноги, а с мужем, пытавшимся вступить за дочь, перестала разговаривать вовсе. Правда, в куске хлеба и ночлеге она не отказала, но на следующий день велела запрячь лучшую карету четвёркой коней и отвезла дочь законному супругу.

– С ним сбежала, с ним и живи! – сказала она холодно и упрямо.

По случаю она осмотрела собственность зятя, после чего настолько, насколько ещё может затвердеть гранит, затвердело её упрямство. Она оставила злую и несчастную Катарину среди гуляющей по двору птицы, и на своей шикарной карете вернулась домой, твёрдо решив лишить дочку наследства.

Катарина подчинилась судьбе, но сделала это довольно оригинально. К родственникам она больше не вернулась. Раз и навсегда, в знак траура по утраченной красивой жизни, она надела чёрное платье и до конца своих дней не меняла ни его цвета, ни покроя. Все другие наряды она делала абсолютно такими же. С чёрным, ниспадающим до земли платьем, подол которого сметал кучки помёта во дворе, она носила белые кружевные воротнички, такие же манжеты и белые перчатки. В этом костюме она занималась исключительно садом, не прикасаясь к домашнему хозяйству. Сад цвёл, все остальное шло, как бог положит. Муж боготворил её все с тем же неизменным пылом, чему нельзя удивляться, поскольку была она действительно красива. Хрупкая, щуплая, черноволосая и черноокая, живая, быстрая и привлекательная. Детей у неё было девять – семь сыновей и две дочери. Она относилась к ним так же, как к цыплятам, поросёнкам и горшкам, предоставив их собственной судьбе.

В семье, которая порвала с ней все связи, произошли следующие события: тётка-графиня умерла, не оставив потомков, пережив своего мужа на целых два года. Последствия этого были достаточно неожиданны, поскольку графиня, стёршая из памяти имя сестры, забыла изменить завещание, и пани София Больницкая унаследовала ни много ни мало – четверть графского состояния. Потом этот мир покинул одинокий родственник, который после смерти оказался настолько богатым, насколько был скуп при жизни. Своим завещанием он внёс некоторый переполох, так как все своё добро отписал дочери пани Софии – Катарине, либо её потомкам. Пани София все ещё

упрямилась, уцепилась за это «либо её потомкам» и не допустила передачи наследства Катарине, решив вопрос с потомками утрясти самостоятельно. Это немного противоречило правилам, закону и воле завещателя, но не существовало такого нотариуса, который бы осмелился противоречить пани Софии. Потом умер отец Катарини, оставив своё состояние жене. Затем один из двух братьев Катарини погиб на дуэли, а второй куда-то исчез, не подавая вестей. Наконец, и пани София почувствовала подкрадывающуюся старость.

Она все ещё упрямилась, но совесть её начала просыпаться. К совести подключились исповедник и нотариус. Нотариус не мог пережить невыполненных обязательств по завещанию родственника. Это задевало честь законника и обыкновенную человеческую порядочность. Хотя с возрастом пани София почти не подобрела, и расходиться с ней мнением все ещё было опасно, нотариус все же осмелился кое о чем напомнить. В будущем он собирался передать канцелярию сыну, и хотел, чтобы дела были переданы в таком же порядке, как и бумаги. Старую проблему необходимо было решить.

Вообще-то, пани София и сама не очень знала, что ей делать с неожиданно возросшим состоянием, размер которого усиливал её горечь. Она могла представить, как бы выглядела жизнь её сказочно богатой и когда-то любимой дочери, если бы та не сглупила и не вышла замуж за кого попало. Зять, правда, оказался человеком порядочным, но непредприимчивым. Позаботиться о детях он смог, а обеспечить их – нет. На кой черт нужен такой зять, который внуков пани Софии воспитывает холопами? А виновата во всем, конечно же, Катарина.

Катарина была камнем преткновения. Часть имущества принадлежала ей по закону, другую часть пани София предназначала ей издавна. Собранное приданное лежало нетронутым. От всего этого надо было избавляться – одновременно и отдать ей все и ничего не давать. Отдать так, чтобы она могла этим пользоваться, было выше сил пани Софии. Она не простила дочери ни своих разрушенных надежд, ни послушания, ни оскорблений, которые пришлось выслушать в графском дворце.

Поэтому завещание пани Софии выглядело своеобразно. Старательно перечислив все передаваемое, она поручила отдать это старшей дочери Катарини или же потомкам этой дочери, но только

после смерти матери. Катарина до конца жизни должна была владеть убогое существование в той крестьянской халупе, которую сама себе выбрала. Исполнителем завещания становился старый нотариус, затем его сын, которому под угрозой отцовского проклятия была завещана особая забота о доверенном имуществе и старательная опека над наследницей, не имеющей понятия о том, что ждёт её в будущем.

Наследница тем временем переставляла на кухне горшки и гоняла малышей, приняв на себя хозяйственные и педагогические обязанности чудаковатой мамыши. Пани София украдкой добыла информацию о старшей внучке. Выяснилось, что та обладает характером, проявляет энергию, родителей уважает и слушается. Эти вести доставили ей некоторое облегчение. Она мечтала, что внучка оправдает старые надежды и, получив огромное богатство, сделает карьеру, а не она, так её дети. Лишь бы не Катарина...

Все держалось в глубокой тайне. О завещании пани Софии знали нотариус, она сама и двое свидетелей. Один из них на смертном одре проболтался и пустил гулять неясные слухи о припрятанном богатстве. Второй оказал на дальнейшие события решительное влияние, хотя и не проговорился. Этим вторым был Франтишек Влукневский, ведущий свой род от разорившихся дворян. Он занимался тем, что вёл хозяйство в селе с простым названием – Воля.

Франтишек Влукневский считал, что всем заправляет рука божья, но божья рука иногда требует помощи. В рамках этой помощи, он совершил два поступка. Во-первых, подружился со старым и молодым нотариусами и оказал им ценную помощь в распоряжении частью наследства, во-вторых, завёл многочисленные и сложные дела в селе, где жила Катарина, в девичестве Больницкая. Делами должен был заниматься старший сын, вынужденный таким образом часто встречаться со старшей дочерью Катарины. Причём Франтишек Влукневский, человек порядочный, ни единым словом не обмолвился о каких-либо надеждах на будущее молодой дамы. Остальное должна была свершить рука божья.

Рука божья повела себя своенравно. Она перепутала сыновей Франтишека и в нужном направлении подтолкнула не старшего, а младшего. Кроме того, как место, так и обстоятельства были выбраны довольно неожиданно. Старший сын в тайне от отца давно завёл себе невесту из другого места, поэтому по делам он выпроваживал

младшего. Познакомиться молодые познакомились, на дочь Катарини, унаследовавшую красоту матери, трудно было не обратить внимания, но пока из этого ничего не вышло. Каждый из них имел свои собственные планы. Младший сын Франтишека по отцовскому благословению отправился в город, а старшая дочь Катарини взбунтовалась против тирании горшков и сбежала из дома без родительского благословения. Проклятий она избежала, потому как Катарине это было абсолютно безразлично. Домашние обязанности приняла младшая дочь.

В столичной Варшаве старшая дочь встретила знакомого парня из деревни, и тут рука божья сочла нужным вмешаться. Вдвоём они поучаствовали в революционно-патриотическом движении царских времён, счастливо избежали тюрьмы и Сибири и через некоторое время тихо поженились. Пани София Больницкая до этой минуты не дожила, она умерла от апоплексического удара, узнав о бегстве старшей внучки. Франтишек Влукневский – дожил и через год благополучно скончался, сохранив абсолютное молчание по вопросу будущего наследства.

Катарина жила, а наследство ждало. Часть цвела и умножалась под управлением молодого нотариуса и молодого Влукневского, а часть находилась в застое, тщательно спрятанная, причём место укрытия ещё при жизни выбрали пани София и старый нотариус. До сих пор никто ничего не знал: молодой нотариус держал язык за зубами, молодой Влукневский не имел понятия, что участвует в управлении будущим состоянием своей невестки, скреплённое печатями завещание лежало в железном сундуке, а Катарина жила. Умер её муж, детей разбросало по свету, две мировые войны перетрясли народы, а Катарина все жила, занимаясь своим садом. Наконец в 1954 году от Рождества Христова умерла и она, прожив 94 года.

От нотариуса, завещания и наследства и след простыл...

* * *

Некто Адам Дудек, по профессии огородник, по настоянию жены собственноручно ремонтировал свой дом. Ханя Дудкова славилась

скупостью и не желала тратиться на чужих дармоедов. Ей хотелось жить хорошо и красиво, но как можно дешевле. Муж, преисполненный уважения к её экономному хозяйствованию, перечить жене не осмеливался. Дом был довоенный, хороший и солидный, его стоило подремонтировать, добавить такие удобства, как ванна и центральное отопление, тем более, что солидным людям не пристало жить как попало.

Итак, Ханя сидела на деньгах, а её муж гнул спину. После неслыханно долгих и многочисленных мучений он, наконец, довёл ремонт до конечной фазы, что самому ему казалось настоящим чудом. С удовлетворением он приобрёл печь центрального отопления и приступил к её установке в подвале.

Подвал был большой – в нем без труда нашлось место под котёл и склад топлива. Батареи в доме уже установили, соединили все трубы, оставалось только подключить печь и проверить, как работает все вместе. Для помощи в этой операции Адам пригласил дальнего родственника, парня удалого и сильного, известного своей полезностью в различных сложных мероприятиях, природы не только личной, но и служебной. Родственник, Сташек Бельский, имел чин младшего сержанта местной милиции, ему доверялись все сложные, неординарные и запутанные дела, поскольку повсеместно считалось, что голова у Сташека варит и любое дело ему по плечу. Приглашать его на помощь становилось всеобщей привычкой.

Три человека, полностью осознающие важность момента, спустились в подвальное помещение, где их поджидала печь.

– Ставим здесь, – сообщил Адам Дудек и куском железной трубы стукнул по кирпичному полу под висящим на стене баком. Пол отозвался удивительно глухо.

Ханя Дудкова насторожилась:

– Ну-ка, подожди, – торопливо вмешалась она. – Что это бумкает? Занятый печью муж на её вопрос не обратил внимания.

– Сташек, бери с той стороны, – скомандовал он. – Поворачиваем и ставим здесь.

Он снова ударил по полу, отбросил трубу под стену и подошёл к печке. Сташек Бельский напрягся, схватил её снизу и приподнял, но Ханя его остановила:

– Да подождите же! Что это пол так бумкает?

– Что? – удивился Адам. – Что там у тебя бумкает?

– Как что? Ты не слышал? Когда ты ударил, оно как-то бумкнуло. Стукни ещё.

– Действительно, – согласился Сташек Бельский и выпрямился. – Пани Ханя права, как-то бумкнуло.

– Удивляюсь я вам, – буркнул Адам, но послушно оторвался от печи, взял трубу и снова грохнул по полу. Пол глухо отозвался.

– Бумкает! – крикнула Ханя.

– Бумкает. – Согласился Сташек.

– А чего бы ему не бумкать, если я стучу? – рассердился Адам. – Что ему, свистеть надо?

– Ударь рядом. – Приказала Ханя.

Для успокоения совести Адам Дудек несколько раз ударил. Звуки были разными. То звонкие, ясные, острые, то снова глухие. Разница была небольшой, но заметной.

– По-моему, что-то там есть, – неуверенно заметил Сташек Бельский.

Голубые глаза Хани застыли. Что бы там ни было, увидеть это она предпочитала без свидетелей, а уж тем более, без свидетелей из милиции. Но было поздно, теперь выгнать их из подвала было невозможно. Она замолчала, разозлившись на себя, на мужа и на Сташека.

Адам Дудек с нарастающим интересом раз за разом стучал по кирпичам. Глухо отзывался только прямоугольник размером метр на три четверти. Там действительно что-то было.

– Они что, яму оставили? – с сомнением пробормотал он. – Я про это не знаю, а ведь этот дом мой отец строил. Ни про какие ямы он не рассказывал.

– Так ведь война была, – заметил Сташек. – Может, там что-то при оккупации сделали?

– Может, и сделали, кто их знает... Здесь нас тогда не было. Так что, заглянем или как?

Оба посмотрели на Ханю, так как знали, кто командует в этом доме. Ханю одолели сомнения. Заглянуть следовало обязательно, но не в таком многочисленном составе. Этот Сташек был нужен, как телеге пятое колесо...

В голову пришла соблазнительная мысль: временно все оставить, изобразить пренебрежение, вытащить их из этого подвала, а потом, ночью, без свидетелей, запрячь мужа в работу. Уже начали появляться способы реализации этой отличной идеи, но ни один из них воплотить в жизнь не удалось. На лестнице раздался топот, и в подвал ввалился Мечо, их четырнадцатилетний сын, который как раз вернулся из школы.

– Ну как? – крикнул он взволновано. – Работает?

– Ничего не работает, – огрызнулась Ханя. – Убирайся отсюда!

– Тут что-то есть, – одновременно с ней ответил Адам. – Бумкает. Наверное, яма.

– Привет, Мечек, – сказал Сташек Бельский.

Мечо машинально шаркнул ногами – воспитанию детей Ханя уделяла довольно много внимания, и сразу же прицепился к отцу:

– Ух ты! Как это? Под полом? Яма? Чтоб я помер, клад!

Дело было проиграно. Теперь, чтобы оставить в покое бумкающую яму, потребовались бы нечеловеческие усилия, обосновать это было невозможно. Мечо загорелся, уши его покраснели, в мгновение ока он притащил кирку и зубило.

– Осторожно! – сердито предостерегла Ханя. – Не стучите так! Кирпичи на огороде не растут!

Бережно и нежно, так как Ханя следила за работой, они сняли верхний слой кирпича. Под кирпичом оказались доски, которые вынулись легко, поскольку не были закреплены. Их положили сверху, очевидно, лишь для того, чтобы держались кирпичи. Под досками действительно появилась яма, а в ней что-то большое, старательно завёрнутое в брезент. Мечо излучал эмоции, его мать одеревенела, окостенела и окаменела окончательно.

– Ничего себе! – удивлённо сказал Сташек Бельский и посмотрел на Адама. – И ты ничего не знал?

– Абсолютно, – признался Адам и почесал голову. – Я же говорил, что в войну нас здесь не было.

– И что, с тех пор тебе ни разу не пришлось здесь постучать?..

– А на кой черт мне стучать? Здесь ничего не делали.

– Здесь картошка лежала, – объяснила Ханя убитым голосом. – В этом подвале всегда была картошка, тут ей самое место. Кому придёт в голову стучать под картошкой?

– Действительно. Сходится...

Они все стояли над ямой и всматривались в брезент, стараясь скрыть распирающее их любопытство и возрастающую надежду, что это действительно клад, вдруг окажется, что там какая-то ерунда – будешь выглядеть дураком...

Мечо не выдержал первый:

– Ну! – нетерпеливо заявил он. – Давайте посмотрим!

Адам глянул на жену, поколебался и нагнулся к брезенту. Но Сташека осенило:

– Подожди! – энергично остановил он его. – Там могли спрятать оружие, боеприпасы или ещё что. Может, лучше мне...

Мечо восторженно кивнул, он уже и сам не знал, что предпочесть, клад или настоящие гранаты. А ещё лучше, противотанковые мины – чудесная вещь! Ханя немного оттаяла. Она подумала, что предположение Сташека обосновано, следовательно, вреда не будет. Она кивнула головой и отодвинула Адама:

– Он прав. Оставь. Пусть сам посмотрит, если разбирается.

Сташек присел над ямой и осторожно начал поднимать брезент. Под брезентом оказалась тщательно склеенная клеёнка. Спотыкаясь о кирпичи, Мечо сбегал в дом и вернулся с ножницами. Сташек разрезал клеёнку, под ней оказался железный сундук. Весь сундук был чем-то обмазан. Первым об это испачкался Сташек. Он понюхал вещество и вытер руку о штаны:

– Солидол, что ли? Весь сундук обмазан...

– Защитили от влаги, – пробормотал Адам. – Может, действительно боеприпасы...

– А открыть можно? – жадно спросил Мечо, пытаясь протиснуть голову к яме.

– Не может быть и речи. Тут висячий замок и простые. Придётся доставать.

– Так доставайте! Быстрее же!..

После множества сложных манипуляций скользкий от смазки ящик, лишённый ручек, был наконец извлечён из ямы, занесён в дом и установлен в комнате на столе. Выглядел он на удивление хорошо. Железо было в отличном состоянии и после удаления смазки смотрелось как новое, по краям крышки был выбит причудливый

орнамент, спереди висел замок, а по бокам виднелись замочные скважины, прикрытые крышками. Закрыт сундук был основательно.

– Ну, да! – ехидно заметила Ханя, которая при виде сундука сразу засомневалась в боеприпасах и опять превратилась в замёрзшее дерево. – А где ключи?

– Ключи у того, кто прятал, – ответил Адам. – Придётся открывать, разбивать жалко...

Сташек предложил привести милицейского слесаря. Ханя холодно, но вежливо, что далось ей с превеликим трудом, запротестовала. Мечо исчез в глубине дома и вернулся с громадной связкой разных ключей:

– Попробуем, – предложил он с энтузиазмом.

Ханя, хоть и очень этого хотела, душить своего сына не стала. Она покорилась давлению высших сил, которые открыли клад в её доме в присутствии настоящего милиционера. Ей пришлось подавить вырывающийся протест и согласиться. Она мрачно наблюдала за попытками открыть сезам, всем сердцем желая неудачи.

Печь центрального отопления была забыта. Мечо понатаскал отовсюду кучу разных железок, его двенадцатилетняя сестра Магда вместо матери готовила ужин на кухне, Адам и Сташек сопели над замками, а Ханя парила над ними, как гриф над свежим трупом, ни на минуту не отрывая от сундука взгляда.

Поздним вечером усилия завершились успехом. Висячий замок сняли, один из врезных открыли, другой сломали. Дьявольски раздражённая Ханя медленно и с искренним нежеланием подняла тяжёлую железную крышку.

Разочарование было настолько большим, что чуть не материализовалось. Из-под крышки ничего не заблестело, не засветилось, не засияло, не брякнуло прекрасным золотым звоном. Содержимое сундука составляли исключительно бумаги, толстые, сложенные вчетверо и скрученные в трубку, перевязанные шнурочками и опечатанные, старые и новые, некоторые совсем пожелтевшие. И больше ничего, одни бумаги!

– Эээээ... – сказал Мечо тоном, который говорил за себя сам.

Ханя размягчилась до такой степени, что чуть не упала. Она заглянула на дно, под бумаги, удостоверилась, что там ничего нет, и на мгновение неподвижно застыла, опершись руками о стол.

– Слава богу, не боеприпасы! – утешил всех Адам. – А то нам бы забот было...

– С бумагами забот иногда побольше, – пробормотал Сташек и достал из ящика первый попавшийся документ. – Иногда даже... Что такое? Ничего не пойму!

Адам заглянул ему через плечо. Ханя пошевелилась и вяло потянулась за другой бумажкой. Почерк на ней выглядел странно, вычурные с завитушками буквы сильно затрудняли расшифровку текста.

– Я, нигне по оу пии, – бубнил Сташек. – А, понятно. Я, ниже подписавшийся. Господи, что за каракули. Антоний Пре гооо... А, нет. Грегорчук. Настоящим свиу... д... вую, свидетельствую, о, черт побери!

Он вздохнул от напряжения и опустил руку с документом, неодобрительно глядя на сундук. Ханя на своём документе прочитала только дату, но этого оказалось достаточно. 1887 год. Она внимательно присмотрелась к содержимому железного ящика. Бумаги были по-настоящему старые, некоторые даже очень. В голове Хани вдруг расцвела новая мысль, от которой её лицо, обычно фарфорово бледное, вдруг порозовело.

– Старые бумаги, – безразличным тоном вынесла она приговор. – Наверное, их спрятали от немцев, все это давно никому не нужно. Надо выбросить или сжечь, пригодится только ящик.

Сташек Бельский покачал головой и взял бумагу, сложенную вчетверо.

– Выбрасывать нельзя, – запротестовал он, изучая бумагу. – Жечь тоже. И речи быть не может. Это правительственные документы, здесь можно прочитать... Сейчас... мельница с участком... как и ставки на реке... в собственность Иеремии Борковскому... триста рублей серебром, наличными... Что ж так дёшево? Хотя нет, он ещё чего-то добавил...

Адам с Ханей смотрели на него, Адам неуверенно, Ханя неприязненно. Мечо потерял интерес к ящику, пожал плечами и отправился на кухню. Сташек поднял голову:

– Кажется, это – акт купли-продажи мельницы, – сказал он, задумавшись. – Тысяча девятьсот третьего года. Правда, написано –

Ковельский уезд, теперь это в Советском Союзе. Копия изготовлена по желанию ясновельможного пана Иеремии Борковского...

– Все равно, теперь эта мельница никому не нужна, – нетерпеливо прервала Ханя. – Кому это нужно? Все старое и ни к чему...

– Может и так... Но это – история.

В комнату заглянула Магда, которую Мечо уже успел проинформировать о содержимом находки.

– Это надо отдать в музей, – сообщила она с видом первооткрывателя. – Нам в школе рассказывали. Один мужчина говорил, что все старое надо сдавать в музей. Люди выбрасывают, а в музей мало вещей. Музей есть в Ливе.

Ханя опять окаменела, а Сташек расцвёл и бросил обременительное чтение. Мысль ему показалась прекрасной – она освобождала его от обязанности принять решение, с чем он имеет дело – с правительственными документами, которые милиция должна сохранить, или с личными бумагами, которые милиции не касаются. Он обрадовался, что этот вопрос решит музей и с воодушевлением похвалил предложение.

Адам тоже одобрительно кивал. Старые бумаги его вообще не интересовали, а дар музею мог сыграть некоторую роль в его жизненных планах. Конечно. Очень правильно. Он лично отнесёт эти бумажки в музей...

Голубые глаза Хани излучали полярный холод. Теперь, для разнообразия, ей хотелось задушить дочку. С её свежетыношенными планами музей решительно не стыковался, она не собиралась соглашаться с этим предложением, но решила отложить протесты на потом. Решительным жестом она закрыла сундук и напомнила всем, что время позднее, а ужин готов...

* * *

Местом, где Ханя проворачивала свои дела, не привлекая постороннего внимания, была теплица её мужа. Конечно, ей приходилось выбирать время, когда муж занимался другими делами, но это не доставляло особых хлопот. На следующий день после обнаружения сундука она кое с кем встретилась в теплице.

Каким образом весть о находке в доме неких древностей за одну ночь разнеслась по окрестностям, неизвестно, достаточно того, что она разошлась, и этот кое-кто был уже проинформирован. Кое-кто приехал, кажется, из Америки, жил в Венгрове и имел довольно оригинальное имя – Джон Капуста. С Ханей он уже давно завязал торговые отношения и теперь заглянул якобы для покупки помидоров.

– Ну как, пани Ханечка? – спросил он с милой улыбкой. – Есть что-нибудь интересное?

Ханя Дудкова не любила пустой болтовни. Она посмотрела вокруг, будто проверяя погоду, удостоверилась, что за ними никто не смотрит, спокойно подошла к полке с семенами и из-под коробок и кульков вытянула картонную папку. Из папки она вынула пожелтевший документ, который без слов вручила Джону Капусте.

Также молча Джон Капуста взял документ и принялся внимательно его изучать. Милая улыбка исчезла, теперь его лицо стало непроницаемым. Ханя холодно разглядывала его широкую гладкую физиономию, здоровую кожу, немного сплюснутый нос и хорошо ухоженные брови. Она опустила взгляд и осмотрела всю его кругловатую, среднего роста фигуру, с лёгкой завистью оценила стоимость куцега весеннего плащика и замшевых туфель и, наконец, остановила взгляд на массивном золотом перстне. Она задержалась на перстне до тех пор, пока Джон Капуста не закончил чтение.

– Их много, – сказала она сухо, – есть и старше.

– Я должен посмотреть, – ответил Джон Капуста задумавшись. – Может, они на что и сгодятся, хотя вы же знаете, что меня интересуют совсем другие вещи. Но посмотреть всегда можно.

Ханя заколебалась. Метод торговли у неё был установлен раз и навсегда – никогда не показывать всего товара, сначала надо продать тот, что похуже. Однако этот товар был необычен и она не умела с ним обращаться, после коротких раздумий она пригласила контрагента в дом. Джон Капуста вспомнил про помидоры:

– Немного петрушечки, чуть-чуть редисочки и укропчика – сказал он уверенно. – Вы же знаете, пани Ханечка, что я к вам прихожу исключительно за витаминами, ни за чем больше.

Ханя выдавила из себя улыбку, которая совсем не подходила к её холодному белому лицу. Она припомнила, сколько денег уже заплатил ей этот заграничный болван, не только за витамины, но и за другие

вещи, разную старую рухлядь, вытянутую с чердака и купленную за символическую цену у разных людей. Он ищет старьё – милости просим, в сундуке лежит старьё...

Искатель старья сидел в кухне за столом, а Ханя приносила ему по одному документу. Прежде чем вручить следующий, она не раз не забыла забрать предыдущий и ни разу не оставила дверь открытой. Сначала она дала те документы, которые казались новее, причём, часть из них была из большого конверта, лежащего где-то в середине ящика. Она по одному вынимала их из конверта, после чего педантично прятала обратно. Потом она приносила все более старые, оценивая возраст по состоянию бумаги и завитушкам письма, все по очереди, за исключением одной. Может, там было и больше одной бумаги, это было неизвестно, потому что оставшиеся документы были в конверте, заклеенном и опечатанном тремя печатями. На всякий случай, ей хотелось оставить эти печати нетронутыми, потому что никогда неизвестно, что будет дальше. Она хотела обдумать этот вопрос после заключения сделки.

Каждую бумажку гость внимательно изучал и делал при этом какие-то записи в блокноте, а Ханя во время чтения очень старательно и медленно упаковывала помидоры и зелень. Краем глаза она приглядывалась к гостю и думала, что он притворяется, поскольку эти каракули прочитать невозможно.

Наконец Джон Капуста дочитал до конца, поднял голову и посмотрел в окно.

– За все вместе, могу вам дать двести злотых, – недовольно, с лёгким пренебрежением сказал он.

Ханя чуть не взорвалась:

– Что?.. Если бы вы сказали две тысячи, мы бы смогли начать разговор. Шутите?

– Какие тут шутки? Здесь нет ничего стоящего, старые то они старые, но я бумагами не занимаюсь. Все это никому не нужно. Двести злотых... Ну, триста!

Ханя забрала у него последнюю прочитанную бумажку, отнесла её в комнату, спрятала в ящик и вернулась на кухню:

– Пять тысяч, – сказала она холодно.

– Это не ко мне, – также холодно ответил Джон Капуста. – Я могу поговорить про триста злотых. Вам и столько никто не даст.

Ханя не снизошла до ответа. Она подозревала, что покупатель прав, тем не менее, продавать все за триста злотых не собиралась. Она молча упаковывала дары теплицы.

– Там больше ничего нет? – спросил Джон Капуста, все ещё рассеяно глядя в окно.

Подумав, Ханя призналась, что кое-что есть. Ещё один конверт, но в руки она его не даст, потому что печати легко сломать. Если он купит – даст, а на нет – и суда нет.

– Кто сказал нет? Я, может, и купил бы, но вы придумываете такие цены, что мороз по коже. Я посмотрю ещё раз, медленно и спокойно...

После полудня Джон Капуста поднял цену до пятисот злотых, а Ханя опустила до четырех тысяч. Операция выноса документов повторилась трижды. Джон Капуста изучал предмет торга необычайно скрупулёзно, он внимательно прочитывал бумажку за бумажкой и все время делал какие-то пометки. При этом он, как репей, прицепился к пяти сотням, и только постоянно напоминал, что без осмотра документа с печатями о заключении сделки не может быть и речи.

Окончательно решил дело Адам Дудек. Вечером, когда они остались одни, он представил жене свой план:

– Знаешь этот участок рядом с нами? Народный Совет имеет первоочередное право выкупа, – таинственно произнёс он, снимая ботинки. – Старик Марцинковский хочет его продать, а нам он нужен позарез! Мне придётся дать такую взятку, что не дай бог. Так я осторожно узнал – если у нас будут какие-то заслуги, отказать будет неудобно, и нам разрешат его купить. А заслуга как с неба свалилась!

– Какая заслуга? – засомневалась Ханя, так как Адам замолчал, уверенный, что все уже сказал.

– Как это какая? Дар музею. Это надо проделать с шумом, с разговорами, с освидетельствованиями, с чем только можно.

– Что касается шума – можешь не беспокоиться, наши дети уже раструбили по всему городу, что мы нашли бог знает какие сокровища и отдаём их в музей.

– Раструбили? – обрадовался Адам. – Золотые дети, да пошлёт им бог здоровья! Завтра же туда выберусь. Сундук тоже отдадим, чтобы не думали, будто мы скупимся.

Ханя аж зашипела. Сама по себе мысль мужа была неглупой. Возможность покупки участка возле их огорода стоила, конечно,

больше, чем идиотские пятьсот злотых. Но сундук?.. Такой хороший железный сундук!...

В конце концов остановились на том, что вопрос ящика решится в музее. Если они не проявят интереса, Адам принесёт его обратно, а если они бросятся на него, выпустив когти, как ни жаль, придётся оставить. За прибыль с участка Ханя купит себе тысячу железных ящиков, а пока и говорить не о чем.

К обработке необходимого Адаму общественного мнения приложили руку не только дети, но и Сташек Бельский, которому было приятно думать, что он присутствовал при находке чего-то необычайно ценного. В течение часа бумаги из сундука постарели на несколько веков. В Народном Совете уже заранее знали, что Адам Дудек совершает незабвенный поступок, за который его придётся морально вознаградить...

* * *

В помещении реставратора музея в Ливе сидел официальный заместитель директора, искусствовед Михал Ольшевский. Учёбу он закончил год назад, и это была его первая должность. Ему было 25 лет, впереди была жизнь и большие надежды на будущее.

Сидел он в комнате реставратора, поскольку в кабинете директора сидел реставратор, *de facto* исполняющий административные обязанности. С той минуты, когда директор ушёл в двухлетний декретный отпуск, в музее произошло небольшое смещение функций. Реставратор, как многоопытный музейный работник, автоматически принял руководящие функции, а Михал занялся упорядочиванием и реставрацией всего, кроме живописи. Восстановлением живописи занимался настоящий реставратор, проявляющий необычайные таланты в этом направлении.

Михал сидел за столом, смотрел на облака в весеннем небе и представлял себе необыкновенные вещи. Мысленно перед ним являлись многочисленные произведения искусства красоты абсолютно уникальной. Всю свою жизнь он мечтал о работе среди забытых шедевров, о потрясающих открытиях, о поиске и оценке древностей, которые ещё не явились миру, о находке исторических памятников и

разностороннем их представлении. Он мечтал о тесноте музейных залов, лоснящихся богатством эпох. Много лет он страдал от страшных мук, встречаясь с невниманием и пренебрежением к шедеврам, разбросанным по подвалам, сараям и чердакам не только жилых домов, но и музеев. В нем кипела кровь, замирало сердце, он стискивал зубы и всей душой желал изменить мир. Найти все, будь то великое произведение искусства или какая-то мелочь, подновить, почистить, ухаживать и показывать. Показывать кому ни попадя – детям и взрослым, иностранцам и соотечественникам, интеллектуалам и безграмотным – всем, без различия пола, возраста и положения. Информировать, рассказывать, будить любовь и уважение к истории искусства. Обысторичить, окультурить, охудожествить общество! Когтями выдирать памятники старины отовсюду, где они пропадают. Выкупить, выпросить и даже украсть! Создать музей, которому Лувр и в подмётки не годится!

Другими словами, он был абсолютным неизлечимым маньяком, идеалистом и энтузиастом своего дела.

Музей, в котором он работал, поразительно отличался от идеала. Он содержал всего три достойных экспоната. Причём, в основном это было оружие – самострелы от семнадцатого века и старше. Остальные предметы, по мнению Михала, были слишком молодыми и малохудожественными. Самыми древними в коллекции были алебарды, к которым он испытывал наибольшие симпатии. Давая выход чувствам, он в большой тайне и без свидетелей чистил их, полировал и даже точил, и всегда держал под рукой по крайней мере две из них.

В небе за окном показалась большая стая ворон и одновременно заурчал мотор приближающейся машины. Автомобиль являлся предметом противно современным, своим урчанием он спугнул с облаков волшебный образ шедевров. Наполнившись обидой на действительность и в то же время какой-то отчаянной жаждой деятельности, не выходя из состояния задумчивости, Михал поднялся с кресла и рассеянно снял со стены алебарду.

Ручка была довольно тяжёлой и неудобной. Михал крепко взялся за неё посередине, мысленно представив, что должен вести борьбу за произведения искусства. Зажегшись этой неясной мыслью о борьбе, он непроизвольно замахнулся алебардой. Замах показался ему

несоответствующим оружию, пришлось замахнуться ещё раз. Тоже плохо. Внезапно заинтересовавшись фехтованием, он сделал несколько других движений и уже через минуту рубил и рассекал воздух с таким воодушевлением, как будто его противник на протяжении пятисот лет скрывал во влажном подвале беззащитные перед водой шедевры.

Понятно, что именно в этот момент и появился Адам Дудек, который привёз машиной свой сундук. Музей был открыт, но пуст, он не знал, куда пойти и поэтому постучал в ближайшую дверь слева. Не ожидая приглашения, поскольку сундук весил порядочно, он нажал на ручку и открыл створку двери.

Что-то со страшным свистом разрезало воздух перед самым его носом. Он метнулся назад, ударился локтем о косяк, тяжесть вывалилась из рук и грохнула о пол. Свистящее нечто мигнуло, блеснуло молнией и с огромной силой вонзилось прямо в рассыпанное у ног содержимое сундука.

Неизвестно, кто из них испугался больше – смертельно удивлённый Адам или же Михал, которому вдруг стало очень жарко от мысли, что он чуть не разрубил человека. В последний момент он успел изменить направление смертоносного удара! От пережитого его охватила слабость. Он неподвижно стоял, опершись об алебарду, вспомнив, что как раз недавно её наточил...

Сундук упал боком, на лету крышка с распахнулась, бумаги разлетелись, алебарда попала как раз в середину большого конверта, сломав три красные печати. Адам увидел это и одеревенел окончательно. Оба надолго замерли, уставившись в поломанные печати и не смея взглянуть друг на друга.

Адам пришёл в себя первым, потому что вспомнил о Хане. Он почувствовал, что должен что-то сделать и отворил двери пошире.

– Можно? – спросил он очень осторожно.

Михал тоже вышел из оцепенения. Он схватил алебарду и как можно быстрее повесил её на стену.

– Пожалуйста, пожалуйста, – пригласил он. – Сейчас я вам помогу... Вы по какому-то делу?

Адам перешагнул через сундук, присел и запихал рассыпанные бумаги обратно. Общими усилиями они водрузили железный ящик на стол. Михал невольно залюбовался красивым, в стиле барокко орнаментом на крышке. Немного злясь на себя, немного на гостя, он

изо всех сил старался выглядеть достойно, серьёзно и элегантно, плохо слушая объяснения. Содержание рассказа Адама начало до него доходить где-то посередине, он откинул крышку, заглянул в сундук, посмотрел на бумаги и полностью пропустил продолжение.

Скоро Адам понял, что молодой человек его вовсе не слушает. Он уныло замолчал и смотрел, как этот помешанный директор вытягивает документы из ящика, без видимого труда читает сложные завитушки, алчно тянется за следующими, как постепенно загораются его щеки и краснеют уши, а глаза начинают искриться подозрительным блеском. Он сильно испугался и уже начал думать, не лучше ли махнуть на все рукой и поскорее сбежать.

Михал, не веря собственным глазам, просматривал документы. Постепенно на него накатывала волна умиления, такая мощная, что ей необходимо было дать выход. Он оторвался от захватывающего чтения, чтобы что-то сделать, громко крикнуть, кувыркнуть, броситься вприсядку, но не сделал ничего, потому как взгляд его упал на испуганного Адама, и он осознал, что здесь находится свидетель. Адам показался ему ангелом, он немедленно простил ему поимку во время дурачества с алебардой и для его развлечения готов был выкатить даже пушечный ствол.

– Господи, откуда это у вас?! – выкрикнул он с радостным удивлением. – Это же сокровище, настоящее сокровище!

– Я же вам говорю откуда, а вы совсем не слушаете, – ответил слегка обидевшийся Адам.

– Ну почему, я вас слушаю, ей-богу! Повторите ещё раз!

Адам терпеливо повторил весь рассказ о находке сундука. С сумасшедшими он предпочитал не ссориться. На этот раз Михал слушал с пристальным вниманием.

– Откуда это там взялось? – спросил он удивлённо. – И каким чудом, несмотря на войну, сохранилось?

– Там жил один нотариус, – объяснил Адам. – Ещё довоенный. Перед самой войной он начал строить себе дом, и, пока суть да дело, отец сдал ему наш. Ну, он там и жил. Только жена у него была еврейка – как немцы пришли, всех до последнего человека и схапали. То есть, не всех, хлеборезка осталась, из-за этой хлеборезки дом и уцелел.

– Как это? Из-за какого хлеборезки?

– Да из-за кухарки. Была у них одна кухарка, она с самого начала крутила с немцами. Фрицы оставили ей этот дом, всю войну она в нем жила, гулянки им устраивала. Они к ней в гости ходили, ещё и приплачивали. Девка она была налитая, как репа, ничего не скажу, я её с детства знал, только вредная. Это она донесла на жену нотариуса. Но из-за неё, когда нотариуса взяли, дом не спалили и не разграбили, он остался в полном порядке и простоял всю войну. А кухарка куда-то подевалась и никто её не жалел.

– Может, вы знаете, как звали нотариуса?

– Знаю. Вспомнил. Лагевка. Болеслав.

– Вы думаете, что это он спрятал?

– А кто ещё? Тогда там больше никто не жил, мы угол у родственников снимали, потому что нотариус хорошо платил. Отец дом поставил, а денег у него не осталось. А нотариус, видать, чувствовал, что будет, и бумаги в подвал спрятал, чтобы хоть их спасти.

– Когда вы это нашли?

– Позавчера. То есть одиннадцатого.

– Лагевка Болеслав... – повторил Михал и вновь почувствовал волнение. Он заглянул в сундук. Лагевка Болеслав, вероятно, внук или правнук того Лагевки, который сто лет назад составлял эти документы и подписи которого здесь стоят. Позавчера, одиннадцатого... Значит, сегодня тринадцатое. Тринадцать, какое прекрасное число...

Адам Дудек как раз подумал, что черт бы побрал это тринадцатое число, всегда это пропаций день. Вот пожалуйста – попал на психа, который опять ничего не слушает, а Адам как раз упомянул про справку. Он немного запутался, потому как ему было необходимо что-нибудь посильнее, чем справка, какая-нибудь благодарность или ещё что...

До Михала вдруг дошло, что пришелец что-то лопочет, о чем-то просит. Для него он готов был на все. Адам, вспотев от волнения, бормотал что-то про Народный Совет, участок и право выкупа. Михал ничего не понимал, но угодить хотел от всего сердца. Справка о дарении? Конечно, само собой разумеется, официальная благодарность...

Он опять перестал обращать внимание на гостя, потому что взгляд его упал на конверт со сломанными печатями. На нем было несколько

надписей, нечто вроде содержания, и первая из них гласила: «Завещание Ясновельможной Пани Софии из Хмелевских Больницкой, писанное нотариусом Бартоломеом Лагевкой в день 11 апреля 1901 года от Рождества Христова, в двадцать пятую годовщину бегства из дома Ясновельможной Пани Катарины Больницкой».

Михал не был суеверным, но такое совпадение дат вызвало сердцебиение. Он почувствовал, что окончательно теряет равновесие. Замечательный парень принёс эти чудесные вещи, но от замечательного парня надо наконец избавиться, чтобы прочитать все спокойно. Он заметил там нечто неправдоподобное и заболит, если не займётся этим немедленно!

Адам уже безнадежно отчаялся, когда музейный псих вдруг взорвался дикой энергией. Он сорвался с места, выволок Адама из здания, вернулся за какими-то печатями в кабинет директора, второй раз вернулся за бумагой, третий раз – чтобы закрыть двери. Он тащил его за собой и кричал что-то про Отдел Записи Актов Гражданского Состояния. Испуганный Адам упирался изо всех сил, пока из хаотичных объяснений не понял, что машинистка в ЗАГСе печатает лучше всех в воеводстве. Тогда он перестал упираться и предложил не топать четыре километра пешком, а доехать до Венгрова на его фургоне. Они вернулись на шоссе и галопом поскакали к фургону.

Часом позже дело было полностью улажено. Счастливый Адам отправился домой с бумагами, тон которых пылал таким энтузиазмом, что мог заменить по крайней мере Золотой Крест Героя, а Михал наконец-то остался один. Он вернулся в музей, запер дверь на ключ и принялся за чтение.

Торжественно, с чувством райского наслаждения, он первым делом вытянул то, что потрясло его ещё при первом взгляде. Документ носил титул: «Список имущества, собранного ясновельможной пани Софией Больницкой, переданного в распоряжение Бартоломею Лагевке, для последующей передачи наследникам, согласно с последней её волей, выраженной в завещании от 11 апреля 1901 года от Рождества Христова». Начало документа было в превосходном состоянии, середина и конец подверглись полному уничтожению из-за плохого качества бумаги и были почти нечитаемы.

Под заглавием шёл длинный список. После первой же позиции у Михала запершило в горле, здесь упоминались 15 тысяч рублей

золотом, он тут же представил себе, какую нумизматическую ценность представляют собой эти рубли. Во второй позиции у него спёрло дух. Там чёрным по белому было написано, что речь идёт о двух тысячах штук различных золотых и серебряных монет, давно не используемых в обращении, в том числе так называемых драхмах, пиастрах, польских грошах, дукатах, талерах и других. Дальше он читал описание драгоценностей и украшений, до тех пор, пока не пришлось встать и выпить воды. Он как раз добрался до подсвечника, триста лет назад купленного у потомка рыцаря, добывшего его в крестовом походе. На старинном украшении для головы, выполненном из трехсот жемчужин, у него потемнело в глазах, а на серебряном сервизе работы краковского ювелира, выполненного перед самой смертью королевы Ядвиги, он перестал читать. Он протёр глаза, потряс головой, размазал по лицу остатки невыпитой воды и начал все заново.

Продолжение текста ниже сервиза было покрыто пятнами, что создавало некоторые трудности при чтении. Михал с трудом расшифровывал недостающие буквы, с омерзением думая о купце, который продал нотариусу такую гадкую бумагу. В конце концов ему удалось прочитать только запись о портрете бабки пани Софии, написанным из чистой симпатии к ней мастером Баччиарелли, обо все остальном приходилось только догадываться. Ему было ужасно жарко, лицо его горело, он чувствовал головокружение, а мысленно, с неслыханной точностью, видел каждый из описываемых предметов. Он поднялся с кресла, сделал у окна несколько глубоких вдохов, принёс себе следующий стакан воды и начал читать в третий раз.

В упоении дочитав до конца, он наконец осознал, что именно читает. Список предметов, переданных в распоряжение... Нотариус все это взял, список есть, а где предметы?..

– Ради бога, что со всем этим случилось?! – жалобно простонал он в окно и через секунду добавил вполголоса: – Спокойно, Михал, только спокойно...

Он отодвинул потрясающий список и принялся за осмотр остального содержимого ящика. Среди многочисленных актов купли и продажи различных объектов он нашёл заметки другого содержания. Одна из них гласила:

«В первую годовщину смерти моего святой памяти отца, Бартоломея Лагевки, удостоверяю текущее состояние наследства от

святой памяти Софии Больницкой. Имущество в моем распоряжении, с помощью божьей и Антона Влукневского. Катарина из Больницких Войтычкова до сих пор жива.»

Дальше следовала дата: 4 февраля 1905 года.

Этой записки Михал в первую минуту вообще не понял. После долгих размышлений он осознал, что в день 4 февраля 1905 года наследство от этой Больницкой ещё не было принято наследниками. Все предметы, упомянутые в списке, все ещё находились на сохранении, но теперь у сына того нотариуса, который составлял завещание. Но что должно было означать упоминание о жизни Катарина из Больницких Войтычковой?

Неясная, смутная, волнующая надежда тронула его сердце. Он стал лихорадочно рыться в оставшихся бумагах и нашёл отдельный листик от сентября 1939 года. Подписался на нем Болеслав Лагевка, который записал следующие слова:

«Для сведения возможных исполнителей: Катарина Войтычкова до сих пор жива. Полина de domo Войтычко, primo voto Влукневска жива и здорова. Остальное без изменений, согласно воле завещателя».

Михалу опять стало невыносимо жарко. Он упал на кресло, откинулся на спинку и зажал ладонями горячие уши. Смутная надежда закреплялась. В 1939 году наследство оставалось на хранении, а таинственная Катарина из Больницких Войтычкова имела с этим что-то общее. Она оказывала на это влияние тем фактом, что была жива. В голове пронеслось, что жила она чертовски долго... Тем не менее, если в 1939 году существовало некоторое состояние, то это состояние существует до сих пор, поскольку последние тридцать пять лет завещание почивало под полом в подвале Адама Дудека. Предметы из списка, эти сказочные сокровища, до сих пор где-то лежат. Лежат... Сейчас, а лежат ли? Была война, потом тридцать лет...

Михал оторвал плечи от спинки, схватил список и принялся изучать его с другой точки зрения. Каждый предмет он мысленно ощупывал, осматривал, представлял, старался сравнить с другими. Память его была отличной, последние десять лет, ведомый своим маниакальным увлечением, он добывал сведения о забытых произведениях искусства. Он исследовал их, читал о них, выскребал и добывал любую информацию, сплетни и анекдоты, осматривал все, что только мог осмотреть, в голоде и холоде шляясь по всей Европе.

Он смело мог сказать, что, как никто другой, знает где что находится. Он помнил, что было в Польше до войны, что было вывезено и украдено при оккупации, что найдено, обнаружено и открыто в послевоенное время. О старых произведениях искусства он знал почти все и теперь открыл для себя нечто поразительное.

Ни одна из описанных здесь вещей, со всей уверенностью, нигде не появлялась. Совсем нигде, не только в Польше. О предметах такого класса, о таких нумизматических экземплярах он должен был услышать, где бы они не всплыли. Хотя бы об одном... Они не есть и никогда не были единым целым, это – хаотическое собрание абсурдных богатств, одно оттуда, другое отсюда. Несомненно, они бы разошлись между коллекционерами. Нет такого человека, который за столько лет не выпустил чего-либо в мир или из-за денег, или для обмена. А здесь ничего, ни об одной из вещей он никогда не слышал. Следовательно...

Михал на мгновение замер, закрыл глаза, потом открыл их и посмотрел на темнеющее небо, по которому весенний ветер тащил розовые облака. Ни неба, ни облаков он не видел, для разнообразия ему стало холодно и пришлось собрать все силы, чтобы наконец осознать эту неслыханную, неправдоподобную, ослепительную мысль.

Итак, все эти вещи, весь этот клад, все ошеломляющие, несравнимые сокровища до сих пор лежат где-то в укрытии, там, где по поручению своей клиентки их спрятал старый нотариус Бартоломей Лагевка...

Примерно через пятнадцать минут Михал Ольшевский вновь приобрёл способность мыслить. Могучая, оргазмическая радость открыляла его и подпитывала ум. Фактом существования каких-то там наследников он пока полностью пренебрёг, не сомневаясь, что, если музей сможет это купить, удастся уговорить их на продажу. А если и нет, они наверняка согласятся сдать это на хранение, сфотографировать, описать и показать людям... Понятно, что все вещи были где-то в стране, близко и доступно. К счастью, вывозить подобное не разрешает закон...

Осталась единственная трудность – найти эти сокровища. Несомненно, они хорошо спрятаны, если до сих пор не найдены. Где старый нотариус мог найти соответствующее укрытие? Наверняка закопал... Михал прикинул объём вещей, получился ящик объёмом со

стол реставратора. Такой ящик закопать можно, можно закопать вещи и побольше, но где?!

Внимательный просмотр всех бумаг из ящика окончательно подтвердил, что на этот счёт никакой информации нет. Оставалось завещание. Если бы печати на конверте не были сломаны, он бы наверняка поостерегся его открывать, но, к счастью, печати сломались добровольно. Завещание было последним шансом.

Взяв в руки испорченный, конверт Михал заметил следующее: во-первых, уже давно наступила ночь и в комнате горит лампа, когда он её зажжёт – не понятно. Во-вторых, что он ужасно голоден. В-третьих, тут что-то не сходится. Что-то не так. Завещание открывается после смерти завещателя и в присутствии наследников. Откуда было известно, что надо делать с этим кладом, оставленным на хранение? Очевидно, из завещания. Значит, это завещание уже открывалось и читалось. Сейчас... Но если исполнителем остался тот же нотариус, который его писал, он, понятно, знал его, не открывая. Информацию сыну он мог передать устно. Итак...

Необходимость поиска чудесных сокровищ подталкивала к действиям. Михал забыл о сомнениях и открыл конверт.

Внутри находились два завещания и примечание нотариуса.

Михал поспешно развернул первую попавшуюся бумагу. Какой-то Казимир Хмелевский, в день 7 августа 1874 года от Рождества Христова, завещал все, чем обладает, ясновельможной пани Катарине Больницкой, дочери Владимира и Софии, либо потомкам упомянутой Катарини. Не читая продолжения, где шла речь о каких-то усадьбах, мельницах и золоте, Михал нетерпеливо отложил эту бумагу и взял следующую. Да, это было то, что нужно. Опять печать и сухое распоряжение: «Вскрыть после смерти Катарини из Больницких Войтычковой».

Мимолётно подумав, что эта Катарина к настоящему времени давно умерла, Михал решительно сломал печать. Одним взглядом он окинул содержание, после чего начал читать внимательнее. Нижеподписавшаяся София из Хмельницких Больницкая, в здравом уме и трезвой памяти, но из-за возраста слабая телом, отписывала Полине Войтычко, дочери Катарини из Больницких Войтычковой, вышедшей вопреки воле родителей замуж за Антона Войтычко, огромное богатство, происходящее из следующих источников: primo,

приданное собранное для Катарини, которого она лишилась, сбежав из дома и вступив в нежелательный брак; secundo, наследство от Казимира Хмелевского, передающего свою собственность Катарине либо её потомкам, в данном случае – потомкам; tertio, имущество, унаследованное от святой памяти сестры пани Софии Больницкой – Марии, графини Лепежинской; quarto, небольшая часть собственного имущества пани Софии в виде драгоценностей, предметов домашнего обихода и портрета. В состав вышеупомянутого имущества входили четыре усадьбы, расположенные в различных местах, две мельницы, много леса с двумя лесопилками, винокурня и пивоварня. Относительно последней, с русским купцом, неким Фёдором Васильевичем Колчевым, было заключено соглашение о поставке хмеля, действительное на протяжении последующих двадцати лет. Михал вспомнил, что видел этот договор среди других документов, и подумал, что он закончился ещё до первой мировой войны.

Дальше. Основу состояния составляли деньги, прибыльно вложенные в различные предприятия. Кроме них существовали наличные в виде пятнадцати тысяч рублей золотом, и многочисленные предметы и украшения неизмеримой ценности, перечисленные в отдельном списке. Они сложены в деревянный ящик, окованный железом, который пани София передаёт на хранение исполнителю данного завещания, нотариусу Бартоломею Лагевке, вместе с ключами, обязав его перед именем господ старательно сохранять имущество от всевозможного лиха. Того же Бартоломея Лагевку пани София Больницкая обязала заботиться и об остальном имуществе, отдав ему в управление усадьбы и мельницы, до передачи наследникам. Основным условием передачи должна была стать смерть Катарини из Больницких Войтычковой, старшая дочь которой не имела права на получение чего-либо при жизни матери. Скромный остаток своего имущества пани София передавала единственному оставшемуся в живых сыну Богумилу Больницкому, без всяких условий и оговорок.

Ошарашенно дочитав до конца это оригинальное завещание, Михал увидел под ним подписи свидетелей. Их было двое. Некто Дамаций Менюшко и какой-то Франтишек Влукневский. Этого Влукневского он уже где-то видел, он уже попадался на глаза...

Он быстро нашёл два упоминания о Влукневском. Младший Лагевка управлял имуществом при помощи божьей и Антона

Влукневского, это должно быть сын Франтишека. И второе: «Полина de domo Войтычко, primo voto Влукневска...» Значит, Полина Войтычко, наследница Софии Больницкой, вышла замуж за одного из Влукневских, судя по датам, скорее всего за сына Франтишека, этого Антона или другого... Франтишек был одним из свидетелей, знал содержание завещания и нет ничего удивительного, что женил сына на дочери Катарины! Удивительно только, что он не ускорил её уход с этого света...

В сердце возникло внезапное беспокойство. Так, если Влукневский женился на дочери Катарины и от отца знал содержание завещания, не сделал ли он какого-нибудь трюка с наследством? Может, они не дождалась смерти Катарины... Нет, исключено. Последний потомок нотариуса Болеслав Лагевка, в 1939 году писал чёрным по белому: «Остальное без изменений, согласно воле завещателя». Если согласно воле, значит, при жизни Катарины они ничего не получили.

Михал перестал ощущать голод. Он уже запустил руки в кипу бумаг, чтобы найти упоминания о Влукневских, когда вдруг вспомнил о примечании нотариуса.

Старый Бартоломей Лагевка, чувствуя приближение смерти, оставил письменные поручения сыну, объяснив при случае некоторые события, связанные с завещанием пани Софии. Во-первых, содержание завещания должно оставаться в тайне до момента его реализации. Оба свидетеля поклялись хранить молчание. Во-вторых, как Франтишеку Влукневскому, так и его сыну Антону, можно доверять, принимая их помощь в управлении имуществом, поскольку это люди исключительной порядочности. В-третьих, пани София Больницкая умерла внезапно, сражённая апоплексией при вести о бегстве своей старшей внучки Полины. Убегая, Полина не думала о замужестве и отправилась в Варшаву, чтобы найти приличную работу. В-четвёртых, сражённая апоплексией пани София в последние часы жизни пыталась сказать что-то ещё, что, к счастью, ей не удалось. Бартоломей Лагевка не сомневался, что умирающая собиралась отказать своей внучке, чего он никакой ценой допустить не мог, поскольку считал, что Катарины de domo Больницкая пострадала уже достаточно, причём с его помощью. Он пренебрёг своими обязанностями, не исполнив завещания Казимира Хмелевского, и

сделал это под давлением пани Софии, которой он безоговорочно подчинился, за что бог его простит. Пусть же хоть дочь Катаринины получит то, что ей принадлежит. В-пятых, он обязывает сына передавать место укрытия доверенного им сундука, о котором идёт речь в завещании, исключительно устно и только одному человеку. В-шестых, он наказывает следить за Полиной и её потомками, чтобы в момент смерти Катаринины не было хлопот с поисками наследников. В-седьмых, он оставляет сына опеке божьей.

Ниже подписи Бартоломея Лагевки виднелось примечание, сделанное рукой его сына: «В день 5 сентября А.Д. 1903, Полина Войтычко вышла замуж за Франтишека Влукневского и поселилась с ним в Варшаве по улице Согласия, 9, во флигеле, на третьем этаже.»

В полном оцепенении Михал всматривался в это примечание. О, боже! Полина вышла замуж за Франтишека, мужчину, который был почти ровесником её бабки?! И этот Франтишек переехал в Варшаву?! Невозможно!!!...

Он лихорадочно бросился к ящику. Там было что-то, он точно что-то видел про этих чёртовых Влукневских! Какие-то обычные, маловажные вещи...

За окном уже разгорался весенний рассвет, когда Михал, успокоенный насчёт замужества Полины Войтычко, дочитывал арендное соглашение, в котором Франтишек Влукневский отдавал в аренду своему брату Антону свои земли, унаследованные от отца. Дальше шёл документ, по которому Антон заплатил Франтишеку и принял в управление всю собственность. Поняв, что Полина вышла замуж за человека соответствующего возраста, Михал успокоился. Он уже без остатка втянулся в историю этой удивительной семьи, в которой дочери неизменно сбегали из дома, а матери проявляли непримиримую твёрдость. При случае он отметил контраст между спрятанными сокровищами и третьим этажом флигеля, и, наконец, полностью поверил, что старый Франтишек Влукневский сохранил тайну до конца.

На несколько скромных документов, касающихся Юзефа Менюшко, сына Дамация, судя по которым вышеупомянутый Юзеф втягивался в долги и распродал земли, Михал уже не обратил внимания. Рассеяно глядя на восход солнца, он думал, что как-нибудь доберётся до этих наследников. Начать придётся с деревенских

Влукневских, так как в деревне произошло гораздо меньше изменений, чем в городе, тем более в Варшаве. Флигеля с третьим этажом уже тридцать пять лет не существует. Бог знает, что случилось с Полиной и Франтишекком, но, возможно, о них что-нибудь знают потомки Антона. Информацию о сундуке молодой нотариус должен был передавать устно и только одному человеку. Кто мог быть тем человеком, которого он выбрал перед войной? Наверняка кто-то из наследников, не посторонний. Надо найти их, этих потомков Катарины, и вместе с ними попытаться отгадать, что могли выдумать София Больницкая и старый нотариус...

С уведомлением музейного начальства и милиции он решил пока повременить. Несмотря на все факты, полной уверенности не было, преждевременное разглашение могло только повредить делу. Он решил вести поиски своими силами, что не должно было привести к каким-либо потерям – если сокровище лежало до сих пор, полежит и дальше. А мысль, что он лично и собственноручно может найти и спасти все это...

Пречудеснейшая, дерзкая, небесная мысль горела в его душе и не давала дышать...

* * *

Индюки шагали медленно и величественно, постоянно взрываясь оглушительным бульканьем, не обращая никакого внимания на сигнал и рычание автомобиля. Давить их я побоялась и тащилась за стадом на первой скорости. Сигналила, рычала двигателем и подпихивала бампером их пернатые туши – безрезультатно. Индюки жили своей жизнью и не меняли скорости.

Грунтовая дорога была обсажена деревьями. С одной её стороны тянулось село, с другой – луга и поля. За полями на горизонте чернел лес. Камыш, торчащий посреди поля, обозначил положение небольшого озера, пруда или болота. Я могла ненапряженно понаблюдать за пейзажем, поскольку к индюкам подключилось большое стадо гусей, окончательно загородивших путь и исключивших дальнейшее движение. Они выползли из двора впереди и переходили через дорогу, направляясь к лугу.

Где-то рядом, кажется, возле болотца, нашли неопознанный труп, у которого был мой адрес. Правда, не только мой. Таинственный покойник был снабжён адресами почти всей моей семьи, моих родителей и тётки Люцины из Варшавы, моей кузины Лильки из Чешина, её брата Хенрика из Вроцлава и даже канадским адресом моей второй тётки – Терезы. Кроме этих адресов, записанных на потёртой бумажке, покойник не имел ничего. Установить, кем он был при жизни, не удалось.

Естественно, всех нас тщательно и добросовестно допросили. Милиция была настолько любезна, что не настаивала на очной ставке с покойником, а ограничилась соответственно обработанным портретом, на котором труп выглядел живым и нестрашным. Никто из семьи никогда его не видел. Это было ясно до такой степени, что сомнения перестали мучить даже милицию. Труп нашли осенью прошлого года, нам задали пару тысяч вопросов, но так ничего и не выяснили.

В конце тщательного разбирательства, среди других, прозвучал вопрос, говорит ли нам что-нибудь фамилия Менюшко. Мой отец, моя мамуся и я одновременно заявили, что первый раз её слышим, а моя тётка Люцина задумалась:

– Кажется, я когда-то слышала, – сказала она, пробудив тень надежды на лице капитана милиции. – Так в голове и вертится... Но это касается того времени, когда мне было шестнадцать лет, сомневаюсь, что вам будет интересно. Кроме того, если я где-то и слышала, то все равно не помню.

Капитан посмотрел на неё с нескрываемой неприязнью и отказался от дальнейших расспросов.

Лицо жертвы предъявили и тётке Терезе в Канаде, о чем она уведомила нас письменно, сообщив попутно, что последнее время наблюдается солидный урожай на подозрительных идиотов. Один подозрительный идиот пытался расспрашивать её о разных предках. Он приходил два раза – незнакомый чужой человек. Другой, независимо от первого, подсовывал ей фотографию парня, похожего на покойника, и утверждал, что она о нем что-то знает. Ничего она не знает и знать не хочет. С людьми, которые так выглядят, она вообще не желает иметь ничего общего.

Мы объяснили ей, тоже письменно, что парень на фотографии похож на покойника неслучайно. Нас сильно заинтриговал первый

идиот, который наносил визит за месяц до появления трупа и мог иметь какое-то значение, но про него Тереза тоже ничего не знала. Через пару месяцев она приехала отдыхать в Польшу и загадочное происшествие вновь привело нас в движение. Мы решили выбраться на экскурсию в Волю, чтобы взглянуть на место, которое стало последним пристанищем странного покойника, тем более, что это место было нашей родиной.

Моя мамуся и Люцина очень настаивали на этой поездке, Тереза попеременно то упорно отказывалась, то впадала в боевое настроение. То она не желала слышать о таинственном преступлении, то порывалась все объяснить, раздумывая о том, рассказать ли милиции о навестивших её подозрительных идиотах или наоборот, тщательно все утаить. Люцина злорадно страшила её Менюшкой:

– Ты Менюшко знаешь? – добродушно спросила она при первой же встрече вместо приветствия. – Припомни-ка своих старых хахалей, их у тебя хватало. Может, какого Менюшко и найдёшь.

Терезу это сильно расстроило, по дороге из аэропорта они чуть не подрались, помешала только теснота автомобиля. Отбившись от Люцины, Тереза открестилась и от Менюшки:

– Отцепись! – яростно протестовала она. – Эта ваша милиция никуда не годится! Я не хочу, чтобы разные трупы носили мой адрес!

– Наши адреса они тоже носят, – примирительно заметила моя мамуся.

– Ваши могут и носить, а мой нет! Ни про каких Менюшек я в жизни не слышала! И слушать не буду, уши заткну! Надо, наконец, все выяснить. Я не хочу, чтобы на мне висели какие-то дурацкие преступления!

– Вот именно, – сказала моя мамуся. – Поехали туда!

– Куда?! На место преступления? Чтоб там и нас задушили? Ещё чего!...

Через неделю, используя изменчивость настроений Терезы, мы поехали посмотреть на место преступления, по непонятной причине связанное адресами с нашей семьёй. С собой мы взяли сестру отца, тётю Ядю, которая в глубине души чувствовала себя глубоко обиженной тем фактом, что у покойника не было её адреса, и живо интересовалась семейной сенсацией. По дороге меня остановила домашняя птица, поэтому я сидела в бездействии за рулём,

меланхолично разглядывала сельский пейзаж и не имела ни малейшего понятия о событиях, которые привели меня к этим индюкам, гусям и болоту на лугу...

* * *

Наконец, гуси форсировали дорогу. Я тронулась с места и сразу догнала индюков. Одного удалось отпихнуть в сторону...

– О, господи! – вдруг оживилась моя мамуся. – Смотрите, это же здесь! Не узнаете? Вместо дома стоит коровник, интересно, что здесь случилось...

Я остановилась посреди дороги.

– Последний раз здесь нашли труп, а за сорок пять лет могло случиться и побольше, – ехидно заметила я. – Откуда ты знаешь, что это здесь, если вместо дома стоит коровник?

– Как откуда, все остальное я узнаю! Сеновал тот же самый и двор, и даже пень стоит на том же месте. Вон и развалины видно! Конечно же, это здесь!

– Здесь, – согласилась Люцина из-за моей спины. – Отсюда вылезли эти гуси, это наши, фамильные. Хорошо, что ты ни одного не переехала. Выпусти меня.

Я открыла двери, наклонила на себя спинку сиденья, выпустила Люцину и посмотрела вокруг. Через широко раскрытые ворота был виден большой двор, со всех сторон ограниченный постройками. В глубине, возле сеновала, расположилось что-то вроде конюшни, откуда вместо коня выглядывал трактор. Справа поднималось большое кирпичное здание с довольно странными окнами – слишком большими для коровника и слишком маленькими для жилого дома. Слева от ворот, отделённый от дороги палисадником, стоял красивый новый кирпичный дом с мансардой и балкончиком. В те времена, которые помнила моя мамуся, его наверняка ещё не было. Чуть дальше, за гипотетическим хлевом, виднелся небольшой холмик, похожий на развалины, присыпанные землёй и поросшие кустарником.

Люцина пошла к воротам, я заглушила двигатель и воцарилась приятная тишина.

– Выходим, что ли? – спросила Тереза и за моей спиной начала выпихивать Ядю.

Из коровника вышел мужчина средних лет, высокий и худой, с красивым спокойным лицом. Он не обратил на нас внимания, поставил под стену вилы и не спеша направился к дому. Люцина вступила во двор, мужчина посмотрел на неё и остановился. Люцина без колебаний подошла к нему:

– Ты Франек, – спокойно сообщила она. – Франек Влукневский, правда?

Мужчина задумчиво уставился на неё и не выразил ни малейшего удивления.

– Да. Это я. А в чем...

Он внезапно замолчал, как будто только теперь обнаружил, что эта абсолютно чужая ему тётка обращается к нему на «ты». Слегка сбитый с толку, он уставился на Люцину и молчал. Люцина радостно захихикала.

– А ты похож на своего отца! А на дядю, кажется, ещё больше. Ты удивлён?

– Нет, – меланхолично ответила жертва нападения, – я уже ни чему не удивляюсь. А в чем дело?

Люцина решила слегка смягчить свой фривольный тон:

– Все мы в девичестве Влукневские, – милосердно объяснила она. – А ты наш двоюродный брат...

Она махнула в сторону машины и осознала, что из неё как раз выходит тётя Ядя, происходящая совсем из другой семьи, а на переднем плане, за рулём, торчу я, тоже с другой фамилией.

– Нет, не все, – поспешно поправилась она. – Только три штуки, а эти две – как раз нет. Мы твои двоюродные сестры, ты мог про нас слышать...

Скептически рассматривающий её мужчина вдруг расцвёл.

– А, знаю! – произнёс он, оживившись. – Вы дочери дяди Франека. Так я и думал, что вы объявитесь.

Если он решил отплатить Люцине и удивить всех родственников, это у него получилось. Вопрос, почему он ожидал приезда людей, которых не видел ни разу в жизни, возник сам собой. Ответ мы получили не сразу. Сначала в дело вмешался пёс Пистолет, которому пришлось доказывать, что мы свои. Потом моя мамуся обрушила на

нас ворох воспоминаний, разыскивая перемены, произошедшие в хозяйстве за последние полвека. В конце концов нам удалось вернуться к прежней теме. Ответ на наш вопрос окончательно запутал и без того непонятную ситуацию. Оказалось, что все мы во что-то замешаны.

– Приходили ко мне, – задумчиво сказал Франек – мужчина с лицом моего деда, сохранившимся в памяти ещё с детства и хорошо знакомым по фотографиям. – Один – почти год назад...

– И что? – алчно поинтересовалась Люцина.

– Спрашивал про вас.

– Про нас? – удивилась моя мамуся. – И что он от нас хотел?

– А кто это был? – одновременно спросила Люцина. – Кто-то знакомый?

– Кажется, опять какой-то подозрительный идиот, – недовольно пробормотала Тереза.

Тётя Ядя в разговор не вмешивалась. Она принимала всевозможные позы под стенами комнаты и увлечённо фотографировала группу посередине. Все остальные сидели за большим кухонным столом и, конечно же, пили молоко, потому что находиться в том месте, где есть настоящие живые коровы и не пить молока, для моей семьи – невыносимо. Франек под напором пяти голодных гарпий отдал нам все наличное молоко и послушно согласился не расширять трапезу другими продуктами питания. В этой семье мужчины всегда подчинялись капризам женщин.

– Может, рассказать по порядку? – предложил он. – Какая-то дурацкая история...

– Говори по порядку, – согласилась Люцина.

– Что он мог хотеть? – не переставала удивляться моя мамуся. – Спрашивать про нас здесь, где мы сорок пять лет не появлялись?

– Заткнитесь наконец, и перестаньте его перебивать! – потребовала Тереза.

– Я не смог ему ничего ответить, – продолжил Франек. – А зачем он приехал – понятия не имею. Чужой человек, имени не знаю, был летом прошлого года и спрашивал про семью дяди, Франтишека Влукневского. То есть, про вас. Я знал, что дядя умер. В сорок седьмом отец получил телеграмму. Кажется, послал кто-то из вас.

– Мамуся послала, – перебила моя мамуся.

– Откуда, не помню – по-моему, не из Варшавы...
– Из Тарчина, – снова вмешалась моя мамуся. – Мы тогда были в Бытоме, а мама, папа и Тереза жили в Тарчине...
– Да заткнись же! – взорвалась Тереза.
– Что тебе надо? Я сразу рассказываю ему то, чего он не знает...
– Можешь и потом рассказать. Он же не хочет узнать это сразу!
– А откуда ты знаешь, что он не хочет?
– Заткнись же! О, господи!!!
– Рассказывай дальше, не обращай на них внимания, – посоветовала Люцина. – Они обе чокнутые. Ну, так что? Что он хотел знать?

– Все. Спрашивал, что вы делаете, как живёте, а главное – хотел получить адреса. По-моему, он украл телеграмму о смерти дяди, потому что больше я её не видел. Он говорил, что знал вас до войны, но, по-моему, врал, потому что не знал, сколько вас, и спрашивал, сколько детей у дяди. Он выкручивался, говорил, что знал до войны и дядю и тётю, когда они жили в Варшаве на улице... Сейчас... Кажется, Согласия...

– Сколько ему было лет? – на этот раз перебила Люцина.
– А я знаю? Где-то от сорока до сорока пяти.
– Это обманщик, – вынесла приговор моя мамуся. – На Согласия мы жили пятьдесят лет назад. Не думаю, чтобы он нас знал до того, как родился.

– Мне так и показалось, что до войны он был слишком молод, чтобы кого-то знать и помнить. Скорее всего, притворялся. Больше я ему ничего не сказал. То есть, да. Сначала, когда он спрашивал, откуда семья тётушки, я сказал, что из Тоньчи, больше – ничего, не понравился он мне.

– А как его зовут, он сказал? Представился?
– Что-то бормотал под нос, но я не расслышал. Если честно, я на него не обратил внимания, у меня как раз корова телилась и сенокос начинался. Я про него сразу забыл и вспомнил только тогда, когда нашли этот труп. Вы знаете, что у него были ваши адреса?

Мы попробовали ответить одновременно, причём все по-разному. Моя мамуся выразила общую обиду, Люцина попыталась вычислить промежуток времени, между визитом этого обманщика и появлением трупа, Тереза потребовала его описания, я, в свою очередь,

попробовала узнать, рассказал ли Франек про него милиции, и как она к этому отнеслась. Тётя Ядя отказалась от гимнастических упражнений под стенами и уселась к столу:

– Плёнка кончилась, – сообщила она. – Но у меня есть ещё. Вы понимаете, когда они говорят все вместе?

Франек демонстрировал ангельское терпение:

– Понимать-то понимаю, но не успеваю отвечать...

– Слушайте, спрашивайте его как-нибудь по очереди, мне тоже интересно, что все это значит. Так это был другой? То есть, тот труп и тот человек, который сюда приходил – это одно и то же лицо?

К счастью, ответ на этот вопрос хотели услышать все, и Франек наконец-то получил право голоса. Он энергично помотал головой:

– Что вы, совсем другой. Покойник был намного младше и вообще некрасивый. Милиции я про того не рассказывал, сначала забыл, потом огород копал – времени не было, а потом было неудобно. Какая-то подозрительная история...

– Я наконец узнаю, как он выглядел? – разнервничалась Тереза.

– Кто как выглядел? Покойник или тот, что тут был?

– Тот, что тут был! Я уже целый час спрашиваю!

Франек задумался.

– Как выглядел? Знаете, описать трудно. Обыкновенно выглядел, ничего особенного. Городской, одет хорошо, никаких там джинсов или ветровок – костюм, рубашка, галстук... Не лысый, не лохматый, кажется, как-то гладко причёсанный. Ниже меня, но потолще, такой весь крепкий, рот широкий, нос тоже. Мне показалось, что его как будто корова облизала...

Тереза внезапно кивнула головой.

– Нос чуть приплюснутый? Большой, но не торчит, такой нависший над губой? Брови гладкие и широкие и морда красная?

– Хоть рисуй! А что? Вы его видели?

Тереза посмотрела на нас с выражением ужаса, смешанного с удовлетворением.

– Это он. – Произнесла она торжественно. – Он был у меня в Гамильтоне! Потом приезжал почти осенью, когда я вернулась с озера. Как это вам нравится?

Мы довольно тупо глазели на неё, лишившись творческих мыслей. Понять как это нам нравится, было нелегко.

– Вот поэтому милиции трудно ловить преступников, – упрекнула я их. – Все скрывают правду. Ни Тереза, ни Франек не сказали про этого мужика ни единого слова. Если бы они все рассказали, убийца бы уже давно сидел в тюрьме, и все стало бы ясно. А так что? Милиция халтурит. Показатели падают.

– Где уж там! – фыркнула Люцина. – Говно бы сидело... Я, извините, хочу сказать, много бы это им дало? Парень, как видно, может свободно путешествовать, вот он и смылся в Канаду. Говорите ка поточнее, что когда случилось. Когда он был здесь, когда в Канаде и когда нашли труп?

Тереза и Франек послушно начали считать, у них получилось, что в Воле этот разбойник появился 12 июля, первый визит Терезе нанёс 10 сентября, а труп нашли 17 октября. Короче говоря, труп можно было бы считать эффектом бурного празднования именин часто встречающихся в стране Терез и Ядвиг, если бы не имущество покойника. В любом случае, облизанный коровьим языком обманщик мог быть убийцей. Между 10 сентября и 17 октября он успел бы проехать не только от Канады до Польши, но и вокруг света. Но, точно так же, он мог находиться и в любом другом месте.

– Все равно, надо было о нем рассказать, – сказала я упрямо.

– Отстань, – твёрдо отрезала Тереза. – Что дальше?

– Ты говорил, что их было больше, – напомнила Люцина. – Кто-то ещё про нас спрашивал?

– Ах, да. В прошлом году, весной. Я сажал картошку, у меня свиньи поросились, времени опять не было, но этого я хорошо запомнил. Он был посимпатичнее. Молодой, лет двадцати пяти, не больше, худой такой, высокий, выше меня, они теперь все так растут...

– Болезненно худой? – неизвестно почему заинтересовалась Люцина.

– Зачем тебе здоровье какого-то бандита? – огорчилась моя мамуся.

– Это был не бандит, – запротестовал Франек. – Он представился и имя громко сказал, что-то от ольхи, Ольшинский или Ольшевский, что-то такое. Нет, не болезненно, просто худой. Выглядел здоровым. Он был симпатичный, но уж слишком таинственный. Спрашивал о том же – про дядю Франека и его потомков. Он сказал, что есть одно дело,

которое тянется уже бог знает сколько лет, его обязательно надо закончить, а без вас он не справится...

– Что за дело? – подозрительно прервала его моя мамуся.

– Понятия не имею, какое-то очень старое.

– Прадед в царском войске получил попону, пропил её, а теперь нам придётся за неё платить, – предположила я.

– Я платить не буду, – быстро и решительно открестилась моя мамуся.

– Ты что, про попону он бы спросил у Франека, – запротестовала Люцина. – Наверное, какие-то осложнения с наследством от дедушки Витольда. Мы с этим не имеем ничего общего.

– Он, собственно, больше интересовался тёткой Полиной, чем дядей Франеком, – сказал Франек. – Много я ему рассказать не смог, тем более, что телеграмма о смерти дяди тогда уже пропала. Я искал в бумагах и нашёл какое-то довоенное или военное письмо, где был адрес в Варшаве, на Хмельной. Он взял этот адрес. И ещё он спрашивал разные вещи, почти о всей семье, я даже удивился, откуда он столько знает. Ну, я и подумал, что в конце концов и вы заявитесь...

– Сейчас, подождите, – вмешалась тётя Ядя. – Если у покойника были эти адреса, то вы могли их у него взять! То есть, я имею ввиду, что вы уже знали... То есть, милиция знала и могла вам сказать...

– Вот именно, – поддержала я её. – И ты бы знал, где нас искать.

Франек слегка смутился.

– Я их и не видел. Они были записаны на бумажке, а бумажку никому не показывали. Я мог спросить, но было как-то ни к чему, потому что я тогда забыл про того типа... И вообще, с милицией лучше не связываться. По-моему, это какое-то семейное дело, только немного подозрительное...

– Вот, черт! – сказала заинтригованная Люцина. – Кто-нибудь из вас знает Ольшинского?

– Нет, – ответила я за всех. – Зато ты знаешь Менюшко.

Люцина оживилась.

– А вот и знаю, да будет тебе известно! Как пить дать, я это имя слышала, причём здесь, в этих местах. Мне тогда было шестнадцать лет...

– Никакого Менюшко тут никогда не было, – решительно остановил её Франек.

– Ну и что? А я слышала...

– А хор ангельский ты не слышала? – ядовито поинтересовалась Тереза. – Столик у тебя по полу не прыгал? Духи тебе не являлись?

– Духи нет, только призрак. Я всегда его вижу, вот он, сидит за столом...

– Слушайте, они опять подерутся, – забеспокоилась тётя Ядя. – Я бы не видела ничего серьёзного, если бы за ваш счёт не убивали чужих людей...

Опять заговорили одновременно все. Связь нашей семьи с убийством казалась туманной, но, тем не менее, что-то в этом было. Какая-то мрачная тайна, касающаяся нашей семьи. Тереза жутко разволновалась, моя мамуся стала выдвигать предположения, достойные попоны прадеда, Люцина подошла к вопросу по деловому:

– Хорошо ещё, что у всех есть алиби, – констатировала она с удовлетворением. – Пятнадцатого мы все были у Яди на именинах, а эту жертву убили как раз пятнадцатого вечером. Нам никак было не успеть.

– Ты могла нанять убийцу, – предположила я.

– Почему я? Мне не мешает, когда труп носит мой адрес!

– Так что, может, я? – немедленно обиделась Тереза.

– Вы действительно не можете серьёзно подумать? – упрекнула их тётя Ядя.

– Как это? – удивилась моя мамуся. – Мы и так все время думаем...

Франек пережидал в терпеливом молчании. Он заглянул в кувшин, вылил в него остатки молока из ведра и опёрся о дверной косяк.

– Вообще-то, я кое-что знаю, – неожиданно объявил он.

Стало тихо и все на него уставились. Тётя Ядя машинально подняла фотоаппарат, как будто это кое-что, которое знал Франек, необходимо было запечатлеть.

– Что ты знаешь? – поинтересовалась Люцина.

Лицо Франека приняло обеспокоенное и озабоченное выражение:

– А я и сам не знаю, что я знаю, – признался он неуверенно. – Кажется, какая-то семейная тайна. Понимаете, это было так. В самом начале войны, третьего или четвёртого сентября, в тридцать девятом году, сюда приехал какой-то тип. Он поговорил с отцом и отдал ему

какое-то письмо. Конверт. Я тогда был маленький, только девять лет исполнилось, и увидел все случайно. Вы же знаете, что мои старшие братья погибли, один на фронте, другой партизанил. У отца тоже срок подходил, войну он пережил, но чувствовал себя все хуже. Он страшно жалел, что остался только я, несовершеннолетний – в случае чего, сам не справлюсь. Пару раз он собирался мне что-то сказать, но все откладывал, ждал, пока я постарше стану. Только перед самой смертью, а мне тогда уже двадцать стукнуло, он выдавил из себя, что у нас есть какие-то сбережения. Я понял, что это он про тот конверт. А потом он почти не разговаривал, слишком долго ждал, пока я вырасту. Я узнал только одно: пока жива мать тётки Полины, нельзя и слова сказать. Мне это показалось странным, я думал, он бредит, какое отношение к делу имеет эта старуха, которую я и в глаза не видел. Тем более, она к тому времени и умерла...

– А вот и не умерла, – вставила Люцина. – Она умерла только в пятьдесят четвёртом году.

– Да что ты? – удивился Франек. – Значит отец не бредил? Ну, тогда не знаю... Из того, что он тогда говорил, я понял, что усадьбы пропали – все национализировали, но самое важное надо отдать. Что отдать и кому – понятия не имею. Я потом искал этот конверт, чтобы оттуда хоть что-то узнать, но он потерялся, до сих пор не найду. Мне это было важно, потому что отец заставил меня поклясться, что я все сделаю как нужно, а я даже не знал, что надо делать. Я спрашивал, но отец все время повторял: «тут, тут», – и больше ничего. Теперь вы знаете все, что знаю я. Из-за матери тётки Полины я думал, что это касается вас, и вы что-то знаете...

Он замолчал и с надеждой смотрел на нас, мы, в свою очередь, как бараны уставились на него. Моя прабабка при жизни была особой довольно неудобной, это знали все, но кто мог подумать, что она добавит нам забот и через двадцать лет после смерти?!

– Ничего себе! – очнувшись сказала Люцина. – Впервые слышу и ничего не понимаю!

– А твоя мать? – беспокойно спросила Тереза. – Она тоже ничего не знала?

– Совсем ничего, отец говорил со мной наедине. Ни про какую тайну она не знала. Умерла ровно десять лет назад...

– А что за усадьбы национализировали? – вдруг заинтересовалась моя мамуся.

– Не знаю. Наверняка не наши. Отец вроде бы управлял каким-то чужим имуществом, это до войны было, я плохо помню. Старший брат дома почти не бывал, он где-то там сидел и управлял – как только вырос, стал помогать отцу. Я слышал, что он сторожит что-то чужое. После войны, как видно, этого чужого не стало, потому что отец занимался только нашим хозяйством, значит, чужое и национализировали. Вот и все. Больше я ничего не знаю.

Он оторвался от косяка, подошёл к окну, выглянул во двор, затем уселся в кресло. Ему, вероятно, полегчало, он избавился от тяжести, одарив нас этой удивительной тайной. Он передал всю информацию и наконец-то может успокоиться.

– И все это время ты ждал, пока мы приедем? – недоверчиво спросила Люцина.

Франек пожал плечами.

– А что было делать? Я ничего про вас не знал. После смерти отца мать послала письмо в этот Тарчин, но оно вернулось с надписью, что адресат не известен. О том, что вы вообще живы, я узнал только от покойника. А милицию, сами понимаете, я предпочёл не спрашивать...

– И правильно сделал, – похвалила его Тереза. – В семейные дела милицию лучше не вмешивать. Ещё за что-нибудь посадят. А так – пожалуйста, все на месте, и можем спокойно подумать...

– Мы давно сюда выбирались, – прервала её моя мамуся. – Франек, у вас здесь должен быть колодец.

– Извините? – удивился Франек.

– Колодец. У тебя должен быть колодец...

– Ну, начинается! – сердито фыркнула Люцина.

– Где он?

Франек страшно удивился.

– Колодец? Ну, есть колодец, артезианский. Насос качает воду в бак, я сам все сделал. Колодца, собственно нет, только краны. Колодец есть у соседей.

– Но у тебя был колодец, я уверена, – не отступалась моя мамуся. – Что с ним случилось?

– Засыпан. Два верхних круга я снял, а остальное осталось.

– Если круги, значит он новый, а раньше был старый. Где был колодец у твоего деда?

Мы смотрели на мою мамусю с безнадёжным отчаянием. Франек разглядывал нас с растущим недоумением, но отвечал, не сопротивляясь, хотя и не понимал, в чем тут дело.

– Дедовский колодец был возле старого дома. Если вас так интересуют колодцы, то их было целых два – один старее, другой новее. Старый дед засыпал ещё в молодости и выкопал новый. Он служил долго, только перед самой войной дед вырыл последний, с кругами, даже не знаю зачем, в прежнем была хорошая вода.

– Вот, пожалуйста! – сказала моя мамуся и с триумфом посмотрела на нас.

– Ты действительно думаешь, что в каждом колодце, который остался от наших предков, должно лежать бог знает что? – спросила Тереза сдавленным голосом.

– Должно, не должно, но может...

Тётя Ядя, занятая сменой плёнки в фотоаппарате, подняла голову:

– Вас совсем не задевают эти таинственные происшествия? – осуждающе спросила она. – Колодец? Да, очень может быть, что в этой семье урожай на фаршированные колодцы, но тут происходит достаточно событий и без колодцев. Вас это совсем не волнует?

– Волнует, – ответила Люцина. – Мы подумаем об этом, когда они перестанут дурачиться.

– Меня это не касается! – уверенно запротестовала моя мамуся. – Меня абсолютно не интересуют больные идиоты с расплюснутыми носами, и за пушки прадеда я платить не собираюсь. Я приехала сюда, чтобы посмотреть колодец.

– Дура ты! – возмутилась Тереза. – Тебя не волнует, что из-за нас здесь убивают людей? А я хочу все выяснить!

– Милиция не смогла, а ты выяснишь?

– От милиции вы скрыли самое главное, – ехидно вставила я. – Тот облизанный как-то со всем этим связан. Он украл адрес в Тарчине и, как по ниточке, добрался до нас. В конце концов, он заполучил наши адреса...

– Если он заполучил наши адреса, то почему не пришёл к нам?

– Как это? Пришёл же. К Терезе в Гамильтон.

– А почему не к нам, мы ближе...

– Боялся здесь появляться, чтобы его никто не узнал. Он же не знал, что Франек не скажет про него милиции. Хотел быть подальше от преступления.

– Он мог прийти раньше.

– Не мог. Он поехал в Канаду.

– Какое тебе дело до визита какого-то бандюги?!..

– Подождите, тут ещё прабабка впуталась, – остановила я их, кое-что пришло мне в голову. – Что-то мне подсказывает, что в это дело замешана исключительно женская часть семьи, я даже удивляюсь, почему убили мужика, а не бабу...

– Вот именно! – живо подтвердила Люцина. – Вы заметили какие у него адреса? Наши и Лильки с Хенekom. Заметили?

– Заметили, – неприязненно ответила Тереза. – И что с того?

– А то, что все вы дочери бабушки, – зловеще подхватила я. – А Лилька и Хенек – дети тётки Хелены. А тётка Хелена была бабушкиной сестрой, и обе они, насколько я знаю, были единственными дочерьми прабабушки, у которой, кроме них, были одни сыновья. Но адресами этих сыновей никто не интересовался. Ну? Что скажете?

Родственники долго и молча меня рассматривали.

– Я же спросила! Что скажете?

– Ничего, – неуверенно сказала моя мамуся. – Что говорить?

– Тут что-то есть, – оживилась Люцина. – И это поручение дяди Антона... Бабушка давно умерла, ты говорил, что дядя говорил, что надо отдать что-то важное. Интересно, кому? Может, облизанному? Облизанный пришёл напомнить...

– У меня ничего нет, – грустно повторил Франек.

– Может, не ты. Если сначала должна была умереть бабушка... Может, это было у нашей мамочки?

Моя мамуся немедленно оживилась:

– На этот счёт можете быть спокойны, – сказала она беззаботно. – Все, что было у нашей мамочки, из-за войны пошло ко всем чертям. Наверняка все пропало, и пускай этот облизанный успокоится. Пойдём, посмотрим колодец.

– Куда тебя несёт? – пробурчала внезапно посерьёзневшая Тереза. – Не знаю... По-моему, у нас было что-то чужое... Я думаю, это надо отдать...

– Да что ты? Как ты отдашь, даже не зная что?

– Но оставить это нельзя! Придётся подумать...

– Сказал бы мне кто-нибудь, кто такой этот Менюшко! – вздохнула я с сожалением. – Во всяком случае, было бы известно, с какой стороны начинать! Люцина, ну пробейся же сквозь свой склероз!

Люцина глянула на меня и уставилась в окно.

– Менюшко, Менюшко... – бормотала она под нос. – Это связано с каким-то полем... В темноте. Кто-то мчался по полю со стороны дворца... Этих графов... как их звали... как-то на "с"... Мне тогда было шестнадцать лет, я возвращалась со свидания...

– Исключено, в этом возрасте ты ни на какие свидания не ходила! – категорически возразила моя мамуся.

– Дурочка! Ходила, только никто не знал... Я спряталась. Кто-то мчался, было темно, светил месяц...

– Туда, где крестовые войны кипят, он мчался при месяце свете... – ехидно продекламировала Тереза.

Люцина, не отрываясь от окна постучала пальцем по лбу и нетерпеливо махнула рукой.

– Мчался. Его было видно... Кажется, кто-то гнался...

– Менюшко мчался? – с подозрением спросила моя мамуся.

– Не знаю, кто мчался. Не помню. Зато помню, где это было. Вот здесь, на этом поле, за сеновалом...

Все, как по команде, повернулись к окну. Люцина показывала пальцем в проход между углом сеновала и сараем, стоящим с другой стороны двора.

– Там была тропинка между домом и развалинами, он оттуда выскочил и помчался через поле...

– Через картошку или по ржи? – обстоятельно поинтересовался Франек.

– Кажется, по ржи... Да, по ржи, это был уже август.

– Ну и что? – спросила я после долгой минуты общего молчания. – И где здесь Менюшко?

Люцина наконец оторвала взгляд от окна.

– Откуда я знаю? Я только рассказываю, с чем этот Менюшко связан. Я подумаю и вспомню, в чем было дело.

– Не вспомнишь, а придумаешь, – рассердилась Тереза. – Тогда все запутается окончательно. Почему, когда приезжаешь отдыхать в эту

Польшу, всегда приходится нервничать?

– Как это? – добродушно удивилась тётя Ядя. – Ты же приезжаешь к родственникам...

– Ох, мчится этот Менюшко по полю или не мчится, пойдём, наконец, посмотрим на колодец, – не выдержала моя мамуся. – Подумать можно и потом, в Варшаве...

Остатки от двух колодцев нашлись сразу. Один, новый, с кругами, находился во дворе, второй – за сеновалом, возле развалин. Между сеновалом и развалинами был проход. Тропинка вела через небольшой пригорок – утоптанную часть обломков. Из развалин кое-где торчали куски кирпичной стены, все густо поросло крапивой, лопухами и молодыми берёзками. Франек слегка разгрёб землю и предъявил нам остатки каменной кладки.

– Это тот, что новее, – сообщил он, – засыпанный отцом. Старый был немного дальше.

Он махнул рукой, показывая куда-то на заднюю часть развалин. Там находилась свалка самого разного мусора, в нескольких метрах за ней протянулся забор соседнего хозяйства, полностью заросшего акацией. От места, где когда-то существовал колодец, не осталось никаких следов.

У Франека было такое выражение лица, что посвятить его в вопрос колодцев было просто необходимо.

– Не смотри на нас так, мы ещё не свихнулись, – с горечью сказала Тереза. – Это просто пунктик моей старшей сестры. С того времени, как выяснилось, что в Тоньче, в бабкином колодце, с войны лежало барахло...

– Не столько барахло, сколько так называемый клад, – поправила Люцина. – Еврейское добро, награбленное немцами. Мы его нашли, и теперь она все время надеется, что в другом колодце найдётся клад поблагороднее.

– А с тем что стало? – поинтересовался Франек.

– Сдали государству. Никто его и в руки бы не взял. Хотя там были хорошие вещи – жемчуг, бриллианты... Очень красивая бижутерия.

Франек тяжело вздохнул.

– У нас вы этого не найдёте, – сказал он с сожалением. – Здесь бриллианты в колодец не бросают.

– Возможно, но моей сестре этого не объяснишь...

– Очень живописные развалины – похвалила тётя Ядя, пройдясь с фотоаппаратом за коровником. – А что это такое? С войны осталось?

Общими силами мы объяснили ей, что если и с войны, то никто не помнит, с какой. Может, с одной из шведских. Руины когда-то были жилым домом – скорее, усадьбой, чем замком, а населяли его предки Франека и наши. Когда-то они были очень богаты, но это очень давно прошло. По неизвестной причине они разорились, а вместе с ними разорился и дом. Он постепенно нищал и начал разваливаться. Средств на ремонт не было. В конце концов, какой-то из предков рядом с развалившимся домом поставил времянку, использовав для этого подручные стройматериалы, но не все – часть стен осталась и разваливалась дальше. Как и любая времянка, дом простоял не меньше 150 лет и только в послевоенное время его переделали в коровник, а развалины, продолжающие зарастать травой, остались как память о былом величии.

– Где-то здесь был вход в подвалы, – вспомнила моя мамуся, – мы там игрались в детстве. Почему я его не вижу?

– Я там тоже игрался, – подтвердил Франек. – В конце войны, когда здесь проходил фронт, как раз в это место попала бомба. Снаряды тоже попадали, но этой куче камней не вредили. Только бомба развалила все окончательно. Мы ещё удивились, что дом не рухнул, хоть и стоит рядом. С войны все так и осталось. Только с той стороны, когда я строил дом, мы взяли немного камня под фундамент.

– Хорошо здесь, – сентиментально сказала Тереза. – Так тихо и спокойно...

Моя мамуся, слегка разочарованная отсутствием третьего колодца, разгребала палочкой мусор на свалке. Тереза продолжала восхищаться царящими вокруг тишиной и спокойствием. Люцина углубилась на поле клевера, созерцая тот путь, который связывал её с Менюшко. По тропинке за забором я отправилась к лугу, намереваясь осмотреть предполагаемое место преступления – заметные издалека камыши.

Зачерпнув туфлями жидкой грязи, я отказалась от осмотра. Вязкая почва неприятно прогибалась, до камыша я не дошла и удивилась, что преступник не утонул, транспортируя свою жертву в середину болота. Франек напомнил, что последнее время шли дожди. Осенью прошлого

года стояла хорошая погода, луг подсох, и можно было пройти почти до самого камыша. Там и нашли труп.

– Наверное, он думал, что труп утонет и все следы исчезнут, – поняла я. – Тогда было совсем сухо?

– Совсем сухо тут никогда не бывает, – ответил Франек. – Этот покойник лежал, потому и остался. Если бы стоял, его бы затянуло. Те, кто его вытаскивал, сразу провалились по колено.

– Поэтому он наши адреса и не забрал, – недовольным тоном сказала Тереза. – Думал, что все утонет. Болван.

Очень странно, но все с ней согласились. Неизвестно почему, мы вдруг поверили, что убийца должен был забрать эти адреса – и если бы забрал, ему было бы намного лучше. И, что ещё более странно, будущее показало, что мы были абсолютно правы...

* * *

Обычные домашние куриные яйца неожиданно столкнули дело с мёртвой точки. Вместе с Люциной мы поехали за этими яйцами в знакомое село за Пясечным. Из-за дурацкого стечения обстоятельств, мы не успели вернуться вовремя. Точнее, у меня спустило колесо. Момент и место оно выбрало превосходно, как раз когда я была далеко от села, под лесом, на мягкой песчаной дороге, в полной темноте. Мы поехали за продуктами довольно поздно, а обратно выбрались, когда уже стемнело.

Запасных колёс у меня было два, но с тем же успехом их могло быть и двести – мне это ничего не давало. Может, общими усилиями мы открутили бы гайки, но использование домкрата исключалось. Он проваливался в песок, надо было подложить под него какой-то плоский камень. Плоского камня рядом не было, а если и был, найти я его не смогла – фонарик на пару дней раньше позаимствовал мой сын.

– Что будем делать? – поинтересовалась Люцина.

– Ничего. Подождём рассвета – сейчас июнь, ночи короткие. На рассвете я найду камень, может, подвернётся какой-нибудь сильный парень. А пока можно разжечь костёр. Если хочешь, можем пешком вернуться в село и у кого-нибудь переночевать, но не знаю – стоит ли.

Люцина предпочла костёр.

- А где мы возьмём дрова? – засомневалась она.
- Из леса. Лес под носом. Всего пятьдесят метров.
- Темно, как в кишках у негра, я не пойду.
- Я сама пойду. Сухое дерево я как-нибудь нащупаю, а если нет, сниму туфли и сразу найду шишки. Сиди тут и жди.

Люцина куда-то села, куда – я не видела. Через свежескошенный луг я отправилась к лесу. Ещё до того как я насобираала пучок сухих прутиков, взошла луна. Стало посветлее, я достала из багажника небольшой ручной насос, надула Люцине матрас и снова отправилась в лес. Я успела обернуться три раза, луна светила все ярче, камня я, правда, так и не нашла, но перестала спотыкаться о кочки, и в последний раз луг преодолела почти галопом. Люцина сидела рядом с машиной в кресле из матраса и поддерживала небольшой огонёк.

– Я все знаю, – сообщила она, когда я бросила на землю громадную связку веток и начала их ломать. – Этому мне и не хватало – темноты и луны. Я все вспомнила, когда ты мчалась через поле. Это выглядело похоже, только там не было леса и он мчался намного быстрее.

Я перестала шуметь, отложив дрова на потом. Мне сразу стало понятно, о чем речь.

– Менюшко? – убедилась я.

– Менюшко. Это, кажется, действительно был Менюшко, тот что мчался. Я помню, что сразу перед этим или сразу после того услышала про какого-то чужака, слонявшегося по селу, которого кто-то прогнал. «Он не будет здесь вынюхивать по углам», – так говорили. Не знаю, кто, но наверное, тот, кто потом за ним гнался.

– Или перед этим гнался...

– Или перед этим. Я уверена, что как раз тогда и прозвучало имя Менюшко. Мне все больше кажется, что Менюшко – это был тот вынюхивающий, и приплёлся он из другого места. Не знаю почему, но, кажется, из мест нашей прабабки.

– Я знаю, почему тебе кажется, – сказала я, возвращаясь к веткам. – Из-за постоянных разговоров о семейной тайне, из-за адресов и всего прочего. Мест для выбора не так уж много, или места прадеда, или места прабабки. Если в местах прадеда он был чужим, значит должен быть из мест прабабки.

– Возможно, – согласилась Люцина, – во всяком случае, с этим Менюшко связан какой-то скандал.

– Подожди, а где места прабабки?

– Где-то около Лукова, прабабка приехала туда откуда-то с Украины...

– Может, и Менюшко приехал с Украины?

– Не знаю, возможно. Сестра прабабки была графиней, и бабушка воспитывалась при её дворе. Подожди, я вспомнила ещё что-то! Бабушка устраивала деду множество скандалов и могу поклясться, что в одном из скандалов она крикнула: «Даже молодой Менюшко был лучше, чем ты!». Я сама слышала. Мне вспоминается все отчётливой.

Люцина говорила голосом оживлённым и одновременно таинственным, очень уверенно и решительно, но я отнеслась к её воспоминаниям достаточно скептически. Тереза была права – понять, что Люцина действительно помнит, а что выдумывает для оживления действия, было невозможно. Не раз я слышала от неё просто кошмарные истории. Какого-то предка сожрали волки, вместе с конями, санями и возницей, какую-то из прародительниц, кто-то купил у отца за десять тысяч рублей золотом, какая-то графиня отравилась из-за нашего прадеда, который не хотел на неё смотреть, внебрачные дети княжеского рода плодились в нашей семье, как кролики весной, чтобы массово погибнуть на баррикадах революции, и все увлечённо убивали друг друга. Люцину посещали странные мысли, и в любую секунду Менюшко мог обрасти преданиями.

– Лучше сразу скажи, откуда ты все это знаешь, – потребовала я.

– Не знаю, откуда – не помню. Где-то услышала. Бабкины скандалы я сама слышала, о тётке графине бабушка рассказывала, а Менюшко ко всему этому здорово подходит. Он опять приехал вынюхивать...

– И ты действительно думаешь, что это тот же самый, который мчался по полю до Первой Мировой?

– Дурочка, у Менюшко могли быть дети.

– Ага, и теперь вынюхивают дети?

– Вынюхивают. А почему бы и нет? Это даже подтверждает то, что рассказывал дядя Антон. В старые времена люди делали разные странные вещи. Наша семья могла забрать что-то у семьи Менюшко.

Или получить что-то на сохранение. Кого-то попутно заела совесть, и он начал передавать поручение – это что-то вернуть...

Я кивнула головой. Да, подходило. Облизанный мог быть потомком Менюшко и действительно приехать за чем-то своим. Это должно быть чем-то стоящим, если в самом начале появился труп. Однако, какое отношение к этому имеет моя прабабка? По словам отца Франека, сначала ей надо было умереть, откуда следовало, что прабабка не соглашалась вернуть награбленное. Прабабка умерла. Интересно, что стало с награбленным...

– Тереза лопнет от радости, – сказала я грустно. – Если окажется, что наша семья действительно кого-то обжулила – совесть загрызёт её насмерть. Она спать не сможет.

– Вернётся домой нагая и босая, – добавила Люцина. – Надо снять с книжки все деньги и закопать их в подвале, иначе она заставит отдать их облизанному. Эх, черт, у меня же нет подвала. Знаешь, давай не будем ей рассказывать, что у нас вышло с этим Менюшко.

Вскоре после полуночи подъехала патрульная машина милиции, которая ехала по своим делам и немного отклонилась от маршрута, привлечённая костром посреди дороги. Ничего лучшего я и придумать не могла. Вопрос колёса решился за каких-то десять минут.

– Сама видишь, как я их люблю, – сказала я Люцине, отправляясь домой.

– Конечно, – ответила Люцина. – Симпатичные ребята. Специально подождали приезжать, чтобы я вспомнила этого Менюшко...

* * *

Из-за воспоминаний Люцины к действию подключился Марек, блондин моей мечты, который до сих пор упорно старался держаться в стороне. Он не принимал участия в семейных обсуждениях, как огня избегал упоминания о преступлении, ссылаясь на отсутствие времени, недомогания, неверие в факты, глухоту и общую умственную недостаточность. Это меня страшно раздражало, и я долго не могла понять, в чем дело, пока не удалось вырвать из него правду.

– От твоих семейных проблем я чувствую себя идиотом, – раздражённо и неохотно признался он. – Я надеялся, что на этот раз останусь в стороне. Лучше чувствовать себя нормальным...

– Тоже мне, выдумал! – фыркнула я с состраданием. – В семье преступление, а у тебя такие безжизненные надежды! Всегда во все вмешиваешься, а именно теперь хочешь увильнуть – не вижу смысла и логики. Займись этим, наконец, сам видишь, появляется все больше подробностей, и никто ничего не понимает.

– Ты думаешь, я смогу что-то сделать? Поговорить с духом отца Франека?

– Не знаю, возможно, и с духом. С кем говорить, не знаю. Поговори с кем хочешь. Ты мог бы проверить, в чем дело с этим Менюшко.

– Это можно, надо попробовать...

– Ну так пробуй! Что стоишь?

Марек ещё немного пытался оставаться в резерве, но быстро сломался. Его добил отец, который специально пришёл ко мне и категорически потребовал его участия, пожаловавшись, что больше не выдержит. Для обсуждения загадочного преступления мы выбираем как раз тот момент, когда по телевизору начинается футбол, и окончательно отравляем ему жизнь. Понятно, что пока дело не распутается, мы не успокоимся, поэтому придётся что-то делать. Отцу Марек сдался.

– Только на победу не настраивайся, – предостерегла я его, когда он отправлялся в вояж в окрестности Лукова. – С тем же успехом этот Менюшко может происходить из Колобжега. Что бы не случилось, за идеи Люцины я не отвечаю.

– Ты тоже не настраивайся, я еду туда исключительно для развлечения. Давненько я не был Лукове...

Я бы поехала с ним, но в моей машине треснул глушитель, и от рёва двигателя на лету падали птицы. С мастерской я договорилась только через два дня. Марек, казалось, был этим очень доволен. Я подозревала, что он исчезает с горизонта больше для отдыха от бесконечных разговоров, чем для раскрытия тайн.

Он объявился через три дня, как раз когда я вернулась из мастерской с новым глушителем. Как всегда элегантный, в

костюмчике, белой рубашечке, галстучке, свежий, как подснежник, с невинным выражением лица. Я сразу поняла, что он что-то знает.

– Ну? – спросила я нетерпеливо.

В ответ он порылся в портфеле, нашёл и вручил мне портрет молодого человека в военной форме.

– Узнаешь?..

– Покойник! – вскрикнула я, поражённая. – Но, кажется, живой?..

Откуда это?

– Все равно, откуда. Знаешь, кто это?

– Как кто? Наша семейный покойник! Это убитый из Воли! И ты знаешь, кто это?

Марек с удовлетворением рассматривал портрет, выдерживая эффектную паузу.

– Кто это?!!! – заорала я.

– Представь себе, некто Станислав Менюшко...

Короткое мгновение меня преследовала мысль, что это тот человек, который когда-то мчался по полю ржи. Теперь он убит, а вместе с ним ушла в могилу и тайна. Я отбросила это дурацкое наваждение и поразилась тому факту, что воспоминания Люцины оказались подлинными. Марек не захотел больше говорить, пока не удостоверится, что покойника признают все родственники.

До дома моей мамуси я доехала за рекордно короткое время – две минуты и сорок секунд. Собравшаяся за ужином семья вынесла единодушное решение:

– Покойник, как живой! – засвидетельствовала Люцина. – Тьфу, я хотела сказать наоборот – живой, как покойник...

– Здесь он выглядит получше, – благодушно призналась Тереза. – Если бы мне показали такое фото, о нем можно было бы и поговорить.

– И его действительно зовут Менюшко? – удивилась моя мамуся.

– На самом деле, его звали Станислав Менюшко...

– Пожалуйста, не говорите, пока меня здесь нет, иначе вам придётся все повторять, – сказала Тереза, отправляясь на кухню за дополнительными тарелками и приборами.

– А откуда милиция взяла это имя? – спросила я. – Ты случайно не узнал?

Тереза остановилась на пороге.

– Да, узнал. Ваши адреса были записаны на обрывке конверта. С другой стороны не было ничего, кроме фамилии Менюшко.

Тереза вернулась к столу.

– Будете есть руками и с пола, – сообщила она сердито. – Я никуда не иду, никакого уважения от вас не дождётся. Хотела бы я знать, почему милиция этого не выяснила!

– Я могу и руками, – пробормотала я, – а он говорит, что недавно поел. Будем пить чай.

– Не знаю, не выяснили этого в милиции или только вам не сказали, – одновременно ответил Марек. – До него было легко добраться при условии, что знаешь где искать. Если бы Люцина рассказала милиции, откуда его помнит...

– Ты думаешь, что милиция серьёзно отнеслась бы к рассказу, как сорок пять лет назад он носился по полю? – усомнилась я. – Или, что он из Лукова, потому что прабабка устраивала прадеду скандалы?

– А он не из Лукова. Он из Голодомориц.

– Извини, откуда? – вдруг заинтересовалась Тереза.

– Из Голодомориц. Это такая деревушка под Луковым. Станислав Менюшко был последним потомком семьи, которая жила там с незапамятных времён. Перед уходом в армию он продал хозяйство, потом работал на местной МТС, а потом куда-то пропал. О нем никто ничего не знает.

– Понятно, куда пропал, – промычала Люцина занятая обглаживанием скелета громадного индюка, который стоял в блюде перед ней. – В наше семейное болото... Теперь уж я буду рассказывать милиции все, что вспомню...

– Бедная милиция! – сочувственно вздохнула моя мамуся.

На кухне засвистел чайник.

– Старики помнят, что когда-то Менюшко были богаты, – таинственно продолжал Марек. – Там ходят разные сплетни и легенды, будто давным-давно у них был клад, только неизвестно, нашли они этот клад или спрятали, или просто ввали, или искали его. Хозяйством никто не занимался, и оно разорилось, так что последнему Менюшко для продажи осталось немного.

Чайник на кухне свистел как ошалелый. Моя мамуся беспокойно оглянулась и посмотрела на отца, который, естественно, смотрел футбол.

– Вода закипела, – сказала она в пространство.

– Я не пойду! – категорически отказалась Тереза.

– Я тоже, – буркнула Люцина, занятая туловищем индюка.

– Янек пойдёт, – решила моя мамуся. – Янек! Вода кипит!...

– Папа же смотрит футбол! – обиделся Марек. – Оставьте его в покое, я сам схожу...

– Если пойдёшь ты, то и мы можем, – заметила Люцина. – То есть, я – нет, потому что я толстая, разве что вы будете что-то рассказывать...

В результате чай делали четыре человека. Марек внёс в комнату поднос, заставленный всем, что подвернулось под руку, чтобы не пришлось возвращаться на кухню. Тереза вынула из буфета термос и налила в него кипятку, я похвалила её идею и захватила чайник с заваркой.

– А в этом МТС? – нетерпеливо спросила я. – Про него ничего не знали?

Марек помог Терезе и моей мамусе разгрузить поднос, оглянулся и положил его на диван.

– Так, немножко. Они смутно припомнили, что когда-то его искал человек из города. В деревне я тоже порасспросил...

Он ненадолго остановился и занялся чаем и сахаром. В его голосе появились нотки, которые заставили всех напрячься и замереть в ожидании продолжения. Люцина застыла, зажав зубами индюшачью кость.

– Гррргррр?.. – сказала она, подозрительно глядя на Марека.

– Тихо! – приструнила её Тереза. – Смотри, не подавись, давиться будешь потом!

– Что за человек? – спросила моя мамуся.

Марек старательно мешал чай.

– Какой-то человек из города, – повторил он голосом, лишённым всяких чувств, благодаря чему стало понятно, что он говорит о чем-то очень важном. – Одна особа даже говорит, что видела этого человека. Не помнит, как он выглядел, но он был не очень молод и имел что-то на лице. Эта особа допускает, что нос...

По всем спинам, за исключениям отцовской, увлечённой несостоявшимися голами, пробежали мурашки.

– Если бы у него не было носа, я думаю, он бы запомнился всем, – критически заметила Тереза.

– А это, случайно, не тот же самый? – спросила я неуверенно. – Облизанный? И Тереза и Франек говорили, что у него расплющенный нос...

– Естественно, тот же, – сообщила Люцина пытаясь добраться до рёбер. – Он спрашивал про Менюшко – Менюшко умер, а потом стал спрашивать про нас. Как это вам нравится?..

На мгновение воцарилось гробовое молчание. Тереза посмотрела на Люцину демоническим взглядом. Люцина покрепче впилась в ребра, и кусочек кости упал прямо в её стакан, разлив чай. Тереза выпрыгнула из кресла.

– Сейчас как грохну тебя этим индюком, и облизанный не понадобится!...

Люцина, вместе с блюдом, на всякий случай отодвинулась. Моя мамуся успокаивала сестру, пытаясь достать кость из стакана, при этом ей удалось разлить остатки чая. Марек принёс из кухни другой стакан. Тереза жаловалась, что на неё капает со скатерти. Я не обращала на них внимания. Все происшедшее складывалось в зловещую, но логичную картину.

– Что-то мне подсказывает, что все это не так уж и глупо, – сообщила я им. – С одной стороны – клад Менюшек, с другой – последняя воля дяди Антона... Возможно, что сокровища Менюшек хранились у нашего прадеда, возможно, он прятал их от прабабки, которая, во-первых, имела что-то с Менюшко, во-вторых, как известно, была человеком нелёгким... Возможно, что из-за этого сокровища они и начали ругаться...

– Друг с другом? – сердито прервала Тереза.

– Не знаю. Это тоже возможно. Но, скорее всего, облизанный тоже из Менюшек. У местного Менюшко было больше прав, он его и грохнул, чтобы не морочить голову, и остался со всеми правами один...

– А зачем он дал ему наши адреса? – опять перебила Тереза. – Этот Менюшко должен нас передушить по очереди, или как?

– Ох, ну не передушил же – значит, забудь, – нетерпеливо сказала моя мамуся.

Люцина залилась сатанинским смехом над обгрызенным скелетом.

– Облизанный – живой, – заметила она. – У него ещё есть шанс...

– Я уезжаю, – энергично сообщила Тереза. – То есть, нет, я думаю – надо отдать это потомкам Менюшко...

– У Менюшко нет потомков, – напомнил Марек. – Этот был последним.

– Что ты им хочешь отдать? – поинтересовалась моя мамуся.

– Не знаю. Но похоже, что мы кого-то надули. Мне это не нравится. Думаю, надо что-то предпринять.

У Люцины из блюда выпрыгнул следующий обломок скелета. Тереза вскочила, выхватила у неё из-под носа индюшачьи останки и отставила на поднос. Люцина тонко мяукнула, провожая взглядом любимое лакомство, и наклонилась ко мне.

– Я же говорила, что деньги от неё надо спрятать, – озабоченно зашептала она. – Может, в твоём подвале?..

– Там замок плохой и окно выбито, – ответила я, обрадовавшись, что как раз сейчас на моем счёту нет ни гроша.

– Что это вы шепчетесь? – подозрительно поинтересовалась Тереза.

– Ничего особенного, – невинно ответила Люцина, – нам тоже кажется, что наша семья когда-то кого-то надула. Если у Менюшко нет потомков и облизанный претендует на это сокровище в одиночку, ничего не остаётся – отдаём облизанному...

Тереза недоверчиво посмотрела на неё.

– Ты что, чокнулась? Преступнику?!.. Убийце?!..

– Но ты же сама упёрлась...

– Но у нас же ничего нет! – обиделась моя мамуся. – Что вы собираетесь ему отдать? Ни у Франека, ни у нас ничего нет!

– И ты думаешь, он в это поверит? – язвительно спросила Люцина. – Он приехал за кладом, который наша семья потеряла. А если и поверит – поубивает хотя бы из мести...

– Связь облизанного с Менюшко не оставляет сомнений, – подвела я итог. – Ведите себя потише, что-то проясняется. Он спрашивал про Менюшко, этот, с носом. Допустим, что это он. Спрашивал о нас, украл у Франека адрес в Тарчине, нашёл всю семью, расспрашивал Терезу в Канаде, приехал сюда. Не знаю, убил он

Менюшко или нет, но тот человек, которым он интересовался, умер. Мало того, умер вместе с нашими адресами, то есть, выходит так, что мы в списке...

– Дядя Антон сказал, что у нас есть что-то чужое, – подхватила Люцина. – Облизанный не успокоится, пока этого не заберёт. Может, этот несчастный Менюшко украл у него адреса только для того, чтобы нас предостеречь, возможно, поэтому он и умер...

Атмосфера опять насытилась страхом. Тайны предков проявили себя ненароком, но так, что в стыла кровь жилах. Под потолком зазвучал зауспокойный загробный хохот, мысленно я увидела отца Франека, двоюродного деда Антона, пытающегося на смертном ложе сбросить тяжесть с семейной совести. Как минимум половина этого груза легла на нас...

– А нос у него был, как у Никсона, – вдруг сказала Тереза понурым голосом. – И вся верхняя челюсть, не только нос.

– Вы действительно думаете, что он затаился там на лестнице? – спросила моя мамуся с искренним удивлением. – Ведь у него было столько времени, а он ничего нам не сделал!

– Не было удобного случая, – злорадно пробормотал Марек.

– Он искал клад, – объяснила я. – Надеюсь, что мы отдадим все любовно, но, как только потеряет надежду, испортит свет на лестничной клетке и передушит всех, кто выходит...

Люцина вдруг оживилась, как будто близкая перспектива быть задушенной добавила ей бодрости. Она подхватилась и начала собирать со стола тарелки.

– Какая прелестная история! – радостно сказала она. – Никогда бы не поверила, что в нашей семье откроются такие тайны! Слушайте, едем в Волю!

Тереза, которая тоже поднялась, застыла, сочувственно на неё посмотрела и постучала по лбу ручкой ножа.

– Сдурела? – спросила она уныло. – Хочешь быть поближе к тому болоту, чтобы облегчить ему задачу?

– Брось. Надо все изучить. Теперь ясно: там что-то происходит. Неизвестно почему, но все мчатся туда – и Менюшко, и те двое, которые про нас спрашивали...

– Менюшко проявил даже некоторую настойчивость, – заметила я.

– Вот именно. Здесь мы больше ничего не придумаем. Я еду, а вы как хотите!

– Я _н_е_ еду! – крикнула Тереза и со всей силы, наверное, для подкрепления решения, грохнулась на диван, прямо на поднос, блюдо и скелет индюка.

Мы легко убедили её, что это была божья кара за необдуманные слова. Ни у кого ещё не получалось забрать что-нибудь у нашей семьи, без многочисленных попыток, долгих усилий и страданий. На веки вечные нам останутся угрызения совести и пятно на фамильной чести. Ярko обрисованный Люциной образ переворачивающихся в гробу предков решил все окончательно. В результате, желание выехать проявили все женщины, даже тётя Ядя. Остающиеся в Варшаве Марек и отец явно испытали облегчение...

* * *

– Я убираю здесь, убираю, а мусора не убывает, – недовольно сказала моя мамуся, посмотрев вокруг и временно прекратив выковыривать обломком кухонного ножа большой камень. – Похоже, что его становится даже больше.

– Значит, так убираешь! – взорвалась Тереза. – Лентяйка!

– А мне кажется, что убывает, – примиряюще возразила тётя Ядя. – То есть, местами убывает...

– Сейчас добавится той шелухи, которую вы набросаете, – сварливо заметила Люцина.

– Шелуху мы уберём сами, – обиделась Тереза, – много тебе от неё не останется.

Вместе с тётей Ядей они лутили горох. Моя мамуся и Люцина убирали ржавые железки и камни с территории вокруг развалин, решив превратить свалку в элегантный газон. Люциной управляла страсть копаться в земле, а моей мамусей – надежда обнаружить следы самого старого колодца, который, по неизвестной причине, был ей необходим для полного счастья. Несмотря на то, что работа продолжалась уже четвёртый день, результаты её были ничтожны. Свалка упорно сопротивлялась.

Я зашла за коровник – склоны развалин пробудили во мне некоторый интерес. Я как раз привезла из фотомастерской в Венгрове отпечатки с плёнок тёти Яди, просмотрела их и на одном из снимков обнаружила замечательный предмет. Это была необычайно красивая дверная ручка, большая, узорчатая, с какими-то причудливыми выкрутасами. Она лежала на переднем плане, хорошо видимая среди камней и железок. Сзади Тереза с Люциной тащили какую-то длинную цепь, они выглядели так, будто были закованы в неё, но, увлечшись ручкой, я не обратила на это внимания. Ручка лежала не на свалке, а у подножия развалин, там, где никто не навёл порядка, то есть был шанс, что её до сих пор не убрали. С фотографией в руке я отправилась за коровник.

Не отвечая на предложения о сотрудничестве, я забралась на развалины и посмотрела вокруг. Ручки нигде не было.

– Эй, здесь лежала ручка, – сказала я с беспокойством, – кто из вас её выбросил и куда?

– Может поможешь? – упрекнула меня Тереза.

– Сейчас. Сначала ручка. Слушайте, здесь лежала ручка...

– Какая ручка? – заинтересовалась тётя Ядя.

– Красивая. Она была здесь – получилась на твоей фотографии.

Признавайтесь, где ручка?

– Никакой ручки я не видела, – сообщила моя мамуся, стоя над своим камнем.

– Я тоже. – Вздохнула Люцина и перестала долбить землю палкой с железным наконечником. – Если бы я нашла красивую ручку, я бы её не выбрасывала, а хорошо спрятала. Там никто ничего не делал.

– Да, но она была здесь, а теперь её нет...

Я спустилась с развалин и посмотрела на снимок, чтобы найти место залегания антиквариата. Я посмотрела раз, потом ещё, сравнила фотографию с натурой и поняла, что что-то не сходится.

– Брешете! – обвинила я их. – Все перевёрнуто и многого не хватает. Что вы здесь делали? Уничтожали семейные реликвии?

Все единогласно присягнули, что до развалин и пальцем не дотрагивались. Никто там ничего не делал, они занимались исключительно свалкой, а развалин никто не трогал.

– Как это не трогал, если они тронуты, причём основательно! Сами посмотрите! Здесь был холмик, а теперь яма, здесь торчали

камни, вот... Теперь ничего не торчит, зато здесь завалено...

Люцина первая вырвала у меня из рук фотографию, но насмотреться на неё не успела. Все недоуменно и недоверчиво набросились на неё и начали с интересом сравнивать.

– Она права, – сказала Люцина. – Тут все выглядит по другому. Кто-то здесь рылся.

– Не может быть, никто здесь не рылся! – запротестовала моя мамуся.

– А это что? Само раскопалось?

– А кто рылся? Ты? Я нет.

– Я тоже нет. Тереза, ты рылась? Ядя, может ты?

Тереза очень убедительно возразила. Тётя Ядя с удивлением всматривалась в разницу между развалинами и снимком.

– Ничего подобного! – обиделась она. – Смотрите, какое вещественное доказательство у меня получилось... Действительно, весь этот кусок выглядит абсолютно иначе...

Мы уставились на преобразившиеся развалины, на заросли крапивы и большие запылённые лопухи, открывая все новые различия и не понимая происходящего. Больше всего я жалела потерянную ручку. Люцина показала пальцем на берёзку, которая раньше росла, а теперь лежала.

– Свежая, – заметила она, – ещё не высохла. Её вырвали недавно.

– А эта цепь? – вдруг обиделась моя мамуся. – Мы вытягивали её для того, чтобы здесь бросить? Не удивительно, что свалка не уменьшается, если собственные сестры подбрасывают мне всякий хлам!

– Я никакой цепи не подбрасывала, – с лёгким раздражением запротестовала Люцина.

– Как это нет? На фотографии видно! Теперь не отвертись!

Я оглянулась. Огромная цепь, которой на фотографии были опутаны Тереза с Люциной, лежала возле развалин, на краю свалки. Тереза обернулась и тоже вытаращилась на неё.

– А это здесь откуда? Я же выволокла её аж туда, под забор!..

Наконец, всем стало ясно, что в работы по наведению порядка вмешалась какая-то внешняя сила. Ни одна из нас не тащила обратно чертовски тяжёлую цепь, которая перед этим была отнесена на добрый десяток метров в сторону. Тётя Ядя засвидетельствовала, что

собственными глазами видела, как две взмыленные сестры бросили её возле зарослей акации. Тщательные поиски позволили обнаружить коровью челюсть, которая на фотографии лежала рядом с ручкой, а теперь оказалась в самом центре свалки. Что касается отдельных камней, проидентифицировать их не удалось.

– Похоже на то, что мы убираем, а кто-то приходит и подбрасывает новый мусор, – задумавшись, заметила Люцина. Он берет с развалин что ни попадя и бросает туда. Теперь у нас есть занятие до самого судного дня...

– У меня нет, – сухо прервала Тереза. – Я вернусь в Канаду, даже если здесь будет неубрано.

– Не понимаю, кому может мешать то, что мы наводим здесь порядок, – обиделась моя мамуся.

Я уже открыла рот, чтобы представить свои мысли по этому поводу, но посмотрела на Люцину и прикусила язык. Было похоже, что она думала о том же. Тётя Ядя выдвинула несмелое предположение, что Франек таким тактичным способом пытается дать нам понять, что не желает у себя никаких перемен. Или Ванда – его жена. Или Ендрек – его сын.

– Не может быть, – энергично вмешалась моя мамуся. – Они могут восстановить свалку и после того, как мы уедем. Но я их сегодня же спрошу...

Проведённое вечером расследование доказало невиновность всех обвиняемых. Франек целыми днями работал в поле и не имел времени на глупые шутки. Ендрек не проявлял никакого интереса. Он был чуть живым, поскольку отец запряг его как першерона, о подбрасывании цепей он и думать не мог. Ванду очень смешили чудачества родственников из города, но она не собиралась принимать в них участия, имея достаточно забот по хозяйству и больное колено. Туристов в деревне не было, местное население не проявляло к нам никакого интереса. Короче говоря, преступников не было.

– Значит, завтра берёмся за эту свалку все вместе, – решила я. – Уберём весь мусор до конца и посмотрим, что из этого выйдет. Подбросят новый или нет...

* * *

Незадолго до рассвета Люцина проснулась в холодном поту. Ей приснилось что-то ужасное. В темноте, тихо, бесшумно и как-то кровожадно некто крался к развалинам. В его руке была красивая ручка с фотографии. Люцина сидела скрючившись за обломком стены и пыталась не дышать, чтобы некто не догадался о её присутствии. Тучи на небе полностью закрыли луну, почти ничего не было видно. Некто подкрадывался и подкрадывался. Понемногу. Все ближе. Страшное напряжение возрастало. Люцина панически боялась, и окаменела от страха до такой степени, что, даже пожелай, не смогла бы пошевелиться. Некто остановился за заслоняющей её стенкой – на фоне неба выделялся чёрный силуэт. Одной рукой он толкнул какой-то камень, который раскрылся как двери, другой – поднял вверх ручку. В этот момент тучи освободили луну и его лицо осветилось. Он так и замер, освещённый лунным светом. В поднятой вверх руке поблёскивала золотом ручка... Люцина не рассмотрела его лица, зато хорошо запомнила выражение. Это было выражение такого смертельного страха, нечеловеческого испуга и дикой тревоги, что в Люцине что-то сорвалось. Она обрела способность к движению и подскочила, чтобы посмотреть на то, что за камнем...

И проснулась. Мгновение она лежала, приходя в себя и восстанавливая в памяти кошмарный сон, в котором произошло не так уж и много и не так уж и страшно. Подумаешь, подкрался и замахнулся ручкой. Ужас заключался в настроении, в атмосфере, в осознании того, что от вида, открывающегося за камнем, перехватывало дух...

Быть может, она повернулась бы на бок и заснула снова, если бы ей не припомнился другой сон. Тогда она снимала виллу с садом, огороженным сеткой. Её комната была на втором этаже. Ей приснилось, что кто-то зашёл через калитку, прошёл через сад, вошёл в дом и начал подниматься по лестнице. Она отчётливо видела, как он входит на лестничную площадку, тихо приближается к двери, протягивает руку, поворачивает дверную ручку...

Она проснулась, просыпаясь, машинально включила ночник и увидела, теперь уже наяву, как медленно открываются двери её комнаты...

На мгновение все замерло – и Люцина, и двери и, возможно, тот, кто за ними стоял. Потом Люцина вскочила с кровати, схватила халат

и, зажигая по дороге весь свет, выскочила в холл. Там никого не было. Она проверила весь дом – входные двери были закрыты. Потушив свет, она отправилась спать. Наутро, при свете солнца, оказалось, что от калитки до окна веранды, туда и обратно, на грядках отпечатались свежие следы мужской обуви...

Под влиянием воспоминаний она не выдержала. В чем в чем, а в трусости её упрекнуть было нельзя. Она тихо встала, одела халат, тапочки и спустилась вниз. Начинало светать, и кое-что уже можно было рассмотреть. Она прошла через двор, обошла вокруг коровника, приблизилась к развалинам, подошла к приснившемуся месту. И увидела то, что там было...

Я проснулась от того, что меня дёргали за плечо. В сером свете начинающегося утра я увидела над собой лицо Люцины.

– Просыпайся, вставай быстрее, – шептала она. – Я не знаю, что делать, потому что милиция не разрешает ничего трогать, нельзя затаптывать следы, я не знаю, как рассказать все твоей матери и Терезе, может, Ядя опять окажет свои фотографические услуги. И вообще, вставай и посмотри сама, вдруг у меня галлюцинации – пойдём, только тихо, надо подумать...

Я была абсолютно уверена, что несколько минут назад она свихнулась, и, как можно быстрее, встала, чтобы её не расстраивать. В расстроенных чувствах она могла разбудить меня и топором... Люцина жестами подгоняла меня и продолжала шептать.

– Кажется, у нас новый покойник, интересно, есть ли у него наши адреса, кто-то должен дежурить, надо им сообщить, пока не проснулось все село, быстрее, а то кто-нибудь его украдёт, и опять будут говорить, что я все придумала...

В этот момент снаружи раздался протяжный, мрачный, пронзительный собачий вой. Пистолет Франека сообщал, что, по его мнению, что-то не в порядке. Через мгновение к нему тонко и жалобно подключилась соседская сучка, Мальва. Спящая под противоположной стеной Тереза пошевелилась и вздохнула. Люцина дёрнула меня за руку.

– Быстрее! – прошипела она и бросилась к дверям.

Я помчалась за ней, усомнившись в её сумасшествии.

– Может, ты скажешь, в чем дело? – спросила я её на лестнице.

– Сама увидишь. Скорее! Надо успокоить этих собак.

Пистолет сидел за коровником, задрал голову, и выл с таким вдохновением, будто давно поджидал удобного случая. Люцина затопала ногами и прогнала его грозным шёпотом. Теперь выли как минимум четыре собаки.

– Я думаю, что они узнали про твою находку, – расстроилась я. – Нам с ними не справиться. Что здесь и где?

– Черт с ними, с собаками... Там. Иди и посмотри. Там, где было расчищено.

Я направилась к развалинам и остановилась.

– Ты хочешь меня шокировать? – спросила я с подозрением. – Если там настоящий труп, пусть подождёт!

– Шок тебе не повредит, быстрее придёшь в себя. Да, настоящий труп. Свежий, в хорошем состоянии. Человеческий.

Неуверенно, одурманенная всем сразу, и ранним часом, и собачьим воем, и болтовнёй Люцины, я приблизилась к развалинам, и действительно... В мгновение ока я пришла в себя. В том месте, где вчера я искала ручку, лежал самый настоящий труп. Я плохо разбираюсь в трупах, но если у кого-то разбита голова и взгляд неподвижно устремлён в небо, он должен быть трупом. Я глубоко вздохнула, собралась с духом и героически постаралась к нему присмотреться.

– Ну? – с триумфом произнесла стоящая сзади Люцина. – Что скажешь?

Звучало это так, будто она лично его убила, причём после долгих стараний. Я пока не знала, что сказать, и отодвинулась, поскольку зрелище было не из приятных.

– Ты уверена, что ему уже ничто не поможет? – вяло спросила я.

– Абсолютно, – спокойно ответила Люцина и тоже отошла на несколько шагов. – В конце концов, я когда-то была медсестрой. Проверила. Готов.

– Это ты его грохнула? Он копался в развалинах?

– Чокнулась? Проснись, наконец! Я его здесь нашла. Только что. Надо что-то делать.

– Вот Тереза обрадуется! – невольно вырвалось у меня. – Конечно, надо. Надо сообщить в милицию.

– Слушай, может сначала обыщем его? Если у него снова наши адреса, будет скандал.

– Даже если и есть, не станешь же ты их воровать! Вот тогда будет скандал! Я его обыскивать не хочу. Жаль, что Марека нет.

Люцина посмотрела на меня, так будто её посетила свежая мысль.

– Как быстро ты сможешь его сюда вытащить? – поспешно спросила она. – По-моему, теперь без него не обойтись?..

– Три часа, – ответила я, кивая головой. – Но начинать надо с милиции.

– Жаль. Если бы не собаки, я бы часа три присмотрела, чтобы его никто не трогал. Я знала – что-нибудь произойдёт, но не была уверена и не думала, что так быстро. Интересно, это он обрабатывал свалку или тот, кто его убил...

Я опять кивнула. Люцина действительно думала так же, как я. После ручки, цепи и коровьей челюсти следовало ожидать каких-то событий. Совершенно ясно, что здесь происходит что-то странное. Я оглянулась и увидела, что со вчерашнего вечера территория не изменилась. То есть, одно из двух: либо вредителю помешали, удалив его с этого света, либо вредитель не смог, занимаясь удалением с этого света нежелательного свидетеля. А может, кто-то третий, наткнувшись на преступление, предпочёл временно воздержаться от действий...

– Все-таки придётся это расчистить, – сказала я убеждённо.

– Только не сейчас, – трезво заметила Люцина. – Иди и начинай что-то делать, сейчас сюда слетится все село.

Что касается села, из-за полевых работ слетелась только половина. На пост милиции, находящийся в полутора километрах, я поехала не сразу, сначала отправилась на шоссе, где мне посчастливилось встретить молочную цистерну. Шофёр, любитель детективов, не только согласился позвонить в Варшаву по данному ему номеру телефона, но, услышав о преступлении, с большим воодушевлением предложил привезти этого мужчину лично. В восемь часов они будут здесь. Я похвалила его идею, поблагодарила, и цистерна рванулась вперёд на недоступной грузовикам скорости.

Исполнив свои обязанности, я вернулась к дому Франека. Со стороны дороги развалины караулил Ендрек, страшно довольный выдавшейся минутой отдыха. Сторожить труп для него было намного приятней, чем работать в поле, он был почти благодарен убийце за услугу. С другой стороны, возле поля, собрались остальные родственники, постепенно приходящие в себя после первого шока.

Тётя Ядя дрожащими руками заряжала в фотоаппарат новую плёнку, используя предыдущую для полной обработки места происшествия. Тереза ругала меня и Люцину.

– И чего вы по ночам шлёпаетесь, будто вам блохи спать не дают! Я проснулась от какого-то воя. Нет, я с вами не выдержу!..

– Это не мы выли, – невинно перебила её Люцина. – Это собаки...

– Все равно! На кой черт тебя туда понесло! Чего ты бегаешь, вместо того чтобы спать?! Тебя глисты мучают?! Не могла подождать до утра?!

– Не могла, надо было посмотреть, что там такое.

– Могла и утром посмотреть! И вообще, его мог найти и кто-нибудь другой! Опять все свалят на нашу семью!

– Но теперь она сможет помочь милиции, – утешила моя мамуся. – Она видела убийцу и знает, как он выглядит.

– Ничего подобного, – с непробиваемым спокойствием ответила Люцина. – Вовсе я ничего не знаю.

– Как это? Ты же сказала, что видела его лицо!

– Во-первых, это было не лицо, а только смазанная испуганная маска. А во-вторых, это был не убийца.

– А кто?!

– Не знаю. Чужой человек. И зачем он приходил, не знаю.

– Это понятно, – злорадно заметила Тереза. – Он приходил за этой красивой ручкой. Вы специально все придумываете, чтобы я в отпуске не соскучилась?

– Подождите, а кто этот покойник? – спросила я. – Тоже чужак? Кто-нибудь из вас его знает?

– Франек говорит, что, кажется, когда-то его видел, – сказала моя мамуся, а подпирающий коровник Франек тяжело вздохнул и махнул рукой. – Но не знает, где и когда, а милиции вообще признаваться не будет. А Марек наконец займётся этим серьёзно?..

Милиция приехала довольно быстро, переполошив воем сирен все окрестности. Люцина хладнокровно рассказала представителям власти оба сна, объясняя посещение древних развалин посреди ночи. На этот раз наших адресов у трупа не было. Что у него было, нам не сказали, а подсмотреть мы не могли, поскольку всех нас сразу же увели из-за коровника во двор. Собака дошла по следам до стога сена под лесом, а

потом до автобусной остановки, но не сообщила, по чьим следам идёт – убийцы или жертвы. Со следа Люцины её вернули сразу.

О присутствии Марека на месте преступления я догадалась, когда цистерна с молоком, теперь уже пустая, в гоночном темпе пронеслась через все село, громко сигналив и распугивая домашнюю птицу. Я сразу поняла, что он вышел из машины там, где не обратил на себя внимания. О том, что он делал потом, я надеялась узнать позже.

Прибывшие представители властей провели предварительное следствие, которое позволило нам обогатить багаж собственных знаний. Это далось без большого труда, поскольку следовало из задаваемых вопросов. Покойника звали Веслав Турчин, приехал он, кажется, из Люблина, убили его около трех часов ночи, незадолго до прихода Люцины, ударив камнем по голове. Можно сказать, что убийца ударил, а Люцине тут же приснилось. Камень не нашли – все единодушно решили, что он был утоплен в болоте. Преступник зашёл на луг, бульк, и привет – орудие убийства пошло ко всем чертям. Собака могла поспособствовать в решении этого вопроса, но из любопытства на лугу собралась половина села.

Длительные переговоры с местным населением тоже дали некоторые результаты. Разговаривали мы с Люциной, остальные родственники сидели в садике перед домом, который был неплохим наблюдательным пунктом, куда доставлялись очередные донесения. Мужчина был чужим, но пару раз его видели. Время от времени он появлялся, шатался по селу, по кладбищу и по лесу, ни с кем не заговаривал, никто кроме священника его не знал. Но священник умер два месяца назад, значит, спросить у него не получится. Выглядел мужчина обычно, пристойно, никаких подозрений не возбуждал, никто не обращал на него внимания. Первый раз он появился примерно весной...

Перед самым отъездом у милиции появился ещё один вопрос. Его задал молодой сержант, высокий и щуплый, но жилистый. У него были светлые волосы, голубые глаза и милое лицо, а на лице – выражение глубокой задумчивости и озабоченности. Он уже сел в патрульную машину, но задержался, посмотрел на нас и вошёл в полисадник.

– Может, вы слышали фамилию Лагевка? – спросил он с надеждой.

Мы посмотрели на него, после чего все взоры устремились на Люцину. Люцина сморщила брови, посмотрела на сержанта, потом куда-то вдаль, потом потрясла головой.

– Нет, – сказала она с искренним сожалением. – Лагевка... Нет, никогда в жизни. И ни с чем не ассоциируется.

– Жаль! – одновременно произнесли сержант и тётя Ядя, кто с большим разочарованием, неизвестно.

– А кто это? – поинтересовалась моя мамуся.

– Я даже не знаю, может, его уже нет, – вздохнув ответил сержант. – Нет, ничего особенного, жаль, что вы не знаете...

Он вернулся на дорогу, сел в патрульную машину, и остатки милиции отбыли, оставив нас в состоянии глубокого замешательства. Неужели мы подцепили нового Менюшко?..

Марека я нашла после полудня на кладбище. Он расхаживал между могилами и внимательно изучал все надписи. Со стороны церкви за ним наблюдал какой-то мужичище, занятый ремонтом тачек. На кладбище было безлюдно, солнечно и даже приятно. Здесь царил покойствие, и жужжали пчелы. Деревенскую тишину нарушали только поскрипывание надгробных табличек, до которых в познавательных целях добирался Марека, и действия мужичищи, большей частью заключающиеся в стуке молотком по железу.

– Ты с ума сошёл? – набросилась я на Марека. – У тебя с головой плохо? Хочешь, чтобы Люцина нашла и твой труп?

– Мой труп? Зачем это?

– Покойник тоже ходил по кладбищу – и на кого он теперь похож? Хорошо, хоть со священником ты не поговоришь.

– Со священником я уже поговорил.

– С тем, который умер два месяца назад?

– Нет, с теперешним.

– Ну и что? Что ты здесь нашёл?

– Могилы твоих предков. Все в земле, ни одного склепа. Это удивительно, чтобы на таком кладбище не было ни одной солидной могилы, ни одной часовни. Здесь же жили какие-то графы. И где их хоронили?

– По случаю могу объяснить. На старом кладбище. Когда-то здесь не было ни кладбища, ни церкви, и люди мотались страшно далеко, в какое-то другое село. Лет сто назад местная графиня основала церковь,

трактуя это как взятку, за которую небо должно было одарить её чувствами нашего прапрадеда. Небо обязанностей не выполнило, прапрадед смылся, и графиня в расстроенных чувствах покончила с собой, завещанием запретив хоронить графские тела на этом кладбище. Таким образом, кладбище осталось в распоряжении приличных людей, и не заразилось выродившейся аристократией.

Марек смотрел на меня подозрительно, одновременно с интересом и отвращением.

– Что за бред ты несёшь? Только что придумала?

– Это не я, это Люцина. Продаю, за что купила. Из всего этого фактами являются только наличие церкви и кладбища, ну и, как сам видишь, отсутствие графов. До самой войны их хоронили на старом кладбище. Кроме того, на церкви нет никакого упоминания об основателе, потому что графиня проделала все анонимно. Люцина все тебе расскажет со многими подробностями. Кажется, точно все знал только первый священник...

Я замолчала, потому что кое-что пришло мне в голову. Покойник весной говорил со священником – и тот умер. Умер, как по заказу, как раз в нужный момент, чтобы от него нельзя было ничего узнать...

Я оторвала Марека от раскопок очередной присыпанной таблички.

– Послушай, а ты уже узнал, как умер предыдущий священник?..

– Не так, как ты думаешь, – ответил он сразу. – Обычно умер, от старости. Ему было больше восьмидесяти лет, плюс плохое здоровье. Никто его не убивал. Я об этом подумал и проверил. Это дело меня заинтересовало, возможно, придётся съездить в Люблин...

Он углубился в заросли боярышника и ежевики, методически обследуя самую старую часть кладбища. Зачем – я не понимала. Я не полезла за ним в эти колючие джунгли, и вернулась к выходу, подождать его у ворот. Я подняла с земли длинный тонкий прутик и рисовала на земле узоры, стараясь одновременно думать и наблюдать за мужичищем, который мне не нравился и неприязненно рассматривал меня исподлобья.

– Что это за бандит сидит возле церкви? – спросила я, когда мы покидали кладбище. – Он на меня как-то плохо смотрит.

– Местный гробовщик. До сих пор ничего плохого не сделал, хотя действительно похож на разбойника. Просто он необщительный.

– Выражение лица для гробовщика подходит. Слушай, милиция придумала новое имя – Лагевка. Ты уже знаешь, кто это?

– Знаю. Девичья фамилия матери покойника. Сына Марии Лагевки. Люцина ничего не вспомнила?

– Ничего, хоть и старалась. Никто про него не слышал. Не может быть, чтобы в таком семейном деле все время появлялись чужие люди!

Марек молчал так долго, что в конце концов я не выдержала, остановилась на песчаной дороге и посмотрела на него. Его лицо было невинно покорным, а глаза полны глубоких раздумий. Скорее всего, это означало, что он уже сделал какое-то сенсационное открытие. Но было понятно, что мне он ничего не скажет.

– Ну, говори же! – нетерпеливо потребовала я. – Я же вижу, что ты что-то знаешь! Пока не расскажешь, я отсюда не двинусь!

– Двинешься, двинешься. Долго на такой жаре не выдержишь. Но кое-что я могу сказать. Очень возможно, что эти чужие люди скоро окажутся не такими уж и чужими...

Осчастливив меня этой информацией, он спокойно отправился дальше, к дому. Я, конечно же, двинулась. На таком солнце, посреди пыльной дороги, долго никто не выдержит...

* * *

Через два дня от свалки за коровником не осталось и следа. Мы работали вместе с утра до вечера, с интересом ожидая результатов. Беспокойство по поводу наших действий проявляла только Тереза.

– Не понятно, правильно ли мы поступаем, – боязливо сказала она. – Опять кого-нибудь убьют...

– Какое отношение это имеет к делу? – удивилась Люцина, закрепившись на вершинах притворства. – Убивать будут независимо от наведения порядка. Кроме того, при Менюшке, насколько я знаю, никто здесь не прибирал. Одно с другим не имеет ничего общего.

– Не знаю...

– Завтра убедишься.

– А при случае, может, мы найдём этот старый колодец, – одобчительно добавила моя мамуся.

– Но если завтра утром здесь будет лежать новый труп... – начала сопротивляться Тереза.

– А ты предпочла бы старый? – поинтересовалась Люцина. – На такой жаре из двух зол – лучше новый...

Тереза поспешила оставить тему. Я договорилась с Люциной, кто из нас появится здесь на рассвете, чтобы изучить происшедшие перемены, после чего без труда уговорила тётю Ядю увековечить очищенную территорию. Люцина питала большие большие надежды и с нетерпением дожидалась следующего утра.

Назавтра оказалось, что ничего не произошло. Очищенное от железа и мусора подножие хлева осталось нетронутым. Моя мамуся торжествовала, Люцина была глубоко разочарована.

– И что теперь? – спросила она немного безнадежно. – Столько работы проделали, и все впустую?

– Похоже, что нам мешал этот покойник, – неуверенно ответила я.

– Да, а кто же его убил! Я рассчитывала на продолжение! Происходит же здесь что-то...

Некоторое время мы присматривались к моей мамусе, которая глядя под ноги блуждала по бывшей свалке, время от времени она наклонялась и разрывала своим ножом небольшие ямки. Казалось, твёрдо утоптанную землю можно расковырять только киркой.

– По-моему, надо что-то делать, – вздохнула я. – Не может быть, чтобы он так внезапно затаился. Я тоже думаю, что что-то происходит, и чем больше происходит, тем быстрее мы отгадаем, что именно. Пока я не понимаю, что ему, собственно, нужно.

– Так давай за дело! – загорелась Люцина. – Можем раскопать развалины!

– Развалины жалко, все-таки старина...

– Может, много копать и не придётся, вдруг, он вмешается сразу. Мы же не можем все бросить!

С последним утверждением я согласилась без колебаний. Я стояла под стеной коровника и смотрела на утоптаный грунт. Кроме того, что надо что-то делать, в голову ничего не приходило.

– Никаких следов нет, куда она могла подеваться, – недовольно сказала моя мамуся, выпрямляясь над очередной ямкой. – Где-то здесь должна быть верхушка.

– Какая верхушка? – поинтересовалась Люцина.

– Верхушка колодца. Остатки кладки. Я думала, что без мусора легко её найду...

– Ах!.. – сказала Люцина.

Мы посмотрели друг на друга, одинаково обрадовавшись идее. Конечно, мы же можем искать колодец! Причины поисков не имеют никакого значения, пусть их выдумывает моя мамуся...

Смертельно удивлённая Тереза не скрывала опасений по поводу наших умственных способностей. Её удивлял не столько энтузиазм старшей сестры, которая давно скучала по колодцам, сколько тот факт, что мы с Люциной вдруг начали её горячо поддерживать. Мы вцепились в колодцы, как репей. Несмотря на дикую жару и вонь из коровника, мы втроем долбали окаменевшую почву, приглашая поучаствовать в этом необыкновенном мероприятии и Терезу с тётей Ядей. Тётя Ядя уже начала сдаваться, но Тереза твёрдо отказывалась.

– А когда мы его найдём, то можем и раскопать, – шепнула мне Люцина, вытирая пот со лба. – Что нам мешает. Может, что и получится...

– Только побыстрее, а то мы зажаримся здесь, как на сковородке...

– Вы чокнулись окончательно, – испуганно сказала Тереза, увидев, что тётя Ядя берет вилы. – У вас солнечный удар. Я ухожу, потому что боюсь помешанных...

Каменный панцирь за коровником поддался только после привлечения на помощь Ендрека. Жнива ещё не начались, луг был скошен и Франек, посвящённый в наши с Люциной планы, несколько одуревший и расстроенный ситуацией, делегировал сына на раскопки. Ендрек довольно быстро наткнулся на каменный круг – остатки кладки колодца, и с разбегу начал выгребать из него разный мусор.

До захода солнца нам удалось выкопать яму глубиной около полуметра. На утро наше достижение было полностью уничтожено. Ямы не было, её заполнили камни из развалин.

Меня силой вырвали из сна и притащили за коровник, где над засыпанной ямой кипели семейные страсти. Люцина повизгивала от удовольствия. Тереза допытывалась у своих тупых безмозглых идиоток-сестёр, когда до них наконец дойдёт, что какой-то негодяй пробирается сюда ночь за ночью с недвусмысленным намерением истребить все население. Разрумянившаяся тётя Ядя щёлкала фотоаппаратом, бормоча какие-то упрёки Люцине, которая, как

известно, любит шляться по ночам и славится своей изобретательностью. Люцина, больше для развлечения, бросала подозрения на меня, утверждая, что я намеренно создаю сенсации, необходимые мне для следующей книги. Тереза усомнилась в существовании негодяя. Ендрек хихикал в сторонке.

В мою мамусю вдруг вселился дьявол – в ней проснулся характер прабабок.

– Мне все равно, кто это делает, я эту сволочь не прощу! – сердито сказала она. – Ендрек, давай раскапывать!

Ендрек сразу перестал хихикать. Тереза издала протяжный стон и заломила руки. Люцина поддержала старшую сестру, подзуживая её против сволочи и призывая к раскопкам. Я пошла по её следам, увидев, что все наши начинания за коровником вызывают немедленную реакцию таинственного противника, который, в конце концов, может допустить какую-то ошибку и проявить себя. Это позволит разрешить загадку. Другого пути не было. Мимолётно я заинтересовалась, какой бы эффект дало разрушение коровника, но с самого начала было ясно, что проверить этого не удастся, поскольку три ни в чем не повинные коровы Франека не могут остаться без крыши над головой. Несмотря на раннюю пору, в голове блеснула мысль, что рано или поздно упорная война за яму позволит поставить бандиту ловушку.

Марек принёс новости как раз тогда, когда объект конфликта достиг глубины трех четвертей метра. Он посмотрел на нашу работу с таким выражением, что дырявый чугунный котёл, который я относила в сторону, вылетел из моих рук. Как можно скорее я объяснила ему настоящие причины нашей любви к каторжному труду и намекнула на капкан. Люцина бросила в меня половину кухонной конфорки, сердитым движением подбородка показывая на Терезу.

– Не слушай её, она дурачится... – начала она убедительно.

– Я уже давно догадалась, в чем тут дело, – прервала её расстроенная Тереза. – Сокровища вы ищите, как же!.. Мне вы глаз не замылите, я отлично знаю, что вам нужен ещё один труп!

– Какой труп? – удивилась моя мамуся. – Я не слышала, чтобы дедушка засыпал в колодце труп... Да и вообще – он бы давно испортился.

– Да зачем тебе этот старый труп?!

– Мне ни к чему. Я его и не ищу...

– Ладно, ладно, – примирительно сказала Люцина. – Труп нам не нужен, мы хотим раскрыть тайну. Что мы делаем – все равно, главное – что-то делать, потому что только благодаря этому продвигается дело...

– Ага, – подтвердила Тереза. – Уже двое...

– Отстань. Ты оставишь то, что мы должны отдать порядочным людям? Франек мучается, про душу дяди я вообще молчу... Может, Марек что-нибудь узнал?..

Все вдруг вспомнили, что Марек привёз какую-то информацию. С искренним облегчением мы оторвались от каторжных работ, послушать сенсационное сообщение. Марек согласился рассказывать.

Найденного на наших развалинах покойника действительно звали Веслав Турчин, со дня рождения он действительно жил в Люблине, там же и работал, все его знали, документы он имел настоящие и не был иностранным шпионом. Жил он один, родителей не имел, потому что они умерли, зато у него были три невесты и мачеха, живущая отдельно. Фамилия Лагевка действительно была девичьей фамилией его матери.

– А мать его, кажется, была из этих мест, – сообщил Марек с каким-то подозрительным удовлетворением. – Во время войны, ребёнком, её отсюда увезли. Родители её погибли, но она выжила. Вышла замуж за парня из Люблина, в Люблине и поселилась. Её родители, кажется, были еврейского происхождения, точнее говоря, её мать. Отец – нет. Отец был нотариусом в Венгрове...

– Минутку, – прервала его Тереза. – Я сбилась. Чей отец?

– Этой матери, в девичестве Лагевки. Дед вашего покойника. Он был нотариусом в этих местах и, возможно, вёл какие-то дела с вашими предками. В этом что-то есть, поскольку здесь появляются люди из давних времён, сначала внук Менюшко, теперь внук Лагевки...

– И все играют в ящик! – вырвалось у Люцины с нетактичной радостью. – Наверняка проклятие!

– Никакое не проклятие, просто кто-то их тут поджидает, – внесла коррективы моя мамуся. – Ещё в те времена они с кем-то поссорились...

– Он что, так девяносто лет их и поджидает? – рассердилась Тереза. – Как ты думаешь, кто этот убийца? Замшелый старикашка?

– Почему? То были внуки жертв, а это может быть внук убийцы...

– То есть, ты хочешь сказать, что убийца может быть внуком деда? – неуверенно поправила тётя Ядя.

– Какого деда? Нашего?

– Да что ты несёшь, наши деды были порядочными людьми! – обиделась Тереза.

– Оставьте в покое этих дедов! – потребовала я, потому что в голове у меня все перемешалось. – У каждого внука есть какой-нибудь дед! Убийца тоже чей-то внук, но по этому признаку мы его не узнаем...

– А ты хочешь его узнать? – удивилась моя мамуся. – Зачем тебе такие знакомства?

– Спасите, – тихо сказала я и временно замолчала.

Марек тоже замолчал. Он заглянул в яму, потом оставил нас и начал осматривать территорию. Люцина, ошарашенная обладанием тайной, остановилась на проклятии, все более приближаясь к мысли, будто убийство совершил дух, вампир или другие сверхъестественные силы. Вероятно, какой-то предок превратился в оборотня и теперь отплачивает прижизненные долги. Мрачно настроенная Тереза неохотно признала, что, наверное, мы действительно обладаем чем-то ценным. Это необходимо вернуть, иначе дело дойдёт до резни. Появление на сцене нотариуса только ухудшает ситуацию. Тётя Ядя, имеющая какой-то отрицательный опыт общения с нотариусами, усердно её поддерживала. Моя мамуся не обращала внимания ни на оборотня, ни на нотариуса, кроме колодца её ничто не интересовало.

Тем не менее, суть дела начинала проясняться. В прежние времена должно было что-то произойти, о чем дядя Антон не смог рассказать на смертном ложе, хотя наверняка знал, что это было. Новые потомки, постоянно всплывающие на свет божий, возможно, тоже знали, но шанса, что они все расскажут, не было. Обязательство распутать дело легло на нас. Его было необходимо исполнить, тем более, что этот таинственный клад отягощал нашу совесть. Допущение, что ценным предметом была утерянная красивая ручка, и именно её жаждал получить убийца, казалось нам маловероятным.

Таким образом, вместо того, чтобы как можно быстрее покинуть место, где появляются труп за трупом, а убийца дышит над ухом, вопреки логике и здравому смыслу, все мы решили остаться на месте. Единодушно, но каждый по своей причине. Люцина опомнилась и

начала старательнее дозировать посе́вы паники, чтобы не переборщить и не спугнуть своих сестёр с такого интересного места. Взволнованная образом измученной души дяди Антона, Тереза сломалась и отказалась от протестов.

Марек не выдал нам своих мыслей, но в бездействии не остался. После полудня, без всякого нажима с чьей либо стороны, он принялся за работу. До вечера они с Ендрексом вырыли яму глубиной в два метра. Камни и разные железки были свалены рядом в живописную кучу.

– Ну, уж этого наш бандит засыпать не сможет, – с удовлетворением сказала моя мамуся, заглядывая вниз.

– Сможет, – ответил Марек, помогая Ендрексу выбраться наверх. – И даже без большого труда.

– Как это? И что нам делать?

– Ничего. Посмотрим, что сделает он.

Ендрекс посмотрел на Марека с ярко выраженной неприязнью и болезненно скривился. Тётя Ядя стала спиной к заходящему солнцу и сделала несколько снимков. Моя мамуся снова заглянула в яму.

– Столько выкопали! – вздохнула она. – Что бы придумать?..

– Мы хотели поставить ловушку, – вспомнила Люцина.

– Для мышей? – заинтересовалась тётя Ядя, закрывая фотоаппарат.

– И крыс, – злорадно пробурчала Тереза. – Не знаю что вы хотите здесь оставить, разве что волчью пасть, или как это там называется...

– Волчьих у нас нету, – оживился Ендрекс. – Есть только на зайцев, но не говорите отцу – он меня когда-то за них поколотил. Но они все равно не подойдут.

– Так может, волчью яму? – предложила моя мамуся.

– Как раз над волчьей ямой ты и стоишь...

– Давайте же что-нибудь придумаем, – упрекнула я их.

Соответствующую ловушку так никто и не придумал, поэтому было выдвинуто предложение охранять яму всю ночь. Очень сильно протестовали только два человека – Марек и Тереза.

– Ну и идиотки! – кричала Тереза, стуча себя кулаком по лбу. – У вас ум за разум зашёл! Бандит поубивает вас также, как убил этого, как его там... внука нотариуса! Как надо хлопнуться головой, чтобы лезть ему в зубы!!!

– В какие зубы, он не кусается...

Марек внимательно посмотрел на Терезу.

– Не может быть и речи! Я не буду охранять вас тут до утра, мне тоже надо выспаться!

– Нас охранять не надо, только колодец, – поправила его Люцина.

– Вот именно! А утром найдём новый труп?

– Ох, и что это он стал таким трусливым?! – недовольно сказала моя мамуся.

– У него одного осталось немного ума! – крикнула Тереза.

– Да, ум, ха-ха! Столько работы испортить! Половину колодца вырыли, а дурацкий бандит засыплет!..

– Вы, законченные кретинки! Неужели вам не понятно, что он вас поубивает!!!..

– Меня он не убьёт, – решительно сообщила Люцина.

– Отчего это?! Ты с ним договорилась?!

– Нет. Но я спрячусь. Я вовсе не собираюсь шастать у него под носом. Он меня вообще не увидит.

– Здорово, – похвалила её моя мамуся, – я тоже спрячусь.

Тереза начала стонать и хвататься за голову.

– И что с того, что ты спрячешься, идиотка, ты будешь спрятана, а он засыплет колодец! А как только ты ему покажешься!..

Люцина презрительно пожала плечами, моя мамуся легкомысленно фыркнула.

– Так я и разогналась ему показываться. Как только я увижу, что он пришёл, я его испугаю.

– Как?!..

– Обыкновенно. Зарычу на него, вот так... ууууууу!.. Вот посмотрите, как он побежит.

– Мать божья! – сказала смертельно испуганная Тереза.

Мысль показалась мне не такой уж и плохой, и я решила подключиться к этим пряткам. Будет темно, но луна немножко светит. Спрячусь в машине, увижу чужого человека и начну сигналить. Тётя Ядя разорвала союз с Терезой и дрожащим голосом выразила желание вступить в лигу прятков. Марек некоторое время выглядел так, будто для производства нового трупа никакого бандита уже не понадобится, но внезапно изменил решение. Он обречённо посмотрел на нас и махнул рукой.

– Ладно, черт с вами. Но при условии, что я назначу очередность этих прятков. И никто не имеет права высовываться дальше коровника. Можете смотреть со двора...

Тереза и тётя Ядя пошли в первом эшелоне. Укрытие они себе нашли в садике возле дома, под кустом сирени. Место показалось им безопасным, потому что садик был окружён изгородью, родственники спали поблизости, за открытыми окнами, а от опасной зоны их отделяли часть двора и коровник. И действительно, они вернулись живыми.

Я отсидела своё в машине, вдыхая запахи ночи, соединённые с запахами из хлева, глядя на проход между коровником и конюшней. Луна светила ярко, в селе изредка потягивали собаки, на лугу квакали лягушки, а в хлеву тёрлись и бряцали цепями коровы. Больше не происходило ничего, царило полное спокойствие. В конце концов я разбудила Люцину и отправилась спать.

Перед рассветом в курятнике возник дикий переполох. С ужасным шумом из него повыскакивали все куры, утки и гуси. Весь дом поднялся на ноги. Толкая друг друга мы выскочили во двор, с сеновала соскочил Ендрек, вооружённый граблями. Птица летала по двору, рассыпая перья. Из курятника, слегка припорошенная помётом, со сломанной жердью в руке, вышла моя мамуся.

– И что это вас всех принесло? – нетерпеливо спросила она. – Сейчас я сторожу, никто не просил вас просыпаться...

Прошло довольно много времени, прежде чем нам удалось узнать, что моя мамуся решила спрятаться в курятнике, где споткнулась о невидимый в темноте тазик. С размаху свалившись на насест, вместо бандита она смертельно перепугала птицу и всех родственников...

Инспекционная проверка колодца позволила узнать, что, несмотря на такую прекрасную охрану, он обмелел почти до половины метра.

– Можно узнать, где ты пряталась? – сладко спросила Тереза, поворачиваясь к Люцине.

– В коровнике, – пробурчала Люцина.

Я тоже повернулась к ней с большим интересом.

– Единственно правильное место. И что ты видела?

– Не скажу. Не хочу выражаться.

– Так может что-нибудь слышала?

– Конечно. Коров. Они тёрлись, шелестели, сопели и звенели...

– Так какого черта ты вообще туда полезла, – не выдержала Тереза.

– Чтобы спрятаться. И чтобы увидеть бандита.

– А он тоже должен был прийти в коровник? Ты с ним договорилась?..

Прижатая к стене Люцина призналась, что ещё днём высмотрела в коровнике щель между досками. Через эту щель она хотела наблюдать за территорией между колодцем и развалинами, однако щель куда-то подевалась. В темноте она не смогла найти нужные доски и все время потратила на выдалбливание другой щели. Насквозь она проковырялась как раз тогда, когда закончилось дежурство.

– Хорошее ты себе место нашла! – пренебрежительно фыркнула Тереза.

– Может ты нашла лучше?

– Конечно, лучше! Во всяком случае мы кое-что видели!

– Да, – взволнованно подтвердила тётя Ядя. – Возможно, что это был он! Этот бандит!

– Как это?! И вы только теперь вспомнили?!..

Тереза и тётя Ядя торжественно подтвердили, что они единственные добились успеха, при чем раньше не отдавали себе в этом отчёта. Незадолго до наступления темноты они видели какого-то мужика, который перешёл через дорогу и отправился на луг. Что он делал потом, неизвестно, однако, возможно, что он вернулся и завалил колодец, используя заточение Люцины в коровнике. До этого он лазил и исследовал ситуацию...

Рассказ о действиях мужика прервал Марек.

– Успокойтесь, этим мужиком был я, – равнодушно сказал он. – Я хотел бы задать вам один вопрос...

– Ну, знаешь! – обиделась тётя Ядя.

– А я ещё удивлялась, как это ты согласился на дежурства! – закричала я. – Я должна была догадаться!..

– И что? – заинтересовалась Люцина. – Ты что-нибудь видел?

– Ничего особенного. Я хотел бы задать вам...

– Я больше сторожить не буду! – внезапно сообщила Тереза. – Чтобы он из меня дурочку делал!

– Это он делал из всех нас, чем тебе плохо, – успокоила её моя мамуся.

– Я хотел бы услышать от вас ответ на один вопрос, – повторил Марек измученным голосом.

– Если состоится конференция, то я сяду, – уведомила нас Люцина. – Проводить совещание стоя я не намерена!

Она оглянулась, нашла половинку доньшка от бочки, положила её на камни и уселась. Мы последовали её примеру, используя в качестве кресел разнообразные предметы. Марек остался стоять над ямой.

– Могу я у вас узнать... – начал он.

– Не толкай меня! – заворчала моя мамуся на Терезу. – У меня доска кончается!

– Кто толкается?! Это ты меня толкаешь! Я и так на краешке сижу!

– Попробуй сесть на задницу, – подсказала Люцина.

– Нет, я этого не вынесу, – сказал Марек с ярко выраженной яростью.

– Вот, вот! – услужливо подтвердила Тереза. – Я об этом и говорю!

– Вы ему разрешите, наконец, задать свой вопрос?! – не выдержала тётя Ядя. – Мне интересно, что он хочет узнать!

– Говори и не обращай внимания на мелочи, – посоветовала я. – Если они не расслышат, я им потом повторю. Порядка все равно не дождёшься.

Марек вздохнул и посмотрел в яму.

– Я хотел бы знать, зачем вы, собственно, раскапываете этот колодец?

Некоторое время царило молчание.

– Там была очень хорошая вода, – неуверенно отозвалась моя мамуся.

– Дед уронил туда золотые часы, – таинственно произнесла Люцина. – Их стоило бы достать.

– А может, у бабушки порвалось жемчужное ожерелье? – ядовито сказала Тереза. – Его тоже стоит достать.

– А знаете, это прекрасная мысль, – похвалила я их, прежде чем Марек успел открыть рот. – Должны же мы что-то говорить, когда нас спросят, какого дьявола мы раскапываем колодец!

– Как это? Ведь Марек как раз и спросил, – напомнила удивлённая тётя Ядя. – Мне кажется, что вы говорите какие-то глупости...

Марек оторвал взгляд от ямы и посмотрел на нас.

– Конечно, – согласился он, – это может пригодиться, нет сомнений, что кто-нибудь поинтересуется. Мой вопрос был риторическим, я знаю, что вы рассчитывали заманить врага. Но мне интересно, можно ли его заманить чем-то другим, или он интересуется только колодцем, или мешает любым действиям...

– Спроси у него, – доброжелательно посоветовала Люцина.

– Я уже думала разобрать коровник, но коровы мешают, – одновременно ответила я. – Ты придумал, как проверить?

– Нет, у меня есть идея ловушки, но про это после. Не приходило ли вам в голову, что должна быть причина, по которой именно здесь нам вставляют палки в колёса?

– Приходило, мы и хотим отгадать эту причину, – живо ответила Люцина. – Мы с самого начала знаем, что существует какая-то тайна.

– Вот именно. Был разговор о каком-то потерянном имуществе. Отец Франека дал понять, что что-то, что необходимо отдать, находится здесь. Где, не в колодце же!

– К чему ты клонишь? – неуверенно спросила я.

– К тому, чтобы соединить одно с другим. Оставить в покое этот колодец и начать раскапывать, например, развалины. Быть может, тут действительно что-то было спрятано, начнём это искать осмысленно, а при случае увидим, что сделает наш противник. В этих развалинах, кажется, есть подвал...

– В подвале ничего нет, – категорически остановила его моя мамуся. – Я знаю этот подвал отлично, все мы игрались там в детстве. Франек тоже знает. Там никогда ничего не было.

– Откуда вы знаете?

– Сама видела.

– Но это могло быть спрятано давно! Замуровано!

– Ничего там не замуровано. Один камень. Если я говорю, что видела – значит, видела.

– Перестаньте ссориться, – решительно потребовала я. – Здесь надо использовать дедуктивный метод. Где бы тебе показалось логичным спрятать что-нибудь в те времена? Спрятать безопасно?

– Ну не в колодце же! – раздражённо огрызнулся Марек.

– А где?

– В разных местах! Замуровывали в склепах, в подвалах, закапывали в землю!..

– В колодце, по-твоему, наиболее бессмысленно?

– Конечно!

– В таком случае, моя мамуся права...

– Вот, пожалуйста! – победоносно заметила моя мамуся.

– Сиди тихо, а то я тебя спихну! – прикрикнула на неё Тереза.

– Если мы хотим отгадать, что давным-давно могли сделать наши родственники, мы должны принять действия наименее логичные и наиболее бессмысленные, – продолжила я с вдохновением. – Если что-то и есть в нашей семье, что, как сам видишь, дожило до сегодняшних дней, так это то, что мы всегда поступаем не так, как того требует здравый смысл. Даже во время последней войны моя бабка загнала всю семью под снаряды. Все люди бежали в одну сторону, а наша семья – в другую, как раз туда, куда падали снаряды. Я уже и не вспоминаю про другие случаи. Если здесь что и спрятано, то спрятано абсолютно бессмысленно. Правда, эта удивительная особенность переходит из поколения в поколение по женской линии, но я обращаю ваше внимание, что в этом фарсе замешана моя прабабка. То есть, хоть здесь и собственность прадеда, но женская линия тоже имела право голоса.

– Она не так уж и глупо говорит, – похвалила меня Люцина. – Интересно, откуда это все взялось...

Марека мы, казалось, убедили неполностью. Он, задумавшись, посмотрел на нас, потом в яму, потом вдаль. Даль, по-видимому, что-то ему сказала, потому что он вдруг принял решение.

– Ладно, черт с вами. Раскопаем до конца и успокоимся. Про ловушку я расскажу дома...

Для ловушки был необходим фотоаппарат со вспышкой. Аппарат был у тёти Яди, а вспышку я могла позаимствовать у приятелей в Варшаве. Местом дежурства была выбрана крыша коровника. На балках под крышей необходимо было сделать помост, в крыше дыру, через дыру высунуть соответственно нацеленный фотоаппарат, подождать, пока придёт противник и снять его за работой. Пойманному на горячем бандиту можно будет задать несколько вопросов...

За изготовление помоста и дыры Марек принялся сразу. За вспышкой я могла поехать только через три дня. Была пятница, на следующий день приходился выходной, я знала, что до самого понедельника никого из друзей дома не застану. Я предложила пока вытянуть на крышу коровника электрический провод, прицепить к нему соответствующе сильную лампу и зажечь её в нужный момент. Идея отпала из-за отсутствия сильной лампы, дома у Франека были только сотки, а в магазинах в Венгрове – только на шестьдесят ватт. В другие магазины я успела только после закрытия. Кроме того, Марек настаивал на вспышке, утверждая, что простое наблюдение за противником ничего нам не даст, надо добыть его фотографию, которая потом станет вещественным доказательством. Я начала подозревать, что он знает что-то ещё, ночная прогулка под видом мужика принесла какие-то результаты и, быть может, он даже кого-то видел.

Франек переносил наши приготовления с ангельским терпением, а узнав о результатах нашего обсуждения, проникся слабой надеждой. Хотя сокрытие чего-либо в колодце казалось ему мыслью достаточно идиотской – нельзя было исключать, что в густом мраке тайны блеснёт светлый лучик. Он решил принять участие в мистификации и предложил работать в ночь с субботы на воскресенье. В воскресенье, конечно, тоже можно, но лучше не надо, потому что это произведёт сенсацию – все село будет тыкать в нас пальцами.

– Но до субботы он успеет все засыпать! – обиделась моя мамуся. – И что, начинать сначала?

– Суббота завтра, – едко заметила Тереза.

– Ну и что? У него будет целая ночь.

Франек махнул рукой.

– Пусть заваливает, черт с ним. Втроём раскопаем...

– Будет темно, – предостерегла Люцина. – Он может вас поубивать.

– Всех троих? Он с автоматом придёт? Все равно нам придётся меняться, один всегда будет начеку...

– Если бы он не завалил все сегодня, и ночи бы не понадобилось, – вздохнул Ендрек. – Хватило бы пары часов после рассвета и все...

– Начинать лучше с вечера. Мы присветим немного, хоть лампы и слабые, но что-то дадут. У меня где-то валяется кусочек провода, подключим...

Марек неожиданно поддержал Франека. По его мнению, предстоящий завал колодца не имел никакого значения, они справятся со всем его содержимым, поэтому можно предоставить преступнику свободу действий. Несомненно, он старался избавиться от родственников, чтобы оставить себе свободу действий. Я была уверена, что он собирается затаиться в темноте и поймать негодяя собственноручно, не причиняя ему большого вреда, поскольку пока не было доказано, что убийца и вредитель одно и то же лицо. Один человек мог совершать преступления, а другой заваливать яму...

Моя мамуся больше не отозвалась ни словом, исчезла с горизонта и появилась только за ужином. Люцина присмотрелась к ней и быстро повернулась ко мне.

– Боже мой, – сказала она паническим шёпотом. – Твоя мать что-то задумала. Посмотри на неё!

В глазах моей мамуси появился шельмовской блеск, на лице её отражалась плохо скрываемая радость. Оживлённая и довольная, она уселась за стол.

– Что-то она натворила, – озабоченно решила я. – Как бы узнать, что она наделала, прежде чем проявятся результаты...

– Попробуем дипломатично...

Ничего не вышло. Осторожные вопросы и очень дипломатичные предположения не дали никаких результатов – моя мамуся с невинным удивлением отпиралась от всего. Только Ендрек, который пришёл на кухню последним, дал нам почву для размышлений. Он так обескураженно смотрел на мою мамусю, что после ужина мы с Люциной взяли его в оборот.

– Тётя запретила мне говорить, но я все равно не знаю, в чем дело, – обеспокоенно сказал он в ответ на наши нервные вопросы. – Она попросила меня нарубить деревяшек.

– Что попросила?..

– Деревяшек нарубить...

– Каких деревяшек?! Для чего?!

– Откуда я знаю, для чего? Попросила нарубить чурочек и застрогать их с двух сторон. Ну, я нарубил и застрогал.

– И что она с этим сделала?

– Ничего. Лежат. Кучей у сарая. Ей-богу, зачем они ей, не знаю...

Мы с Люциной переглянулись. Замыслы моей мамуси были непонятны. Она могла запланировать для себя костёр, но зачем для костра заструганные чурки? Если бы она разбросала их возле колодца, был бы шанс, что преступник о них споткнётся, но у сарая?..

На всякий случай мы решили только притвориться, что идём спать, а на самом деле следить за моей мамусей, которая, в свою очередь, притворялась занятой чтением. Она читала книжку до тех пор, пока не решила, что все уже спят, после чего тихонько встала, выскользнула во двор и скрылась в тени сарая. Мы с Люциной подглядывали за ней, высунувшись из окна на кухне, если вытаращивание в темноту можно назвать подглядыванием. Мы слышали тихий скрип двери сарая, какой-то шелест, звук лёгкого постукивания дерева по дереву и наконец все затихло.

– Ради всего святого, что она там делает? – шепнула я. – Надо бы посмотреть, а то этот бандит её убьёт. Я пойду вокруг коровника и зайду ей с тыла.

– Иди, я подожду здесь. Только смотри, чтобы он тебя не прихлопнул...

В результате, на проказы моей мамуси нарвался Марек. Прежде, чем в темноте, едва рассеиваемой слабым светом месяца, я успела на цыпочках обойти вокруг курятника, сеновала и сарая, миновав заросли крапивы и осота на краю луга, моя мамуся все прояснила.

Что-то грохнуло по стене коровника. Марек, ожидающий там бандита, успел уклониться в последнюю секунду. Дало это ему немного, поскольку в следующее мгновение что-то просвистело над его головой, затем в стену бабахнули два следующих снаряда. Марек исполнил классическое «ложись» и залёг под стеной, не понимая, откуда берутся залпы с той стороны и кто их производит, если отслеживаемый негодяй находится в противоположном направлении. В этом он был уверен, поскольку дождался появления в районе развалин чёрного силуэта, который, крадучись, направился к колодцу. Марек прокрался через двор, намереваясь затаиться за углом коровника, и тут появился новый враг. Снаряды стучали по стене, некоторые перелетали коровник и с шелестом скрывались в темноте. Из темноты раздался короткий стук камней и звук удаляющихся шагов.

Энергичный обстрел над головой не позволил Мареку кинуться за ними.

Когда, вопреки стараниям, свалившись в крапиву и какую-то яму, я, наконец, добралась до места сражения, за сараем уже царила тишина. Скрип и удар двери указали, что кто-то забаррикадировался изнутри. Я споткнулась и свалилась на Марека.

– Что ты тут делаешь, черт возьми?.. – дико зашипел он.

– Посвети, – попросила я слабым голосом, предчувствуя самое плохое, догадываясь, в чем тут дело.

Марек щёлкнул фонариком. В кругу света я увидела низкий берёзовый пенёк, о который споткнулась, а вокруг него россыпь чурок в форме веретёна. Двери сарая опять скрипнули, открылись, и в свете фонаря показалась моя мамуся с дрыном в руке.

– Ну как? – весело спросила она. – Он испугался?

Марек некоторое время смотрел на неё.

– Не знаю, как он, а я точно...

– Я должна была раньше догадаться, – разочарованно сказала я. – Эти обструганные чурки...

Может, это и удивительно, но правда – моя мамуся в молодости великолепно играла в чижика. Я знала про это, неизмеримо этим гордилась и неоднократно хвасталась. Я должна была сразу догадаться, для чего ей могут понадобиться деревяшки, заострённые с двух сторон. Она ещё не потеряла старых талантов...

– Я хотела в него попасть, – призналась она нам. – Он бы мне ничего не сделал, я бы закрылась в сарае на крючок. Я в него не попала?

– Не знаю, – ответил Марек странным голосом. – Может, он был далековато?

– Как далековато? Я видела его здесь, он прыгал прямо у этой стены!

– Здесь, у этой стены, как раз был я. В меня вы почти попали, да...

Люцина, как ошалевшая змея, шипела в кухонное окно, требуя нашего возвращения домой и объяснения событий. Моя мамуся, озабоченная и обиженная, объясняла, что рукой так далеко она добросить не может, а методом чижика могла поразить противника, оставаясь на безопасном расстоянии от него.

– Я думаю, что коров ты тоже перепугала, – упрекнула я её.

– Свиной, – поправила Люцина. – Даже здесь было слышно, как они подпрыгивают и визжат. Я думала, вы там в хлеву друг друга убиваете.

– Была возможность его поймать, – горько сокрушался Марек. – А теперь – все. Мама, ради бога, оставьте этот дырн, а я на всякий случай ещё посторожу, хотя очень сомневаюсь, что он сегодня вернётся. Шанс мы упустили.

– Зато он не засыпал колодец, – победно сказала моя мамуся, тщательно пряча дырн за кухонный буфет.

Во дворе радостно и добродушно затыкал Пистолет, который только что вернулся со свидания. Я снова открыла уже закрытое окно.

– Дурачок, – сказала я ему. – Если бы ты был здесь раньше и охранял дом, как положено порядочной собаке, у тебя была бы возможность налаяться вдоволь...

* * *

В воскресенье, на восходе солнца, из глубины колодца донеслось глухое рычание Ендрека, известившее нас, что он докопался до дна. Аудитория у него была многочисленной, поскольку вся семья уже была на ногах. Вокруг ямы высились громадные кучи камня, которые никто не хотел относить далеко – все равно закапывать. То, что ни один камень не свалился на Ендрека, можно отнести на счёт его исключительного везения.

Колодец был сухим – несколько лет назад проводилась мелиорация почв и уровень воды понизился на добрых два метра. Марек спустился вниз, вдвоём они окончательно расчистили яму и приступили к тщательному осмотру. Они старательно проверили колодец сверху вниз и снизу доверху, обстучали каменную кладку, заглянули в каждую щель и наконец вылезли.

– Как я и думал, там ничего нет – авторитетно заявил Марек. – Обычный добротный колодец, вот и все. Теперь вы успокойтесь?

– Как это? – удивилась моя мамуся. – Действительно ничего? Зачем же он нам мешал?

– Может, и ему казалось, что есть, – разочарованно заметила тётя Ядя. – Зря только напрягался...

– Теперь тебе его жалко? – поинтересовалась Тереза.

– Черт с ним, а вот мы... – пробормотал Ендрек.

Франек тяжело вздохнул.

– По правде говоря, я тоже надеялся, что этот чёртов колодец что-нибудь прояснит, – грустно признался он. – Он мешал так, будто что-то знал... Ну что ж, жаль, ничего не поделаешь.

– И что дальше? – беспомощно спросила моя мамуся.

– Ничего, в понедельник обратно засыплем, – решил Марек. – А пока прикроем досками...

Интерес к тайне слегка ослаб. Деятельность нашего противника наполняла нас надеждами, и теперь неопровержимо доказанная полная невиновность колодца вызвала разочарование. Возможно, этот злоумышленник попросту сошёл с ума, а его болезнь вылилась в приступы работоспособности. Возможно, в ночь с воскресенья на понедельник у него опять будет приступ, он завалит яму и мы про неё забудем. Никто из родственников не выспался, но предстоящая спокойная ночь давала хоть небольшое утешение.

Ночь и действительно прошла спокойно, зато утром в понедельник меня разбудило что-то новенькое. Это были гуси. Периодически, через каждые десять секунд, возникал скрипящий пронзительный гогот, такой сильный, будто гуси уселись на подоконник. Мне было просто необходимо нормально выспаться, поэтому, за десять секунд перерыва я попыталась уйти в себя и заснуть, но это оказалось невыполнимо. Гуси без труда побеждали. Через пятнадцать минут я встала и выглянула в окно. Внутри разгорался действующий вулкан.

Большое стадо гусей расположилось за дорогой, на краю луга. Они стояли и болтали между собой. Начинал один, ему отвечал другой, после чего все вместе взрывались этим ужасным звуком. Наибольшую активность проявлял пёстрый гусь, который переступал с ноги на ногу чуть в стороне от стада.

– Чтоб ты сдох! – сказала я ему шёпотом, наполненным искренней ненависти.

Тереза, укрытая с головой, спала как убитая. Гуси радостно гоготали. Вид они являли достаточно живописный – белое стадо на зеленом лугу, освещённом лучами восходящего солнца, но акустически были невыносимы. В бессильной ярости я смотрела в

окно и придумывала способ их уничтожения. На подоконнике лежала коробка спичек. Я высунулась из окна и изо всех сил, не надеясь на успех, швырнула коробок. Он не долетел даже до дороги.

Когда я была снаружи, а это пришлось как раз на короткий момент тишины, послышался какой-то дополнительный звук. Я напрягла слух, но гуси вновь принялись за своё и все заглушили. Я ждала, высунувшись за окно, гуси замолчали, и снова донёлся этот шум. Звучал он странно и ни на что непохоже, напоминая протяжный стон или глухой вой. Было пять утра, в селе было тихо, люди уже работали в поле, с большого расстояния доносился рокот какой-то машины. Вблизи были слышны только гуси и этот странный звук, глухой, еле слышный, протяжный и в тоже время какой-то жалобный.

Я высунулась ещё сильнее и локализовала его источник. Звук доносился как бы из-за коровника, со стороны развалин. Сон как рукой сняло, я схватила халат и выскочила из комнаты.

Миновав угол коровника, я поняла, что жалобный вой доносится из колодца. Сердце моё ёкнуло, я осторожно подкралась к колодцу. Два последних метра я продвигалась на четвереньках, и, вытянув шею заглянула вниз.

Открывшаяся картина могла вызвать нервный шок. Железной лестницы не было, а деревянная, которую мы вчера забыли вытащить, стояла у стены колодца. Две верхние ступеньки исчезли, а на следующей стоял какой-то тип и пронзительным голосом звал на помощь, задрав вверх своё упыриное лицо.

Если бы я не подбиралась к колодцу на четвереньках, то спикировала бы вниз, в объятия к упырю. Жуткая морда, обращённая вверх, вообще не походила на лицо человека. Окровавленная, измазанная землёй, деформированная громадной шишкой на лбу, ужасно искажённая, она казалась искусственным образованием на человеческом теле. Одной рукой это странное создание держалось за боковую стойку лестницы, вторую прижимало к себе, глаза его, кажется, были закрыты, потому как на появление сверху моей головы оно никак не отреагировало, продолжая рычать и выть.

Я кое-как превозмогла внутреннее и внешнее оцепенение.

– Тихо!!! – заорала я дурным голосом. Рычание упыря не давало собраться с мыслями.

Вой как ножом обрезало, а лёгкое изменение внешности упыря продемонстрировало – возможно, он открыл глаза. Переведя дыхание, он отозвался очень жалобным человеческим голосом.

– Спасите!!!.. Помогите, люди!!!.. Мне отсюда не выбраться!!!.. Спасите!!!

Место абсолютного вакуума в моей голове занял полный хаос. Я жутко разволновалась. Наконец-то кто-то появился. Новый труп. Нет, трупы не воют. Новая жертва или новый убийца, кажется, в колодце что-то нашли, но где же клад!.. Что, черт побери, делать с этим фантом?!!..

– Тихо, – яростно повторила я. – Что вы там делаете?! Да тише же, черт возьми, перестаньте дрожать!

– Я не могу отсюда выбраться!...

– Не надо было забираться! На кой черт вы туда полезли?

– Я не лез! Что-то меня столкнуло! Помогите мне! Кажется, я сломал руку! О боже, черт побери!..

– А что вы вообще здесь делаете?

– Ничего! Не могу выйти! О господи, спасите!..

Я до сих пор стояла на четвереньках, заглядывая вглубь колодца. Парень нетерпеливо дёргался на лестнице и домогался помощи. Я прикинула, что этот колодезный диалог ничего не даст – под ним сломается следующая ступенька, и дальнейшие переговоры будут исключены. Надо действовать. Я уже немного пришла в себя, попросила его заткнуться и спокойно подождать, после чего вскочила и побежала за Мареком, который спал на сеновале. Марека не было, я не знала, куда он мог деться. Не было и никого из семьи Франека, собаки и вообще ни одной живой души. Меня бесило, что в такой дурацкой ситуации я должна была остаться абсолютно одна.

Надо было как-то извлекать жертву из колодца. Даже если не вспоминать о ступеньках, оставить в яме человека со сломанной рукой и такой рожей попросту негуманно. Я решила рискнуть, нашла железную лестницу, приволокла её к колодцу и вставила внутрь. После долгих церемоний этот тип, шатаясь, с большим трудом, наконец-то выбрался наружу. Вся помощь, которую я могла предложить – поймать его за шиворот и тянуть вверх. Не ожидая, пока он встанет на ноги, не отпуская воротника, я потребовала от него анкетных данных. Не сопротивляясь, он вытащил из кармана и показал мне права, из

которых следовало, что его зовут Евгений Больницкий. Потом он стал объяснять, что здесь делает. Он как раз находился в отпуске, возвращался ночью от одной дамы и тут на него что-то напало. Что, он не знает. Я отпустила воротник и разрешила ему выпрямиться.

– Вы были пьяны? – спросила я сурово.

– Естественно, пьян! Будь я трезвый – убился бы! Что за чёртово место, повымерли все, что ли? Я кричу, кричу...

– И долго кричали?

– Не знаю. Когда я очнулся, было уже светло...

Я уставилась на него, не решаясь поверить. В голосе этого типа звучали горечь и обида, было похоже, что он говорит правду. Двигался он очень неуклюже, пробовал по очереди подёргать обеими ногами и одной рукой, попытался пошевелить второй и охнул, скривив свою маску упыря. Ноги его были в порядке, должно быть, он свалился головой вперёд, даже жалко его стало.

– Умойтесь, – посоветовала я. – Я впусти вас в ванну.

– Сейчас... – ответил он неуверенно. – Я это... Мне плохо...

Я разволновалась, как пить дать – сотрясение мозга! Вёл он себя как-то странно, переступал с ноги на ногу и крутил головой. Я решила отложить умывание, засунуть его в машину и отвезти в ближайшую больницу. Тип не протестовал против моих планов, но по-прежнему был сам не свой.

– Мне плохо, – повторил он. – Извините, пожалуйста... Я это... Ну, сейчас я вернусь...

Нетвёрдым шагом он направился к сеновалу и исчез за ним, пройдя сквозь распахнутые настежь двери. Я хотела бежать за ним, но решила, что вежливее будет подождать. Вытащив железную лестницу, я оттащила её в сторону и приволокла обратно, решив, что она понадобится, чтобы достать деревянную. Во время этой операции я споткнулась о доски и сразу вспомнила, что колодец был хорошо закрыт. Чтобы свалиться туда, надо было его открыть. Пострадавший сразу перестал казаться мне невинным, я отложила лестницу и посмотрела на сеновал, опять не зная что делать. Со стороны дома подошла тётя Ядя с фотоаппаратом в руках.

– Никого нет, – доложила она. – Не знаешь, куда все подевались? В смысле, твоя мать и Люцина, потому что Тереза спит. Кто это здесь был? Кто-то чужой?

– Пока не знаю, – подавленно ответила я, поглядывая в сторону сеновала. – Он был в колодце...

– Где был?!..

– В колодце. Я нашла его. Из-за гусей...

Тётя Ядя сразу не поняла, о чем я – пришлось объяснить подробнее. Я постепенно приходила в себя, а тётя Ядя проявила живой интерес.

– Ничего себе! Живой?!.. И где он?

– Пошёл за сеновал.

– Зачем?

– Думаю, что по личному делу. Его уже долго нет...

Тётя Ядя заметно обеспокоилась.

– Может, с ним что-то случилось? Может, посмотреть?

– Может, и надо, но подглядывать как-то неудобно...

Стоя у колодца, мы с нетерпением ждали и все сильнее волновались. Рядом паслась коза, и я прикрыла дыру досками. Жертва все не появлялась. Меня охватили самые недобрые предчувствия, в яме этот тип ещё как-то держался, а теперь мог сломаться, потерять сознание, лежать там за сеновалом и даже умирать. Вежливость вежливостью, но главное не переборщить, умирающего человека бросать нельзя...

– Пойдём, – сказала я тёте Яде, – посмотрим, что он так долго делает. Осторожно выглянем, чтобы, в случае чего, его не торопить.

Мы выглянули – за сеновалом никого не было.

Сначала мы беспомощно оглядывались вокруг, потом заглянули на сеновал и обшарили все закоулки. Пусто. Жертва растаяла как сонное видение.

– Сбежал? – удивилась тётя Ядя.

Я уныло кивнула головой.

– Хорошо, что ты его тоже видела, а то получилось бы, что у меня галлюцинации. Как видно, он чувствовал себя лучше, чем выглядел. Черт бы его побрал...

Сидя на ступеньках крыльца, я дождалась возвращения с поля семьи и собаки, и сразу же сообщила им о происшествии. Все столпились вокруг, с удивлением и страхом глядя на меня.

– Права у него были такие затасканные, что скорее всего настоящие, – грустно закончила я. – Звали его Евгений Больницкий, а

адреса я не помню...

– Как его звали?!.. – недоверчиво вытаращив глаза прервала меня Люцина.

– Я же сказала – Больницкий. Евгений...

Люцина, по-видимому, лишилась дара речи, и её сменила моя мамуся.

– Больницкий? Так это же родственник, – произнесла она с радостным удивлением. – Наша бабка была в девичестве Больницкой.

В этот момент меня как обухом по голове ударило, ко мне внезапно вернулась память. Я вскочила с крыльца. Как я могла забыть, что прабабка носила девичью фамилию Больницкая?!.. Я не задушила Больницкого!.. Мне в руки попался один из призраков прошлого, и я отпустила его без слова объяснения!.. Какая же я дура!!!

Перед крыльцом Франека произошло извержение вулкана. Все говорили одновременно и сходились только в вопросе моего умственного развития, во всем остальном возникли разногласия. Наконец, слово получила Тереза, раздражённо допытывающаяся, каким образом Больницкий может быть родственником, если прабабка была Больницкой только в девичестве, ни один из её детей этой фамилии не носил, а единственный брат прабабки погиб на дуэли, не оставив потомков. Тут моя мамуся припомнила, что был ещё и другой брат.

– Бабушка никогда про него не рассказывала, – сказала она неуверенно. – Об этом первом брате и дуэли говорила, а про второго – нет. Откуда я про него знаю, не помню.

– Кажется, от дедушки, – вспомнила Люцина. – Он как-то сказал, что этот второй брат нашёлся, а до этого куда-то пропал.

– В любом случае, откуда-то этот Больницкий взялся, – мрачно заметила я. – Он мог быть сыном этого второго брата... Хотя – нет, исключено, он младше меня и должен быть как минимум внуком...

– Хватит с меня всех этих внуков! – рассердилась Тереза.

– Одну возможность о чем-то узнать испортила мама, – ехидно заметил Марек, – вторую ты. Расскажи хотя бы, как он выглядел.

Наполнившись отвращением к себе, я снова уселась на ступеньки.

– Понятия не имею – как он выглядел. На лбу у него была шишка размером с дыню, нос расквашен, рожа измазана, глаз подбит. Наверняка, в повседневной жизни он выглядит иначе. Что касается

одежды, на нем были джинсы и куртка неизвестного цвета. Кроваво-чёрные. Кровавый цвет он, конечно, смоем, а чёрный – сожжёт или просто выбросит. Но зато я знаю, где он живёт.

– Как это? Ты же говорила, что не помнишь адреса!

– Адреса – нет, а город – да. Замосч. Или Забже. Я уверена, что название короткое, на «За».

Марек недоуменно пожал плечами и пошёл посмотреть на следы вокруг ямы. Он решительно отмёл предположение, будто Больницкий свалился в колодец случайно. Он лично закрывал яму досками и сделал это очень старательно. Кто-то должен был эти доски снять. Может, Больницкий и не виноват, возможно, его действительно столкнули, но на кой черт он сюда забрёл, яма же выкопана не посреди дороги!

Вся семья помчалась за Марекком. Следы за коровником сохранились отлично, потому что никто там не шлялся. Ощупав и обнюхав по всем холмсовским правилам – почти на четвереньках, все вокруг, Марек обнаружил, что над каменным колодцем сидели два человека. С одной стороны я, с другой – ещё кто-то. На дне колодца нашёлся разбитый фонарик. Мои тапочки отпечатались отлично, а тётя Ядя сюда вообще не подходила. Часть следов я стёрла, пока таскала доски и железную лестницу, остальные следы вокруг колодца и развалин принадлежали трём собакам, одной корове, двум свиньям и нескольким людям.

Моей мамусе пришло в голову посыпать всю территорию жёлтым песочком и хорошо его разровнять. Марек поддержал идею, правда, он был сторонником серого песочка, которого вокруг было предостаточно, с жёлтым могли возникнуть проблемы.

Все дело приобретало новую окраску. Появление очередного внука, по-видимому, принадлежащего к родственникам, явно указывало, что за всем этим скрывается что-то важное. Необходимо было браться за дело с новыми силами. Тот факт, что Больницкий ушёл живым, обнадеживал.

– И что дальше? – оживлённо поинтересовалась Люцина.

– Теперь надо сделать все сразу, – энергично ответила я. – Я еду в Варшаву за вспышкой, оказывается, уже сегодня она могла пригодиться. Вам придётся заняться этим песочком. Возможно, надо найти этого Больницкого и засыпать колодец...

– Дура, если мы засыплем колодец, зачем тогда вспышка? Сюда все равно никто не придёт.

– Значит, колодец можно оставить. Не знаю, что ещё...

– Ещё у нас есть второй колодец, – радостно напомнила моя мамуся.

– О, боже!... – вздохнул Ендрек.

– Я на самом деле приехала сюда раскапывать колодцы предков? – зловеще спросила Тереза. – Или других способов узнать, в чем здесь дело нет? Или это какое-то проклятие?..

* * *

В Варшаву я в тот день не поехала, потому что куда-то пропала косметичка, в которой лежали все документы. Я вытащила её из сумки, когда искала пилку для ногтей, положила на столик у окна и сразу не спрятала. Это было роковой ошибкой: оказалось, что сразу после этого Тереза прибирала в комнате.

– Это конец, – пожаловалась я Люцине и мамусе. – Там были мои права и документы на машину. Кажется, придётся писать донос на Франека, будто он держит в доме секретные документы. Придут из контрразведки, произведут тщательный обыск, тогда косметичка и найдётся. По-другому не получится.

Моя мамуся и Люцина обеспокоенно посочувствовали. Опыт всей нашей жизни показывал, что мои предположения верны. Там, где хоть раз прибирала Тереза, найти что-либо было невозможно. Очень много вещей пропало безвозвратно. Что ещё хуже, Тереза не выносила беспорядка и занималась уборкой очень часто, пряча все, что лежало сверху, не уделяя ни малейшего внимания месту сокрытия. Как обычно, она заявила, что о косметичке впервые слышит, после чего обиделась на мои дурацкие претензии и удалилась на свежий воздух. В поисках мне помогли её старшие сестры.

– Я с ней больше не живу, – сказала я твёрдо. – Под кроватями тоже нет. Люцина, поменяйся со мной местами.

– Ты что, я с ней тоже не живу. Она спрячет мои очки – я всегда оставляю их на виду.

– С тобой поменяется Ядя, – сказала моя мамуся, – у неё ангельское терпение, мы вместе можем поменяться.

Обыскав верх шкафа, я слезла с кресла и задумалась.

– Нет, ничего не выйдет. Та комната больше. Кроме того, с тобой я тоже не живу, ты с четырех утра шелестишь газетами. Люцина, поменяйся с Терезой, скажи ей поддипломатичнее, что ты их не выносишь, пусть она окажет тебе услугу.

– Отлично, я их действительно не выношу: Ядя храпит, твоя мать шелестит, а по вечерам они заставляют меня выключать свет...

Тереза охотно услужила Люцине, пояснив, что никак не может со мной ужиться. Я с облегчением подумала, что наконец-то смогу все раскидывать. Понадеявшись, что при переезде косметичка найдётся, я отказалась от дальнейших поисков, но вечером надежды оказались напрасными. Я все ещё была лишена прав.

Зато Марек получил информацию о Больницком. Сельские ребята сообщили, что, во-первых, чужой мужик, выглядевший как жертва катастрофы, умывался в корыте для скота на краю села, а во-вторых – чужой мужик уехал на мотоцикле, который был спрятан за курятником соседа Франека. По дороге мужик стонал и вёл мотоцикл одной рукой. Марек сообщил, что не собирается тратить время на пустяки и во вторник, на рассвете, скрылся.

Косметичка нашлась тоже во вторник, к полудню. Точнее, её нашла Ванда, которая собирала вещи для стирки. Вытащив из шкафа свой купальный халат, она обнаружила косметичку в кармане. Перед этим халат висел под моим плащом, но мне не пришло в голову его проверить, хотя карманы плаща я прощупала. Прижав к себе вновь обретенные документы, осознавая всю важность своей миссии и наполнившись новыми надеждами, я отправилась за вспышкой.

Обладателем вспышки был один из моих друзей – Тадеуш. До Варшавы я добралась уже к вечеру, в конторе его не застала, а телефон дома не отвечал. Поэтому, чтобы хоть что-то выяснить, пришлось ехать напрямик к Еве – его подруге. Оказалось, что Тадеуш поехал к слесарю в Миланувку, где должен оставить автомобиль и вернуться поездом. Я знала и слесаря, и как его найти. Поездом Тадеуш мог возвращаться бог знает сколько времени, и я предложила за ним съездить.

Ева охотно согласилась. Выходя из её флигеля, я увидела какого-то парня, стоящего посреди двора и разглядывающего довоенную часовенку. Я сентиментально вздохнула:

– Каждый раз, когда я к тебе прихожу, мне вспоминается двор моего детства, – сказала я поворачиваясь к Еве. – Он выглядел точно так же и был совсем рядом, на Хмельной сто шесть...

– Сволочь!!! – возмущённо заорала Ева вместо ответа.

Парень возле часовни повернулся, как поражённый молнией. Ева погрозила кулаком в его сторону и топнула ногой.

– Домой, сволочь! Где ты шляешься по ночам?!..

Я слегка удивилась, в голове мелькнула мысль о Тадеуше. Но не разобравшись в явно интимной ситуации, я тактично промолчала. В глаза бросилось выражение лица обруганного человека. Он выглядел одновременно алчным, страшно удивлённым и полностью остолбеневшим. Ева продолжала грозить ему кулаком и топтать ногами.

– Ты знаешь его? – спросила я с подозрением.

– Кого? Сволочь?! Конечно же?!..

– Господи, ну почему сволочь? Выглядит он довольно пристойно!.. Ты про него не рассказывала...

– Про кого... О, боже!..

Из-за спины человека выскочил большой, красивый, абсолютно чёрный кот, шмыгнув по двору и запрыгнул прямо в открытое окно. Повернувшийся к нам молодой человек казался парализованным. Испуганная и сбитая с толку Ева окаменела. Я сразу поняла в чем дело.

– Я понимаю, что ты слегка пожурила своего кота, – съехидничала я. – А теперь объясни этому человеку, что ты ругала не его, а то как-то глупо получается.

Ева сразу пришла в себя, два раза шагнула и, не задумываясь, сделала реверанс, точно так же, как исполняла его двадцать лет назад.

– Моего кота зовут Сволочь. Вы извините, но он вчера не ночевал дома, пришлось сказать ему пару слов, очаровательно объяснила она. – Это относилось не к вам. Прошу прощения.

Человек отреагировал достаточно необычно. Не обращая внимания на очаровательную Еву, он бросился к нам и уставился на меня.

– Кто вы?!!! – взволнованно заорал он.

Теперь пришла моя очередь остолбенеть. Я не могла так сразу сказать, кто я. Идиотский вопрос, я – никто. Ева начала подозрительно фыркать.

Парень ответа не ждал:

– Вы сказали, что жили на Хмельной, сто шесть!!! Где люди с Хмельной, сто шесть??!!! Может, вы их знали?! Может, вы слышали фамилию Влукневский?!!..

Я пришла в себя также быстро, как перед этим Ева, и мне стало жарко. Конечно, это был он, совпадающий с описанием Франека, тот, что спрашивал про нас весной. Молодой, высокий, худой, с тёмными волосами.

– Вас интересует Франтишек Влукневский? – осторожно спросила я.

– Франтишек!.. О, боже! Вы его знали?!..

– Так сложилось, что он был моим дедом, – сказала я сухо, осторожно приглядываясь к нему, пытаюсь побыстрее оценить – негодяй он или порядочный человек. – Мы уже знаем, что вы были у Франека. Надеюсь, вы объясните, в чем тут дело?

– Ты его знаешь? – поинтересовалась Ева.

– Нет, но я про него слышала. Он искал нас у родственников.

– Прабабки?

– Нет, прадеда.

– И чего он хотел?

– Откуда мне знать? Вся семья уже целый месяц ломает над этим голову...

Мы могли продолжать разговаривать на любую тему, поскольку этот тип был ни на что не способен. Возможно, у него отнялась речь. Он замер, всматриваясь в меня, как в икону, на лице его застыла маска восторженного недоверия. Я подумала, что он навсегда останется стоять памятником у Евы во дворе и будет мешать прохожим. Надо ему помочь:

– В том, что я внучка своего деда, нет ничего удивительного – осуждающе заметила я, – теперь можете расслабиться. Да издайте же хоть звук!

Парень издал звук. Таких последствий своего невинного предложения я не ожидала! Над довоенным двором разнёсся могучий звериный рёв, молодой человек сошёл с ума – он хлопнул в ладоши,

притопнул, исполнил что-то среднее между чардашем и канканом, дополняя все элементами разбойничьих плясок. Гремящий протяжный рёв перерос в радостные выкрики, что привело к появлению в окнах многочисленных зрителей. Наконец, запыхавшись, он немного овладел собой. Он позволил увлечь себя к дверям, на этом, из-за соседей, очень настаивала Ева. Горячо, беспорядочно и совсем непонятно он объяснил мне, что мечтает о потомках моей бабки – Полины Влукневской. Они снятся ему по ночам, он должен с ними увидеться, должен, и все тут! Во всем мире для него это единственные люди, достойные внимания!

Длилось все это довольно долго, до тех пор, пока мы не достигли какого-то взаимопонимания. С большим трудом я добилаься от этого психа его персональных данных. Звали его – Михал Ольшевский, он был смотрителем музея в Ливе. В Ливе!.. Почти у нас под носом. Я пыталась выведать ещё что-нибудь, но псих не хотел разговаривать. Он издавал только радостные восклицания, свидетельствующие о том, что дело поразительно важное. Принимая во внимание количество трупов, я легко этому поверила.

Не стоит и говорить, что эту добычу я из рук не выпустила.

– Никаких ожиданий до завтра, – твёрдо сказала я. – Насколько я разбираюсь в жизни, как пить дать, до завтра вас кто-нибудь грохнет, и вся эта бодяга начнётся заново... Едем со мной и никаких возражений!

Ева одобрительно закивала, а Михал Ольшевский засиял ещё больше, хотя это и казалось невозможным. Он искренне признался, что испытывал некоторые опасения и собирался следовать за нами на такси. Полное совпадение желаний позволило нам приступить к действиям.

Из Миланувки Тадеушу пришлось возвращаться в многочисленной компании. Как оказалось, вспышки у него не было. Две недели назад он одолжил её человеку, который теперь всячески избегает встреч с ним, откуда можно сделать вывод, что вспышка отправилась ко всем чертям. Наверное, он её разбил. Слегка обеспокоившись, я потребовала от Тадеуша приложить побольше энергии и уведомить меня, когда он получит прибор. Вместе с Евой они могут привезти её прямо в Волю, где, благодаря происходящим событиям, жизнь протекает достаточно интересно.

– Я сейчас поеду туда с этим человеком, – на всякий случай добавила я. – Если по дороге меня убьёт неизвестный, вы знаете, что сказать следствию.

Михал Ольшевский сидел тихо и в наши разговоры не вмешивался. Выглядел он так, будто изнутри его распирала неизвестная субстанция, выделяющая свет. Его присутствие заставило меня отказаться от поисков вспышки по другим знакомым и махнуть рукой на ловушку, которую должен был заменить живой источник информации. От дома Тадеуша я направилась напрямиком в Волю.

– Какого черта вы шлялись по двору Хмельной, сто двадцать два, если знали, что Влукневские жили на Хмельной, сто шесть? – спросила я, выбравшись на люблинскую трассу. – Хоть это вы скажете?

– Я шлялся по всем дворам, – с выражением безграничного счастья ответил Михал Ольшевский. – Того, что я пережил, словами не опишешь.

– Нас было трудно найти?

– Трудно!.. Ха-ха! Вообще невозможно! Вы извините, но про это я могу рассказать сразу!

С большим интересом я выслушала описание тернистого пути к потомкам моих бабки и деда. От Влукневских из села Михал Ольшевский узнал, что Франтишек и Полина имели трех дочерей, которые скорее всего вышли замуж и сменили фамилии. Новых фамилий он, естественно, не узнал. В адресном столе ему не помогли. Влукневские были, он получил много адресов и потратил массу времени на то, чтобы понять, что это совсем не те люди, которых он ищет. Они были разбросаны по всей Польше, некоторые не отвечали на письма, поэтому он наездился досыта. Ещё больше времени он потратил в Тарчине, где Влукневские жили во время войны, там он даже нашёл семью, которая их когда-то знала, но его преследовали неудачи: единственный член этой семьи, хорошо помнивший Франтишека Влукневского, как раз недавно умер, остальные ничего не знали и понятия не имели о фамилиях повыходивших замуж дочерей. Что ещё хуже, он выяснил, что этих Влукневских искал кто-то другой, немного раньше, и этот другой успел переговорить с покойным членом семьи ещё при жизни. Он страшно переволновался и начал исследовать кладбища. В Повонзках, обойдя могилу за могилой,

прочитав надпись за надписью, он понял, что обеспечит себе работу на ближайшие десять лет, поэтому перешёл к администрации кладбищ. Ни в одной конторе во всем воеводстве он не нашёл имени Влукневских. Обидно.

– Вы правильно не нашли, потому что Влукневские лежат в склепе, а склеп записан на имя моей мамуси. И вообще, откуда вы взяли Повонзки? Начинать надо было с Брудна!

– Семья старая, я и начал с самого старого кладбища...

Потерпев поражение на кладбищах, Михал сменил направление деятельности и нашёл село Голодоморицы, где также надеялся добыть кое-какую информацию. Он её получил, но такую, что волосы на голове стали дыбом...

– Хо-хо!.. – вырвалось у меня и я прикусила язык.

– Извините? – заинтересовался Михал.

– Ничего, ничего. Говорите дальше...

Михал подозрительно посмотрел на меня и продолжил рассказ. Информация из Голодомориц окончательно его расстроила, в приступе отчаяния он начал часами блуждать по Хмельной улице. Жили же здесь когда-то эти чёртовы Хмелевские, должен же их кто-то знать! Кто-то мог вернуться домой после войны, какой-нибудь кум, сват или сосед, должен же хоть кто-то хоть что-то знать...

– И пожалуйста! – торжествуя закончил он. – Самая глупая идея оказалась удачной! Вы нашлись.

Это понравилось даже мне. Я нашлась исключительно благодаря тому, что там живёт Ева, которой в те времена и на свете не было. Парню крупно повезло...

– Ещё можно было дать объявления в газеты, – критически заметила я. – Время от времени мы кое-что читаем...

Михал Ольшевский беспокойно заёрзал.

– Что вы?.. Это исключено! Это могло произойти только в крайнем случае!

Я удивилась, откуда у него такая неприязнь к прессе. Михал Ольшевский таинственно понизил голос.

– Все должно оставаться в тайне, это очень деликатное дело, оно не должно привлекать ничьего внимания. Могут возникнуть некоторые сложности...

– Не могут, а уже возникли, – сварливо поправила я. – Два трупа и один недобитый, совсем не плохой эффект.

– Что?.. Как это?!..

– Вот так? Вы не слышали об убийствах под Венгровом? Они потрясли всю округу. Я абсолютно уверена, что ваша тайна и наши трупы, в количестве две с половиной штуки, это одно и то же дело. Все закручено вокруг нашей семьи.

– Что вы сказали?! Трупы?!.. Действительно кого-то убили?!..

– Да, среди прочих и Менюшко из Голодомориц. Готова поклясться, что там вы искали Менюшко! Можете молчать дальше – может, ещё пара трупов появится...

Михал Ольшевский окаменел. Я рассказала ему про убийства в Воле, надеясь, что он не выдержит, как-то отреагирует, разболтается, а я наконец-то что-нибудь узнаю. Заинтригована я была дьявольски. Что это за штучки, которые мои родственники выкидывали в те давние времена. Этот парень наверняка что-то об этом знал. Вообще-то все складывалось, но истоки загадки до сих пор были тайной!

Михал Ольшевский отреагировал так, что мне стало страшно за машину. Он мог вырвать рычаг переключения скоростей, выбить стекло или раскрошить приборную панель...

– Менюшко!!!.. – возбуждённо стонал он, заламывая руки и вырывая волосы. – Лагевка!!!.. Все могло разойтись!!!.. Больницкий!!!..

– Немедленно успокойтесь, а то я вас выброшу! – сердито пригрозила я.

– Конечно, вы меня выбросите... Боже мой! Значит все разошлось!!!.. Ну да, эти женщины в вашей семье... Вы меня выбросите!..

– Псих, – произнесла я приговор и нажала на газ, чтобы побыстрее добраться до места и убрать сумасшедшего из машины. Как видно, мои родственники успели навредить ему и из могилы...

* * *

Вечером, в половине девятого, в доме Франека, в комнате на втором этаже собралась вся семья. Михал Ольшевский положил на

стол большой и очень тяжёлый пакет, за которым мы заехали по дороге. Он взял его в музее в Ливе, после того как оправился от потрясения и немного успокоился.

Операция освидетельствования личностей прошла безболезненно. Все с суетливой поспешностью показывали ему свои документы. У Терезы, кроме паспорта, с собой оказалось даже свидетельство о рождении. Локализовать трех наследниц Полины Влукневской удалось без труда, контакт с ними принёс Михалу явное облегчение.

– Наконец-то, – взволнованно вздохнул он. – Я вас уже обыскался!.. Наконец-то! Теперь что-то прояснится. Я ничего не скажу, объясняться будем потом, я предвижу некоторые сложности! А пока я вам просто покажу это...

Он торжественно развернул установленный на виду пакет. Как загипнотизированные, мы следили за его руками. Из под нескольких слоёв толстой бумаги показался железный сундук, из которого Михал вынул какую-то ломкую, пожелтевшую, по-видимому, очень старую бумагу.

– Это завещание, – вдохновенно произнёс он. – Завещание пани Софии Больницкой, матери Катарины Войтычко, вашей прабабки. Вы предпочтёте прочесть сами или зачитать вслух?

– Читай вслух, сынок, – торопливо сказала Люцина, – а то мои очки где-то потерялись.

– А что, Тереза снова убирала? – невольно вырвалось у меня.

– Тихо! – зашипела Тереза.

– Во имя отца и сына и святого духа, – торжественно начал Михал, и Тереза инстинктивно перекрестилась. – Я, нижеподписавшаяся София из Хмелевских Больницкая, будучи в здравом уме, но после долгой жизни, приближаясь из-за болезни к царству небесному, в присутствии благородного пана нотариуса Бартоломея Лагевки, настоящим сообщаю свою последнюю волю...

Ошеломлённо и безмолвно мы вслушивались в необычные фразы. Прабабка, царствие ей небесное, отписывала гигантское наследство потомкам своей старшей внучки, полностью забыв о своей дочери Катарине. Единственными потомками этой внучки были моя мама и две её сестры...

Добравшись до конца завещания, Михал Ольшевский одним духом прочитал ещё несколько документов, касающихся нашей семьи.

Наконец, он замолчал и посмотрел на нас гордым взглядом победителя. В комнате воцарилась звенящая тишина.

– Наконец-то Франек успокоится, – внезапно произнесла тётя Ядя. – Теперь хоть ясно, что он сторожит.

– Ничего не понимаю, – недовольно отозвалась моя мамуся. – Здесь убивают за прабабкины усадьбы? За эти мельницы?

– Скорее, из-за винокурни, – пробурчала Люцина.

– Подождите! – вдруг оживилась Тереза. – Из этого же явно следует, что это не мы должны что-то кому-то отдать, а нам, так? Ну скажите же, так или нет?

– Ну, так... Похоже, что так...

– И мы никому ничего не должны? Слава богу! А то мне это уже надоело!...

Михал Ольшевский сорвался с кресла.

– Как вы можете?! – крикнул он со смертельной обидой. – Какие ещё усадьбы, об усадьбах и речи не было!..

– Как это? Вы же сами читали нам завещание прабабки, – удивлённо перебила моя мамуся. – Зачем же убивать, если все национализировано...

– Да ведь не это важно! Черт с ними, с усадьбами и с винокурней! Вы что, совсем не слушали? Сундук!!!

– Какой сундук? – заинтересовалась Люцина.

Михал Ольшевский отчаянно застонал, схватил завещание и заново зачитал фрагмент, касающийся окованного сундука, полученного Бартоломеем Лагевкой на хранение. В сундуке должны были лежать разные ценные вещи и пятнадцать тысяч рублей золотом.

– И что стало с этим сундуком? – спросила моя мамуся.

– Давным-давно сгинул, – убеждённо ответила Люцина. С того времени прошли две мировые войны...

– И одна революция, – ехидно подсказала я.

– Две революции, – нервно поправил Михал. – Какая разница? Это не имеет значения...

– Сынок, опомнись, – с жалостью произнесла Люцина. – Что могло сохраниться за две войны и две революции! Давно все разворовали!

Михал Ольшевский разволновался настолько, что начал глотать части предложений и даже слов:

– Во-первых, нота... В тридцать ...вятом... году! – кричал он. – Лежало, как и лежит! Согласно во... во-вторых! Вот так! Я знаю! Ни на каких рынках! Не было!...

– Дайте ему воды, а то у него судороги начнутся, – забеспокоилась Тереза.

– Зачем вы его расстраиваете, – упрекнула их тётя Ядя. – Дайте ему договорить. Пусть он расскажет все, что знает.

– Ну ладно, пусть скажет, – согласилась Люцина. – Я во все это вообще не верю, но пусть будет так, как он хочет.

Михал Ольшевский, пытаясь обрести дар речи, вытягивал из сундука и разбрасывал по столу документы. Он схватил стакан Терезы с остатками чая и залпом выпил. Поперхнулся, отдышался, собрался, разложил бумаги в нужном порядке и вновь приступил к объяснениям, пытаясь подавить охватившее его волнение.

Из повторно прочитанных бумаг неумолимо следовало, что таинственный сундук две революции и одну войну выдержал. Оставался вопрос второй войны. Михал Ольшевский упёрся, что сундук должен был выдержать и вторую, поскольку ни один из содержавшихся в нем предметов никогда не увидел дневного света. Ни один из них никто не продавал и не покупал. Ни один нигде не появился. Сундук должен где-то лежать нетронутым и все тут!

– Что это вообще за предметы? – раздражённо спросила Тереза.

– Ну, наконец-то! – победно выкрикнул Михал. – Наконец-то! Сейчас вы убедитесь...

Он схватил очередную бумажку очень большого формата, частично порванную и будто изъеденную молью.

– Монет золотых и серебряных разных, две тысячи штук, в том числе византийских, давно не используемых, – довольно объявил он. – Это нумизматическая коллекция высшего класса!.. Вот, пожалуйста... Подсвечник золотой, семирожковый, весом в пуд с четвертью, украшенный камнями и зеленой жемчужиной грушевидной формы в основании, выкупленный триста лет назад у рода неких Ожинов, добытый во время крестовых походов, одна штука... С зеленой жемчужиной, обратите внимание. Такие подсвечники есть, но как раз с зеленой жемчужиной ни одного... Кубков серебряных, изготовленных по заказу графов Лепежинских при жизни короля Батора, с оленями, на ножке в форме рогов, три штуки... Сервиз серебряный, на пятьдесят

восемь персон, исполненный краковским ювелиром в 1398 году от Рождества Христова, со сценами охоты... Шкатулка для драгоценностей из чистого золота, в итальянском стиле, с искусной резьбой...

– Он с ума сошёл? – удивилась Люцина. – Сынок, ты что читаешь?

– Изготовленная для короля Зигмунта Августа, – продолжал по инерции Михал, – украшенная кораллом, купленная у князей Радзивиллов. Старинный головной убор, выполненный из трехсот жемчужин...

– Что вы читаете, – подозрительно прервала его Тереза. – Это должно быть в сундуке?

– Наверное, это описание какого-то древнего клада, – неуверенно предположила тётя Ядя.

– Ничего подобного! – энергично запротестовал Михал. – Это как раз то, что вы наследуете! Предметы, оставленные внучке пани Софией Больницкой! Содержимое этого сундука!

– Чепуха! – презрительно провозгласила Люцина. – Полный вздор! Головной убор из трехсот жемчужин!.. Идиотизм. В этой семье никогда ничего подобного не было.

– Откуда вы знаете? Это все спрятано!

– Да где там, – скептически произнесла моя мамуся. – Наша семья никогда не была такой богатой.

Мне стало нравиться происходящее. До сих пор я слушала в некотором оцепенении, пытаясь разгадать причины, по которым этот чужой парень так горячится. Теперь все прошло, я поняла интерес Михала Ольшевского, как-никак искусствоведа.

– Замолчите! – решительно вмешалась я. – Меня лично все происходящее и не касается, чтобы что-то получить, мне придётся убить вас троих, но я интересуюсь старинными вещами. Покажите ещё раз эти бумаги!

– Ну, наконец-то! – облегчённо вздохнул Михал.

– А я в эти бредни не верю, – уведомила нас Тереза.

Повторно просмотрев при помощи Михала все документы, я стала на что-то надеяться. Из них следовало, что не столько семья, сколько прабабка обогатилась, как-то внезапно и без видимых последствий. Наследство от графини, наследство от родственника, приданное

прабабки... Все, что было, она запихала в сундук, благодаря чему все это не растрянжирено...

– Дурочки, – сказала я без всякого уважения. – Конечно, семья была не богатой, от самой прабабки осталось какое-то барахло...

– Баччиарелли! – выкрикнул с обидой Михал.

– А что такое один Баччиарелли по сравнению со всем остальным! Пара каких-то мелочей, а все остальное – это побочные наследства, которые прабабка вообще не трогала. Кроме того, усадьбы и мельницы были настоящими. Франек их помнит. Вас никогда не удивляло, что прабабка ничего не получила от предков?

– У неё ничего не было, потому что не было у предков, – гордо ответила моя мамуся.

– Значит, усадьбы Франек выдумал? Я всегда думала, что кроется за этой каретой...

– Какой каретой? – неуверенно прервала Тереза.

– Все знают, что прабабка смылась от прадеда и потом была привезена в Тоньчу в карете с четвёркой коней. Так откуда карета? Из этой нищеты? По-моему, что-то в этом есть, раз у матери прабабки была карета с четвёркой коней, а у прабабки эта халупа в Тоньчи...

– Бабку лишили наследства, – неуверенно объяснила моя мамуся.

– То-то и оно. А с имуществом предков что стало? И с её приданым? Карета была, а приданого не было?

– Она очень мудро рассуждает, – похвалила меня тётя Ядя.

– Кажется, что всего этого много только потому, что прабабка все хорошо спрятала. Подумайте, что бы произошло, если бы прабабка получила своё наследство вовремя, что бы от него осталось? Прадед докупил бы земли, построил большой дом, может, расстарался бы о карете, а потом все разошлось бы по девяти детям. Ещё до первой мировой войны стало бы расходиться...

Агитация мне удалась, Михал Ольшевский одобрительно кивал головой, моя мамуся и Тереза начали сомневаться, но Люцина была непоколебима.

– Триста жемчужин! – презрительно фыркнула она. – Как же!..

– Дались тебе эти триста жемчужин! – разозлилась на неё Тереза. – Триста жемчужин да триста жемчужин! Ты там больше ничего не заметила?

– Золотая шкатулка с резьбой в итальянском стиле! – вспомнила Люцина с ещё большим пренебрежением. – Византийский подсвечник! Фи!..

– Бокал венецианского стекла, украшенный резьбой и оправленный в золото, – дерзко напомнил Михал.

– Такой, как Любомирский разбил о свою голову, – добавили я. – Хотела бы я увидеть нечто подобное...

– Увидишь! – сварливо фыркнула Люцина. – Ухо от селёдки!

Тётя Ядя опять попробовала вмешаться:

– Да подождите же, пусть он расскажет все до конца. Почему вы считаете, что это ещё никто не украл? Откуда вы это знаете?

Михал благодарно посмотрел на неё и подождал, пока другие перестанут ссориться.

– Сейчас я все объясню, – сказал он поспешно. – Как я сказал – я искусствовед. Десять... нет, пятнадцать лет я интересуюсь антиквариатом, исследовал, осматривал... Потом все каникулы я проводил за границей, наработался как вол, но не в том дело... Я осмотрел все музеи, все доступные частные коллекции, собирал все сведения об аукционах, распродажах, наследствах, сейчас я в состоянии рассказать вам, где что находится по всему миру. А лучше всего я знаю, что было в Польше, что украли и вывезли, что Потоцкий проиграл в 1909 году в Монте-Карло...

– И что он проиграл? – вдруг заинтересовалась моя мамуся.

– Серебряную упряжь для коня в стиле барокко, украшенную бирюзой и жемчугом. Упряжь и седло. Это он и оставил.

– Он поехал в Монте-Карло с упряжью в стиле барокко? – недоверчиво поинтересовалась Тереза.

– Ради бога! Он её оставил дома, а деньги ему дал один французский торговец, который давно поджидал удобного случая. Месяцем позже все перешло в собственность одного английского коллекционера. Подобную информацию я собираю много лет...

– Ну, хорошо, – остановила его Люцина. – А какое это имеет отношение к делу? К сундуку нашей прабабки?

– Я же рассказываю. Я знаю судьбу всех шедевров по всей Европе и большей части во всем мире. И могу сказать...

Михал остановился. Он посмотрел на нас, поднялся с кресла, немного помолчал и наконец очень торжественно закончил:

– Пожалуйста... Со всей ответственностью я могу вам сказать, что ни один из упомянутых предметов нигде не появлялся. Совсем нигде. И никогда. Никто о них даже не упоминал. А означать это может только одно... Это может означать только то, что ни у кого этого нет. Все эти сокровища до сих пор лежат в сундуке, как и много лет назад. В целостности и сохранности!...

Мы смотрели на него заворожённо и несколько туповато, смысл его слов доходил до нас постепенно, с некоторым сопротивлением. Если он говорил правду... Если не преувеличивал своих знаний... Действительно, существовала возможность, что наследство прабабки, в отличном состоянии, до сих пор лежало где-то в безопасном месте и ожидало наследников...

– Ну, знаете... – возбуждённо прошептала тётя Ядя.

Люцина очнулась первой.

– Где там! – скептически фыркнула она. – Дудки! Может оно и лежит целое, но мы этого не получим, это точно. И вообще, вздор!

– Почему?! – обиделся Михал. – Я же сказал!..

– Ну и что, что ты сказал, сынок, можешь говорить все, что хочешь. Подумайте, мы бы от этого разбогатели?

– Конечно! – воодушевлённо подтвердила моя мамуся.

– А вот и нет. Наша семья не может разбогатеть. Мало было случаев? И что? Кто-нибудь разбогател?

Я тоже очнулась. Люцина была права, над моей семьёй висел какой-то злой рок, который сводил на нет все попытки получения материальных благ.

– Действительно, – неохотно призналась я. – Каждый делал что мог, чтобы, упаси бог, чего-нибудь не получить. Я уже не говорю, что мы все своё барахло, по примеру других, перед самым восстанием перевезли в Варшаву и запихнули в дом бабки, а в этот дом как раз попала первая бомба. Но, насколько я знаю, мой папаша продал сад как раз тогда, когда начали обогащаться зеленщики, не вспоминаю о довоенных долларах, от которых он избавился при оккупации, потому что думал, что они не понадобятся. Кажется, и раньше что-то было...

– Конечно, – подхватила Люцина. – Твой дед продал землю под Варшавой, одиннадцать гектаров, а на следующий день твоя бабка купила на эти деньги коробку спичек...

– Ничего подобного, – воспротивилась моя мамуся. – Вовсе и не коробку спичек, а петуха. Из этого петуха получился бульон.

– Она действительно купила петуха за одиннадцать гектаров? – заинтересовалась тётя Ядя.

– Действительно. Была инфляция – этот петух как раз столько и стоил.

– Боже мой! – испуганно сказал Михал Ольшевский. – Но это было раньше! Может, уже прошло?..

– Сомневаюсь, – холодно произнесла Тереза. – Моя средняя сестра уже после войны выбросила в Вислу два колечка из чистого золота...

– А моя мамуся выбросила на свалку корсет, в который бабушка зашила золотые рубли, – дополнила я. – Но подождите, может, он и прав. Хотя, кто знает? Тереза ещё не довела Тадеуша до банкротства...

– Зато я уговорила его купить акции золотых приисков, – с горечью пробурчала Тереза.

– Ну и что?

– Ничего. Они у нас есть. Стоят шесть долларов.

– А за сколько купили?

– За четыреста...

– Только не пытайтесь их продавать, – предостерегла Люцина, – на следующий день окажется, что там нашли уран...

Нарисованный Михалом Ольшевским образ сундука, мне очень понравился, и я не собиралась от него отказываться. Поэтому я решила добавить в семью немного оптимизма.

– Подождите! А может, это предзнаменование? У одной только прабабки было немного здравого смысла, она предвидела эти семейные сложности, и, чтобы не растрять эти богатства, хорошо их спрятала. Может, в конце концов, у нас ничего и не получится, но разыскать их надо. Подумайте, если мы теперь плюнем на этот сундук, это будет классический пример делать все наоборот, любой нормальный человек стал бы искать, даже если бы ничего не было...

– А я говорю, что есть! – крикнул Михал Ольшевский.

– Есть или нет, а поискать надо. Может, это проклятие уже немного ослабло...

– Она права, – горячо поддержала меня тётя Ядя.

– И-и-и-и-и... – сказала Люцина.

Михал очень нервничал и все время то вставал, то садился. Теперь он опять сорвался с кресла.

– Здесь дело уже не в проклятии! – выкрикнул он с запалом. – Извините, но это было бы преступлением!... Преступлением перед национальной культурой!... В нашей стране и в нашем положении, такой случай выпадает раз в столетие!... Было бы преступлением, даже не попробовать найти такие шедевры.

* * *

Последней сдалась Люцина, упорно отказывающаяся поверить в триста жемчужин. Она вдруг вспомнила, что слышала о каком-то лакее Радзивиллов, хотя это мог быть и гайдук, который оказался фигурой достаточно сенсационной, то ли любовником жены одного из Радзивиллов, то ли злодеем, точно было не ясно, поскольку происходило все очень давно. Рассказывал про все садовник князя, получавший от прабабки рассаду. Во всяком случае, этот лакей-гайдук мог украсть золотую шкатулку или получить её от изменницы-княгини в подарок. Какой-то скандал с этим лакеем все-таки возник, после чего причина скандала была уволена с работы, там не держали ни злодеев, ни любовников. Позднее он мог продать добычу за полцены или пропить её. А возможно, он украл и продал и кое-что ещё. Например, этот головной убор из трехсот жемчужин, ведь моду на жемчуг ввела Барбара Радзивилл...

Конфликт в роду Радзивиллов убедил Люцину окончательно, она перестала упрямиться.

Место укрытия драгоценного сундука не оставляло сомнений. Он должен был находиться в пределах собственности Франека, о чем явно свидетельствовали слова его отца.

– Отец говорил, что здесь, – рассудительно, с облегчением, но в то же время озабоченно заметил Франек. – Он говорил: «Здесь, здесь», что он имел ввиду? Не национализированные же усадьбы!

– Хорошо. Здесь, но где? – нетерпеливо сказала Тереза.

– Это спрятано давно, – напомнил Михал Ольшевский, для которого деревня Воля стала излюбленным местом времяпровождения. – Нотариусу помогал Франтишек Влукневский,

человек, как здесь написано, исключительной порядочности, нотариус ему доверял. Действительно, все указывает на то, что здесь...

– Кроме того, здесь все и ищут, – ехидно заметила я. – Заинтересованные потомки валят табунами...

– О, боже, мы уже знаем, что здесь, но где?! – застонала Люцина.

На этот вопрос никто ответить не смог. Раскопанный колодец оказался пустым. Вопреки утверждению моей мамуси, что в старом подвале ничего нет, все настойчивее стала появляться идея разобрать развалины. Зброшенная, лежащая в отдалении куча камней так и просилась что-нибудь под неё спрятать. В любом случае, в подвал стоило заглянуть. Расчистить вход, посветить лампой, проверить кирпичи и штукатурку...

Для работ по расчистке мы созрели за один день, после чего стали разбираться с подключением к делу милиции. Получилось, что привлечь её не получится, не из-за налога на наследство, а из-за Франека. Именно его когда-то назначили охранять сокровища, теперь он оказывался в двусмысленном положении. Он не мог доказать, что до сих пор не имел ни малейшего понятия о сокровищах, его бы начали подозревать. У милиции временами возникают очень странные идеи.

Франек был от души благодарен нам за принятое решение, хотя мужественно и благородно готов был уведомить власти самостоятельно. Он с воодушевлением выдал разрешение перекопать всю свою собственность и вызвался принимать участие, забросив уборку. В этот раз на работу нас вывела не моя мамуся, а Тереза, смертельно обидевшаяся на Михала за предположение, будто она хочет вывезти часть наследства в Канаду. Она решительно возразила и объяснила, что заботится о своей чести и будет искать до последнего, исключительно для обогащения своих сестёр и польской Родины. Она первой отправилась на покорение развалин, которые, по неизвестным причинам, понравились ей намного больше, чем колодец.

Кучу перед входом в развалины нам удалось растащить за один день, и вечером все беззаботно отправились спать. Утром оказалось, что все засыпано камнями, которые столкнули сверху.

Это стало невыносимо. Разъярённый Ендрек уведомил нас, что больше не выдержит и подкараулит негодяя с вилами. Если бы не воспоминание об упыриной роже Больницкого, которое напрочь

отбивало все мысли о непосредственных контактах с противником, я бы и сама с чем-нибудь затаилась, хоть со сковородкой. Ситуация становилась слишком сложной, запутанной и напоминала всеобщее помешательство. Завал был явным доказательством деятельности упрямого убийцы, который никого не грохнул только потому, что рядом никого не было. Сторожить было слишком рискованно, а без охраны труд становился просто сизифовым. Отказ от услуг милиции в данной ситуации казался просто идиотизмом, а подключение её усложняло положение Франека. Интенсивный труд преступника позволял надеяться, что мы близки к успеху. Тем более необходимо было что-то делать, чтобы преступник не успел больше нас. Однажды он мог поступить наоборот, и вместо того, чтобы уничтожить плоды нашего труда, использовать их и докопаться до сундука. Никто не сомневался, что эта отвратительная личность рассчитывает на то же сокровище, что и мы, зная о нем побольше нашего, это был единственный вопрос, с которым все согласились. Все остальное оставалось клубком противоречий.

От ночных дежурств нам удалось отговорить сначала Ендрека, потом Михала и мою мамусю. Люцине пришло в голову поставить на охрану заменитель, нечто среднее между пугалом для воробьёв и магазинным манекеном. Мысль показалась нам чудесной, был шанс дезориентировать преступника. Он забеспокоится, возможно испугается и решит подождать, или будет долго сомневаться и за всю ночь ничего не сделает. Вместе с тётёй Ядей, из старой одежды Франека, большого количества сена и некрупной дыни, которая должна была изображать лицо, маячащее во мраке, мы сделали замечательную куклу. Чтобы нашему детищу было что сторожить, пришлось заново освободить вход.

Последствия обмана были неожиданно страшными. Примчавшись утром за хлев, мы увидели несчастную куклу в жалком состоянии. Разорванное туловище и разбитая о камни дыня явно указывали, что виновник происшедшего измывался над своей жертвой, разозлённый совершенной ошибкой. Самое удивительное, что порванные тряпки произвели на всех гораздо большее впечатление, чем настоящий труп. Воображение нашло себе пищу, и всей семьёй овладел страх, будто только теперь незримое присутствие преступника и связанные с ним опасности были восприняты сознанием. Два законченных

преступления и одно незавершённое были ничем, разбитая дыня, выпотрошенное сено и рваные штаны – вызвали почти истерическую панику.

Утешало одно – вход в подвал был засыпан неполностью. По-видимому, бандита удалось обмануть, он долго ждал, прячась от куклы, а потом разъярился и занялся мстью. На земляные работы времени уже не хватило. Идея, приведшая к столь потрясающим последствиям, оказалась хорошей, но только на один раз.

– Ну, теперь не дай бог попасться ему в лапы! – вздохнул Франек, с грустью разглядывая оторванный от пиджака рукав.

– Слушайте, может это кто-то знакомый? – забеспокоилась тётя Ядя. – Пистолет совсем не лает. То есть лает, но как-то добродушно и всегда одинаково.

– Этому псу все село знакомо, – пожаловался Ендрек.

– И хорошо, что не лает, а то он отравит собаку, – испугалась я.

– Дура, пса тебе жалко, а то, что он людей убивает, ничего? – возмутилась Тереза.

– Собаку-то мы знаем... – пробормотала Люцина.

– На этот раз он убил только дыню, – одновременно с ней напомнила я. – Не путай...

– В любом случае, надо что-то делать, – энергично вмешался Михал Ольшевский. Он опёрся на свою любимую алебарду, которую притарабанил из музея, спровоцированный упоминанием Ендрека о вилах. – Теперь понадобится что-то другое, второй раз он на дыню не клюнет. Будем думать во время работы!

Изучение входа в подвалы и рассуждения на тему новых методов борьбы с работающим убийцей прервал Марек. Он привёз новости, которыми желал поделиться со всей семьёй, чем вызвал большое оживление. Не часто он добровольно, как бы на пол пути, расставался с информацией. Отказ от привычек он подкрепил ещё и категорическим отказом говорить на свежем воздухе, где мог подслушать кто-нибудь посторонний. Он согласился на кухню Франека, где хоть и было очень жарко, но без труда могли поместиться все родственники. После небольшой ссоры на тему открытого окна, мы решили его не закрывать, обязав Ендрека стоять на страже и проверять, не крадётся ли кто по двору. После такой прелюдии разгоревшийся интерес сильно повысил температуру в помещении.

Марек с каменным спокойствием подождал, пока все замолчат, после чего ещё некоторое время прислушивался. Родственники напряжённо затихли. Одна из куриц, снеся яйцо, с оглушительным кудахтаньем выскочила из курятника. Марек перестал прислушиваться.

– Больницкий был настоящим, – внезапно сказал он, как будто стоял и ждал этой курицы. – У него был какой-то мужчина, судя по описанию, облизанный Никсон. Он наговорил ему черт знает чего про древний семейный клад. Больницкий не очень поверил, но заинтересовался. После разговора с Никсоном он приехал сюда посмотреть, и кто-то столкнул его в колодец. Теперь он не хочет иметь со всем этим ничего общего, хотя облизанный Никсон очень настаивал на сотрудничестве. Имени Никсона он не знает, и кто он такой, не имеет понятия. Так звучит официальная версия.

– Превосходно, – немедленно отреагировала я, – а как звучит неофициальная?

– Так значит, это облизанный Никсон убивает? – спросила моя мамуся.

– Откуда он, черт побери, узнал?! – занервничал Михал Ольшевский. – Как это могло разойтись? Он не сказал, откуда?..

– А не этот ли Никсон столкнул его в колодец? – заподозрила Тереза.

– Тихо! – крикнула Люцина. – Заткнитесь и дайте ему договорить! Вы же видите, что он ещё не все сказал!

Марек начал с конца.

Больницкий не знает, кто его столкнул. Допускает, что Никсон, но не уверен. Никсон про колодец ничего не говорил, а только просил все посмотреть. Больницкий досок с колодца не снимал, когда он появился, колодец был открыт и он туда чуть не свалился...

– Так свалился же, – поправила Люцина.

– Тихо!!! – цыкнула на неё Тереза.

– Он пришёл, осветил фонариком и заглянул вниз, тут его что-то и толкнуло. Никсон не говорил, откуда он знает про сокровища, и свой интерес объяснял очень нечётко. Я сомневаюсь, что убивает он, потому что до сегодняшней ночи его тут не было...

– Так сегодня никого и не убили, – удивилась моя мамуся.

– Куклу убили, – опять поправила Люцина. – Он прав, наверняка тот же самый...

– Тихо, – не выдержав, крикнула я. – Бросай эту ерунду и говори, как выглядит неофициальная версия, я чувствую, что здесь собака и зарыта!

Марек посмотрел на Ендрека. Ендрек, уставившийся на нас, нервно вздрогнул и тут же высунулся в окно. Он пробежал взглядом по небу и земле и успокаивающе кивнул.

– Спокойно, ни души...

– По неофициальной версии, Больницкий о старом кладе слышал. Случайно. Он помнит своего деда, который когда-то жаловался на несправедливый раздел имущества в семье. Его отец, то есть прадед этого Больницкого, чего-то там не получил. Это что-то не получил никто, потому что все было спрятано неизвестно где, и кто-то это сторожил. Отец деда был обижен, дед тоже обижался, причём разговоры о сокровищах ясности в дело не вносили. Точно было известно, что находятся они в безопасном месте, в котором должны пролежать ещё сто лет, другой раз, также точно, было ясно, что их кто-то украл. В рассказах деда мелькало одно имя, будто бы главного врага, которое Больницкий вспомнил с большим трудом, поскольку в детстве не обращал на эти разговоры внимания, считая их склеротическим бредом. Сокровища прятали как раз от главного врага, которого звали... Ну, отгадайте!

– Menüшко! – ни на секунду не задумываясь выкрикнула Люцина.

Марек утвердительно кивнул.

– Действительно, Menüшко. Произошёл какой-то конфликт между Menüшко и семьёй Больницких...

– Абсолютно бессмысленно, – критически прервала Тереза. – Все поперекручено. То прабабка, то Больницкий, во что нам теперь верить?

– Вот именно. По-моему, здесь он врёт, – недовольно заметила моя мама.

– А вот и не вру. Я просто повторяю вам все, что знал Больницкий. Такую версию событий он восстановил после визита Никсона, а до этого вообще ничего не помнил. Он считал это пустой болтовнёй и не забивал ею голову. Теперь, после визита в колодец, он,

тем более, не желает ввязываться в идиотскую войну за сокровища, которых, как он думает, давным-давно нет.

– А он не притворяется? – неуверенно спросила я. – Этот Никсон может его и уговорить...

– Скорее всего нет. Вчера он отправился отдыхать в Болгарию. Я видел.

– Больницкий или Никсон?

– Больницкий, с рукой в гипсе.

– А из разговоров в его семье не ясно, где спрятаны сокровища? – с надеждой поинтересовался Михал Ольшевский. – Не было ли каких-нибудь слухов относительно места?

– Относительно места, мы давно знаем, что здесь, – выдавила из себя Тереза. – Могли бы в конце-концов пошевелить своими кочерыжками и решить, где искать.

– А ты своей кочерыжкой пошевелить не можешь? – обиделась моя мамуся.

– Я самая молодая и прабабку не помню.

– Ишь, хитрая! – фыркнула Люцина. – Ты знаешь то же, что и мы. Прабабку никто из нас не знал!

– Да. Но, по-моему, нам нужна именно эта прабабка, – озабоченно сказала тётя Ядя. – Это она придумала, куда спрятать сундук? Вы её правнучки, могли бы думать точно также...

Михал Ольшевский горячо её поддержал, напомнив, что единственный путь к сокровищам – тщательный анализ гипотетических мыслей завещательницы и её нотариуса. Несмотря на массу усилий и прямое происхождение от завещательницы, анализ не удавался. Что могло прийти в голову покойной прабабке, оставалось загадкой. К счастью, существовало только три возможности.

– Это можно было спрятать в склепе на кладбище, если бы он у нас был, – уныло сказала я. – Раз склепа нету, может быть в гробу...

– В этих развалинах, – живо вмешалась Люцина. – Нормальный человек спрятал бы в развалинах. Лежат они себе нетронутые столько лет, и никто ими не интересуется.

– А мне показалось, что все ими интересуются, – заметила моя мамуся. – Но в имении прабабки, я уверена, тоже был колодец. Не могло не быть.

– Он тебя не убьёт, я это сама сделаю, – диким голосом прорычала Тереза. – Если ты ещё раз вспомнишь про какой-нибудь колодец!..

– В имении прабабки мог быть и склеп, – поспешно вмешалась тётя Ядя. – Может, сначала следует заглянуть в него?...

– Но это лежит здесь, а не там! – запротестовала Люцина.

– Значит, вы думаете, что все спрятано либо в склепе, либо в этих развалинах, либо в каком-то из колодцев, – подвёл итог Франек. – Возможно вы и правы. Прятал то наш дед, а он был хитрый. Все зависит от того, спешил он или нет.

– Да? – оживлённо подхватила Люцина. – А у него было достаточно времени?

– Не знаю. Меня при этом не было.

– Предположим, что не очень много, – предложил Марек.

Михал взглянул на него и нахмурил брови.

– Он был уже старым, этот нотариус, – сказал он медленно. – Пани Больницкая умерла и он остался с этим сундуком, Франтишеком Влукневским и Менюшко...

– С Менюшко!.. – вырвалось у Люцины.

– Завещание его клиентки и записку разделяют два года, – продолжал Михал. – Всего два года... Его сын уже ничего не прятал и не переносил, значит, все было сделано за эти два года...

Люцина беспокойно заёрзала.

– Обращаю ваше внимание на Менюшко... – напомнила она сладким голосом.

– Он по полю мчался... – с нескрываемым отвращением фыркнула Тереза. – Можно узнать, что это даёт, даже если он действительно мчался?

Михал Ольшевский упорно гнул свою линию:

– Этот Менюшко мог быть опасен. Может, он был жадным? Может, пришлось прятать быстро, чтобы он ничего не увидел?.. Из того, что вы рассказывали, следует, что с ним было что-то не в порядке. Его потомок тут крутился...

– Тепло, тепло... – одобрил Марек.

– Так его же грохнули в болоте. О чем можно говорить? – удивилась моя мамуся.

Я перестала их слушать. Передо мной возникла картина давно минувших дней: незнакомое мне имение прабабки, которого я в глаза

не видела. Пасмурной ночью, в темноте, двое заняты погрузкой на телегу огромного тяжёлого сундука... И третий человек, скрывающийся за деревьями и кустами, подглядывающий жадными глазами... Я увидела, как эти двое обменялись какими-то жестами, шёпотом посоветовались, поглядывая в сторону третьего, хлестнули четвёрку коней и скрылись во мраке... Третий немного подождал, отвязал от дерева коня, запрыгнул в седло и отправился за ними...

– На их месте я притворилась бы, что прячу все в подвале нотариуса, – сказала я по инерции. – А потом, избавившись от Менюшко, не будет же он вместе с конём жить возле этого подвала, перевезла все в другое место. Лучше всего в дом Франтишека Влукневского и здесь, быстро-быстро где-то спрятала, пока Менюшко не видит... Конечно, быстрее всего в колодец. Раз, и никаких следов...

Родственники молча уставились на меня, будто я внезапно сошла с ума. Люцина вдруг поняла и понимающе кивнула.

– Но Менюшко увидел, – зловеще продолжила она. – Он понял, что это здесь, только насчёт колодца не был уверен. Он искал свежевскопанную землю, следы в подвале или на кладбище...

– Но использование колодца не оставило никаких следов! – взволнованно подхватил Михал Ольшевский. – Никаким другим способом, так быстро не замаскируешь!...

В кухне Франека вдруг стало тихо. Все молча разглядывали меня, Люцину и Михала.

– Ну вот, я же говорила, что в колодце, – вдруг раздался довольный голос моей мамуси.

Я вдруг напала на Марека.

– А ты что скажешь? Чего ты молчишь! По-моему, ты что-то знаешь!

– Может и знаю, – сознался Марек и опять посмотрел на Ендрека, который, вспомнив, что находится на посту, чуть не вывалился в окно. – Это именно то, о чем я хотел рассказать, чтобы вы могли додуматься до остального. Я слышал и читал, что в церквях, в ризницах, кое-что хранится. Это зависит от священника или смотрителя, был ли в церкви пожар, была ли возможность что-нибудь спрятать... В основном прятали приходские книги, но иногда и другие записи.

– Он уже сказал, что хотел? – неуверенно спросила Тереза, потому что Марек внезапно остановился.

– Ещё нет, но скажет. Не бойся, – успокоила её я. – Уж я прослежу.

– И что вы узнали? – жадно спросил Михал.

– Это было очень романтично, – произнёс Марек, решив поиздеваться над родственниками. – Давным-давно, много лет тому назад, тёмной ненастной ночью к церкви подкатила телега, запряжённая четвёркой взмыленных коней...

– К местной церкви? – перебила Люцина.

– К местной. Из церкви вышел священник, освятил груз в телеге, после чего визитёры умчались. В телеге сидели двое. Одним из них был знакомый священнику Франтишек Влукневский, который пожертвовал церкви двести рублей золотом. Если бы не эти двести рублей, священник бы это событие не записал. Во-всяком случае, все происходило в страшной спешке...

– Вот-вот! – вскрикнула я, очень довольная собой. – Тоже самое привиделось мне только что! Наверняка – у меня дар ясновидения...

Как можно быстрее я описала родственникам эту драматическую сцену в имении прабабки. Спешка. Хищно поджидающий Менюшко. Телега. Четвёрка коней. Все сходилось. Даже погоду я угадала – ненастная тёмная ночь...

– Ну, вот, теперь у нас есть своя Пифия, – с издёвкой сказала Люцина. – Надо посадить её на треножник и слегка окурить, а она сразу отгадает все остальное.

– Из этого следует, что она больше всех похожа на прабабку, а мы в расчёт не идём, – с лёгкой обидой отметила Тереза.

– Конечно, похожа, ты раньше не замечала? Не знаю, как на прабабку, но бабка – вылитая. У неё такое же набожное отношение к домашнему хозяйству...

Возбуждённый Михал Ольшевский остановил сравнение моего и бабкиного характеров. Он подвёл итоги, из которых следовало, что подходит только колодец. Замуровывание требует много времени, свежая кладка всегда заметна, яма копается тоже не быстро, и тоже оставляет следы. В колодец бросить легче всего, а вот достать – наоборот...

Правда, они могли подготовить какой-нибудь погреб, – закончил он. – Такой, как для картошки. А сверху чем-нибудь быстро

забросать...

– Я удивлён, что об этом говорите вы – историк. – Огорчился Марек. – Кто-кто, а вы должны знать, что освящённые предметы никогда не закапываются в землю. Вы все должны это знать. Поэтому я и решил вам рассказать об освящении у церкви.

– Значит, колодец! Я уже давно говорила! – не выдержала моя мамуся. – Я вообще не понимаю, чего вы ещё ждёте!...

Таким образом, было принято решение раскапывать следующий колодец. По воспоминаниям Франека мы подсчитали даты засыпки колодцев и выяснили, что первый мы раскапывали зря. Прадед засыпал его тогда, когда об укрытии сокровищ ещё не могло быть и речи. Второй колодец должен был быть тем самым.

Понятно, что главной проблемой была защита от злодея. Ендрек торжественно поклялся, что если кто-нибудь сбросит обратно то, что он выкопает, его или хватит удар, или в приступе бешенства он отправится бить морды всем мужикам в деревне. Этому тоже надо было воспрепятствовать. Франек вновь предложил непрерывную работу, пусть даже на всю ночь, но не в темноте, а при хорошем освещении. Я скупила весь запас удлинителей и лампочек в округе. При монтаже иллюминации, Ендрек с Михалом трижды устроили короткое замыкание, причём, один раз, умудрились погрузить во тьму всю деревню. Моя мамуся не расставалась с граблями, разбрасывая повсюду серенький песочек и преследуя каждого, кто легкомысленно оставлял следы на охраняемой территории. Михал Ольшевский установил свою алебарду на сеновале Франека, поскольку разъезжать с ней в автобусе было не очень удобно.

Марек участия в подготовке не принимал. Наделив нас необходимой информацией, он исчез, объявив, что должен уладить несколько срочных дел. На вопросы он отвечал уклончиво и нечётко, твёрдо обещая скоро вернуться.

После трех суток подготовки можно было приступить к основной работе. Ночь прошла так: Франек, Ендрек и воодушевлённый Михал раскапывали колодец. Причудливо развешанные лампы живописно освещали развалины и хлев, на границе с темнотой шастали женщины с фонариками. Представление под названием «свет и звук» удалось на славу. В качестве звука выступали: кваканье лягушек, собачий лай, громкое пыхтение занятых физическим трудом и переключка

охранниц. Темнота имеет одно специфическое свойство – в ней ничего не видно. После захода луны нас пугало абсолютно все. Время от времени кто-нибудь из охраны прибегал с известием, что за ней гонятся сорок разбойников. В воздухе разносился пронзительный шёпот. Моя мамуся упрямо твердила, что кто-то стоит за углом хлева. На отсутствие развлечений жаловаться было трудно.

Под утро выяснилась тщетность наших усилий. Узнать это снова выпало Ендреку, который издал со дна колодца такой могучий рёв, что, уверенный в успехе, к нему сбежался весь вспомогательный персонал. Убитым голосом Ендрек сообщил об обратном. Он докопался до дна, лежащие на дне остатки камней уже ничего не скрывали. Никаких сокровищ не было. Очередной колодец оказался пустым.

Разочарование было так велико, что все молчали. Мы постояли над ямой, ожидая покуда вылезет расстроенный Михал, которому лично захотелось ощутить утрату надежды. Он вылез молча, выражение его лица говорило само за себя. Мы направились к дому.

Люцина шла впереди. Дойдя до угла хлева, она вдруг стала, как вкопанная, и уставилась в землю. Подойдя поближе, мы сделали то же самое.

На аккуратно разровненном сереньком песочке отпечатались большие следы ног, ведущие сюда и обратно. У самого угла они были чуть-чуть смазаны.

– Вот, пожалуйста! – с глубоким удовлетворением сообщила моя мамуся. – А вы говорили, что мне являются призраки. Может, и здесь сидел призрак?

– Сидеть не сидел, – неуверенно поправил Ендрек. – Просто стоял и смотрел. Припёрся, постоял, посмотрел и ушёл.

Остальные молчали, со страхом всматриваясь в следы, потрясённые несомненным доказательством присутствия злодея. Он был здесь ночью, прятался за углом хлева и подглядывал за нами. Кто знает, может, он ждал подходящего момента для совершения нового преступления...

– А почему это он тебя не убил? – удивилась Люцина, обращаясь к старшей сестре. – Ты сторожила с этой стороны и была у него под рукой...

– И вовсе не под рукой, – обиделась моя мамуся. – Я сидела дальше, на пне, там где было светлее.

– И сюда не подходила?

– Что я, дура? Я все время знала, что здесь кто-то есть. Надо было ему подставиться? Какие вы все-таки тупые – мы могли подкрасться сзади и дать ему по башке. А теперь?..

– Бесцеремонный тип, – смертельно обидевшись произнесла Тереза.

Я потребовала у тёти Яди тщательно сфотографировать следы, после чего отправилась по ним. Следы шли до дороги, и там, в траве у кювета, терялись. В разных местах трава была примята, с неё была сбита роса, расшифровать, куда направился преступник, мне не удалось.

* * *

– Я боюсь, – пожаловалась Тереза за завтраком. – Вы ненормальные. Он все время нас поджидает. Все мы будем похожи на ту разбитую дыню.

– Только косточек будет поменьше, – заметила Люцина.

– На толпу он не нападает, – удовлетворённо произнёс Франек. – Сегодня он никого не убил. Главное, не попадаться ему поодиночке...

– Что меня удивляет, так то, что он зря нам мешает, – отозвался озабоченный Михал. – Он мешает, заваливает, а мы ничего не находим. Может, и он не знает, где это?

– Конечно, не знает. Если бы знал, давно бы украл.

– Боже, так где же искать?!..

– Нигде не искать! Вы что, окончательно спятили? Бежать отсюда надо, пусть он подавится этим наследством!..

Семья разделилась на два лагеря. Один, в лице Терезы и тёти Яди настаивал на спасении жизни, второй, состоящий из всех остальных, усиленно пытался отгадать место укрытия сокровищ, не вспоминая о грозящей опасности. Необходимость полной расчистки развалин ощущалась все яснее. В конце-концов, это был единственный оставшийся объект, на который можно было рассчитывать. В те времена дом Франека ещё не стоял, в коровнике жило довольно много людей, присутствие сундука в хлеву, на сеновале или в конюшне давно бы заметили. Лишь подвалы развалин оставались девственной

территорией. Но в те времена это были уже развалины, – горячо объяснял Михал, пытаясь подавить сопротивление моей мамуси. – Вовсе не обязательно было все замуровывать, достаточно было просто завалить кучей камней. Камни можно было подготовить заранее. И не обязательно в подвалах, можно в любом другом месте...

– Дети бы заметили, – засомневалась я. – Дети все замечают. Порылись бы в камнях и нашли.

– Это же дети, а не бульдозеры, – обиделась моя мамуся.

– Дети бы заметили, это факт, – согласился Франек. – Но дело в том, что там не было никаких камней. Я эти подвалы хорошо помню, они были пустые и держались неплохо, своды были такими, что все выдержали. Камни, своды, стены и ничего больше.

– Ты же сказал, что там не было никаких камней...

– Навалено не было. Никаких куч. Только стены и своды.

– Но мог быть и более низкий этаж, подzemелье. Опустить туда, прикрыть, хоть досками, набросать камней... Притоптать. Вы уверены, что там не было подzemелья?

Существования подzemелья Франек исключить не мог. Моя мамуся тоже заколебалась. Между захоронением сундука и её визитами в подвалы прошло столько времени, что даже насыпанные кучей камни успели бы слежаться. В возникшей ситуации развалины просто нахально обращали на себя внимание.

– Сделаем все сами, или наймём рабочих? – с ехидной доброжелательностью поинтересовалась Тереза.

– Лучше Марека, – предложила моя мамуся. – Он хоть трезвый...

Марек явился, как по заказу, как раз когда окончательно решили раскапывать развалины. С каменным спокойствием он прослушал все новости, немного подумал, после чего проявил желание осмотреть второй колодец. Когда он спускался вниз по лестнице, все склонились над ним.

Спускался он недолго. На уровне начала кладки, чуть ниже поверхности, он внимательно присмотрелся к стенке.

– А на это никто не обратил внимания? – спросил он сердито. – Глаза у вас есть?

Мы рухнули на колени возле колодца, пытаясь просунуть в него головы.

– Отодвиньтесь, а то ничего не видно, – сказал Марек и спустился ниже.

– Что там? – беспокойно спросила Тереза. – Что он там нашёл?

– Я ничего не вижу, – недовольно произнесла моя мамуся.

– Я забыла очки, – сказала Люцина. – Вы что-нибудь видите?

– Я забыла, куда он показывал, – с сожалением простонала тётя Ядя.

– Есть!!! – воскликнул Ендрек.

– Что есть? Где?

– А вот, – гордо сказал Ендрек и показал рукой на один из камней.

Наконец все это увидели. В камне была выбита небольшая стрелка, направленная вниз. Она не бросалась в глаза, но при некотором усилии её можно было заметить.

– Стрелка вниз, ну и что? – разочарованно скривилась моя мамуся. – Мы же все выгребли и ничего там не было...

Марек вылез на поверхность со странным выражением лица.

– Где все то, что вы отсюда выгребли? – сухо спросил он.

– Он слепой? – удивилась Тереза.

Ендрек, слегка растерявшись, показал на громадные кучи между двумя раскопанными колодцами. Там собралось все содержимое ямы, создав живописные холмы, которые было трудно не заметить. Марек посмотрел на них.

– Больше никуда не относили?

– В темноте? Конечно, нет!

– Боже мой! – испуганно прошептал Михал. – Мы что-то пропустили.

– Значит, просмотрите все ещё раз, – холодно ответил Марек. – Я с вами с ума сойду, вас ни на минуту нельзя оставить – сразу что-нибудь натворите! Столько людей, и никто не заметил стрелки. Ясно же видно, что она выбита несколько десятков лет назад!

– Не знаю, откуда нам знать, что несколько десятков, может сотен или совсем недавно, – сердито запротестовала Тереза.

– Так видно же! И корова заметит!

– Ни одна корова в колодец не заглядывала, – обиженно напомнила моя мамуся.

– Мы искали сундук, а не наскальную живопись, – сладко объяснила Люцина. – Кроме того, было темно...

– Зато теперь все видно. Делайте, что хотите, но придётся обыскать эти кучи. Упаси вас бог, что-нибудь сбросить в колодец, откладывая в сторону все, что не камень. А я, на всякий случай, ещё раз проверю эту яму...

Из обиженного оцепенения родственников вывел Михал Ольшевский, который первым, с диким энтузиазмом ринулся на каменные кучи. Через минуту его примеру последовали остатки провинившихся, несколько смущённые отсутствием информации о цели поисков. Кучи камней сменили место, переместившись ближе к полю, а возле хлева выросла гора самого разнообразного мусора. Тётя Ядя не выдержала, фотоаппарат сам выпрыгнул в руки. Тереза перестала ругаться – у неё иссякли силы, моя мамуся упрямо требовала определить цель поисков. Разгорячённым Михал бросил работу, съездил в музей, оформил себе служебную командировку в Волю и очень быстро вернулся. Марек очень тщательно обследовал внутренности колодца, после чего не выдержал и тоже принял участие в каторжном помешательстве.

Ближе к вечеру, разгребая гору отложенного в сторону мусора, он наткнулся на небольшую, плоскую, металлическую коробочку, старую, но достаточно хорошо сохранившуюся.

– По моему это, больше ничего не подходит, – сказал он задумавшись и обратился к Франеку. – У вас нигде нет маленького плоского ключика?

Франек вытер пот со лба и посмотрел на коробочку.

– Есть старый отцовский хлам, – ответил он неуверенно. – Я думаю, там может быть и ключик. Выбросить это я так и не собрался...

Он скрылся за коровником. Родственники оторвались от каторжной работы и уставились на коробочку. Михал ощупал её со всех сторон.

– Табакерка конца прошлого века, – рассудил он. – Иногда их запирали на ключ, но редко. Вы думаете?..

– Посмотрим. Могло случиться так, что война осложнила дело. В любой момент все могли погибнуть. Они могли передавать сообщение о сундуке устно, но в подобной ситуации могли что-то и оставить. Может, письменное сообщение... Отец Франека собирался сказать ему об этом перед смертью.

– Ну и сказал, – перебила Люцина, – что здесь...

– Вот именно. И что должно означать это «здесь»? Не сундук, а только сообщение. Он бросил коробку в сухой, засыпанный колодец и выбил на стене стрелку, которая должна попасться на глаза при первой же попытке раскопок...

– Значит она была возле поверхности? – заметила моя мамуся.

– Вот именно. Благодаря этому, теперь она оказалась почти на самом дне. Её можно было найти без всей этой работы.

– Черт побери, – уныло сказал Ендрек.

– Это чудо, что она вообще не пропала, – вздохнула тётя Ядя.

– Ещё не известно, в этой ли коробочке дело, – засомневалась Люцина.

При мысли о том, что коробочка окажется ненужной и придётся возобновить поиски, всем стало не по себе. Ендрек три раза сплюнул через левое плечо. Михал посмотрел на Люцину с болезненным упрёком. Моя мамуся внезапно вспомнила, что у неё есть желудок и схватилась за правый бок.

Франек вернулся с несколькими ключами. Один из них подошёл к заржавевшему замочку. Он повернулся в замке. Родственники затаили дыхание.

В коробочке лежал белый конверт, сложенный пополам и слегка пожелтевший от влаги. Все затаили дыхание и уставились на него. Марек подсунул конверт Михалу.

– Вынимайте осторожно, может рассыпаться...

Страшно бледный Михал вынул конверт как святыню и величайшей осторожностью развернул его. Он оказался заклеенным, а вообще держался неплохо. Адреса на нем не было.

– Я думаю, что это он, – пробормотал Франек после долгого всеобщего молчания. – Тот, который получил отец, и которого я потом нигде не мог найти...

– Я думаю, что мы простим его за это, – добродушно заметила Тереза. – Может, откроем?

– Лучше дома, – неуверенно ответил Михал.

– Лучше, лучше, – настаивала тётя Ядя. – Здесь опасно. Мне все время кажется, что этот бандит за нами подглядывает...

– Если он хоть немного соображает, то должен подглядывать за нами постоянно, – рассудила я.

– Пойдём! – заторопилась моя мамуся. – Не понятно, чего вы ждёте...

Это было похоже, как минимум, на процессию при коронации. Первым шёл Михал, держа конверт в раскрытых ладонях, словно корону на атласной подушке. За ним выступали Марек и Франек, как слуги или ассистенты. За ними толкались женщины, а замыкал процессию Ендрек, на всякий случай, с вилами в руках. Тётя Ядя, несмотря на страхи, не выдержала, отпрыгнула в сторону и сделала несколько снимков. Во дворе Михал споткнулся о Пистолета, который, гоняясь за кошкой, бросился ему под ноги. Михал уронил конверт и тут же на него наступил.

Все втиснулись в комнату на втором этаже. Помещения внизу казались нам недостаточно безопасными. Если бы у Франека была башня, несомненно, мы забрались бы и на неё.

Михал положил на стол притоптанный конверт, выбрал один из шести подсунутых ему инструментов – вязальную спицу номер 2, остановил дрожь в руках и осторожно вскрыл послание. Внутри оказался исписанный листик бумаги, появление которого было встречено вздохом облегчения, похожим на выпуск пара из паровоза. До последней минуты, все боялись, что конверт окажется пустым. Михал благоговейно расправил листок.

– Почерк последнего Лагевки! – проинформировал он осипшим от волнения голосом. – Боже мой!.. Слушайте: «Уважаемый друг! Перед лицом грозящей отовсюду смерти, я нарушаю данную отцу клятву и письменно оставляю известие, до сих пор передаваемое из поколения в поколение устно. В случае моей смерти, вы останетесь единственным распорядителем доверенного нам имущества. Оно лежит там, откуда вы на протяжении долгих лет черпали источник жизни, на самом дне. Документы скрыты в подвале дома, в котором я сейчас живу. Да даст нам бог пережить это страшное время.» Подпись. Болеслав Лагевка. И дата. Венгров, 1 октября 1939 года.

Михал опустил руку с листочком и обвёл нас загоревшимся взглядом. Мы в свою очередь уставились на него.

– Он чувствовал, бедняга... – жалобно вздохнула тётя Ядя.

– Источник жизни! – застонала Люцина. – Матерь божья... На самом дне...

– Колодец?... – неуверенно предположила я.

– Какой, ради бога, колодец?!?! – взбунтовалась Тереза. – Мы обыскали уже два, нет, три, если считать тот, что в Тоньче! Сколько ещё будет этих колодцев?!!..

– Ничего нового. – Спокойно сказала моя мамуся, отодвинула кресло и села за стол. – Я с самого начала знала, что искать надо в колодце.

– Откуда вы черпали источник жизни, – произнёс Михал, находящийся в полуобморочном состоянии. – Источник жизни и на дне... Это должно быть в здешнем старом колодце!

– Может, кто-то все украл, – уныло заметила я. – Франек, ты был здесь все время...

– Ни из какого колодца никто ничего не воровал, – твёрдо ответил Франек, в его голосе зазвучало отчаяние. – Бога ради, не думаете же вы, что это я!.. Или мой отец!.. Боже!..

– Идиот, – остановила его Люцина. – Не трогай себя и своего отца, хорошо? Надо подумать.

– Над чем? – фыркнула Тереза. – Уже два колодца оказались пустыми, где ты возьмёшь третий, фаршированный?!

Люцина пожала плечами, отобрала у Михала свою спицу и воткнула её в клубок. Марек задумчиво уставился на окно.

– На конверте нет адреса, – медленно сказал он. – А если он писал кому-то другому...

– А отцу дал только на хранение? – оживился Франек. – И этот чёртов колодец в совсем другом месте, у кого-то другого? Может получится и так!...

– Может, у покойного Менюшко? – ядовито подсказала Тереза.

– Освящали здесь, – напомнила я.

Михал посмотрел на нас взглядом полным отчаяния, после чего поднял листок:

– Антонию Влукневскому, сыну Франтишека в деревню Воля, – громко прочитал он. – Чёрным по белому написано...

– В таком случае, начнём заново старыми добрыми методами, – вздохнул Марек. – Франек, что здесь было раньше?...

– Ничего, все было как есть, – угрюмо ответил Франек. – Только жили мы в старом доме...

– Ой, а зачем вы его спрашиваете? Я то знаю лучше, – нетерпеливо прервала моя мамуся. – Я приезжала сюда, когда его ещё

и на свете не было. Дом был в коровнике, а там, где мы сидим, росла смородина. Остальное стояло как сейчас, я все прекрасно помню.

– И ты не знала, где был колодец? – сердито спросила я.

Моя мамуся посмотрела на меня так, будто её осенило. Все замолчали и внимательно на неё смотрели. Что-то здесь было не в порядке...

– Действительно, зачем же ты расспрашивала про колодцы у Франека? – рассердилась Тереза.

– Ты забыла про колодец? – агрессивно вмешалась Люцина. – И что ещё ты так здорово помнишь?

Моя мамуся очнулась:

– Как это что? Все! Там где мы копали, колодца не было! Колодец был возле дерева, я сама доставала оттуда воду.

– У какого дерева? – неуверенно спросил Франек.

– Возле дуба. Он был возле первого, но ближе к дубу. Я совсем про него забыла!

В первую минуту казалось, что младшие сестры задушат старшую, а двоюродный брат им поможет. Если бы взглядом можно было убить, у нас бы получился ещё один труп. Михал Ольшевский подавил готовящиеся вырваться эмоции:

– Минутку, – поспешно произнёс он. – Когда это было? Он был самым старым?

– Вовсе не самым. Самым старым был тот, что мы раскопали вначале. Он уже тогда был старым и засыпанным. Тот, что возле дуба, тоже был довольно старым, дядя даже говорил, что надо выкопать новый, потому что в этом вода сделалась какой-то железистой...

Михал выпрыгнул из кресла и уселся обратно.

– Железистой!.. Если сундук был окован!.. Железо ржавело... Где это место?!!!

– Я же говорю – возле дуба...

– Матерь божья, третий колодец... – тихонько пропищала Люцина.

Тереза с чумным видом медленно поднялась с кровати:

– Неужели весь мир усеян колодцами наших предков? – спросила она странным голосом. – Может, мне до конца жизни раскапывать прадедовские колодцы?!.. Не нужны мне эти триста жемчужин!!!..

* * *

Третий колодец обнаружился через несколько часов поисков. Дуб, одинокий, старый и могучий, рос на краю вспаханного поля, в сорока метрах от развалин. Каменный круг находился примерно посередине. Даже удивительно, как его до сих пор не засыпали камнями, поскольку за коровником уже вздымались настоящие пирамиды.

Марек принял командование на себя. Не обращая внимания на протесты Михала и моей мамуси, он объявил перерыв в раскопках и отправил всех родственников на полевые работы. Подключившись к колодезной каторге, Франек абсолютно забросил хозяйство. Найденный колодец мы должны были раскопать только по окончанию уборки и раскопать за один раз, не оставляя злодею времени на махинации. Франек с облегчением вздохнул и на рассвете отправился в поле, родственники складывали снопы, тётя Ядя дала выход своей страсти и щёлкала что ни попадя, меня отправили в фотомастерскую для получения плёнки с подошвами убийцы. С плёнками пришлось ехать в Варшаву, поскольку в Венгрове тематика снимков могла вызвать ненужную сенсацию. То покойник, то громадные следы, то ещё что-нибудь необычное...

Моему приезду в Варшаву очень обрадовался отец, который как раз вышел в отпуск.

– Я хотел ехать в Волю завтра, – сказал он. – Но раз так, поеду сегодня, вместе с тобой. Сейчас соберусь.

Поэтому обратный путь я проделала вместе с отцом, которому я прокричала все сенсационные известия. Делать это было не совсем удобно, поскольку отец сидел сзади и приходилось кричать за себя. На переднем сидении он не хотел ехать ни за какие коврижки, поскольку тридцать лет назад пережил автокатастрофу, от которой до сих пор не оправился. Что из того, что я кричала, он слышал, не знаю, во всяком случае о подробностях он допытывался с большим интересом. Я старалась удовлетворить его интерес как можно полнее, поскольку на месте разговор с отцом о сокровищах исключался. Время от времени он снимал очки со слуховым аппаратом и переставал слышать, а снимал он их потому, что не любил. Выкрикивать тайну на всю округу

было исключено, поэтому отец должен был все узнать по дороге. Если бы я знала, к чему это приведёт, то не произнесла бы ни слова.

В Волю я вернулась под вечер. На следующий день, все опять отправились в поле, а отец на рыбалку. Он мечтал об этом ещё с зимы и не существовало силы, которая бы заставила его отказаться. Люцина даже поддерживала его, надеясь, что он может что-нибудь поймать.

С уборкой надо было торопиться, потому что овёс начал осыпаться и даже пшеница созрела. Франек остался последним, он позорил всю деревню, а кроме того, как на зло, в этом году засеял больше, чем обычно. По телевизору обещали чудесную погоду, наверняка, того и гляди пойдут дожди. Мы работали как сумасшедшие, подгоняемые мыслью о колодце, который на этот раз не должен был обмануть наших надежд.

Вернулись мы вечером, в абсолютном изнеможении. За коровник отправился только Михал Ольшевский, который шесть часов работы провёл в музее и держался лучше всех, поскольку там от него никто не требовал слишком больших физических усилий. Из-за коровника он вернулся очень возбуждённым.

– Идите посмотрите! – позвал он нас страшным шёпотом. – Он раскопал колодец под дубом! Наполовину!...

Все как один бросили свои дела и помчались за ним, сообщив ужасное известие, он тут же умчался обратно. Тереза выскочила из ванны, мокрые Марек и Ендрек оставили кран во дворе, моя мамуся помчалась с огромным кухонным ножом, которым резала бекон для яичницы. Отец бежал последним, он один спрашивал, что случилось, поскольку зловещего шёпота Михала не услышал.

Третий колодец был частично раскопан. Он достиг глубины полутора метров, рядом лежала куча выбранных из колодца камней. Внутри стояла лестница, рядом лежала плетёная корзина с верёвкой, привязанной за ручку.

– Ну, знаете! – сказала Тереза с обидой и испугом. – Это наглость! Он даже не скрывается, и все оставил! Что за свинья!

Франек с недоумением разглядывал орудия труда:

– Наша лестница! – сказал он. – И наша корзина!..

– Не верю! – выкрикнула Люцина. – Не такой он идиот, чтобы среди бела дня!.. Это был кто-то другой!

– Немного работы он за нас сделал, – неуверенно сказала тётя Ядя.

– Ага! – со скрываемым удовлетворением ответил Ендрек. – Хорошо поработал!

– В чем дело? – спросил отец. – Больше я не успел, но завтра продолжу...

На мгновение воцарилась тишина. Все ошеломлённо смотрели на отца, который заглянул в колодец.

– Чем глубже, тем труднее, – озабоченно объяснил он. – За один день я не справлюсь, но послезавтра закончу.

– Спросите, о чем он – у меня сил нет, – слабо прошептала моя мамуся.

– Папа, это ты копал? – громко крикнула я.

– Конечно я, – ответил отец. – Больше никого не было.

У меня отнялась речь. Марек и Люцина смотрели на меня голодными взглядами. Отец сиял удовлетворением.

– Ты же пошёл на рыбалку! – простонала Тереза. – Как ты мог одновременно рыбачить и копать?..

– Что? – спросил отец.

Тереза набрала воздуха.

– Ты же пошёл на рыбалку!!! – страшно зарычала она.

– Да, я был на рыбалке, но клёва не было. Сегодня для рыбалки день неподходящий. Я вернулся и подумал, что смогу вам немного помочь...

К моей мамусе вдруг вернулись силы:

– Так почему ты не пришёл на поле? Помогать надо было там!

– А я знаю, где это? А здесь я знаю – это надо выкопать...

– Что ты наговорила отцу? – набросилась на меня Люцина.

– Богом клянусь, ничего! – поклялась я. – То есть, то что надо! Я говорила, что этого трогать нельзя, но он мог не слышать. Я вообще не знаю, чего он слышал, а чего нет!

– Боже мой, что же делать?! – застонал Михал заламывая руки.

Франек задумчиво чесал голову, склонившись над колодцем. Моя мамуся, при помощи Терезы, воспитывала отца:

– Кто тебя просил раскапывать колодец! Что тебе в голову стукнуло?! Это мы раскапываем колодцы, а не ты!

– Если бы я знал, что это вам так нравится, – оправдывался отец, – надо было мне сказать...

– Нет, я больше не могу, – застонала Тереза и схватилась за голову.

Люцина начала хихикать. Тётя Ядя попробовала сгладить напряжение, отметив тот факт, что отца бандит не убил. Михал спустился в колодец и ощупывал камни под ногами. Марек тяжело вздохнул:

– Дурацкое положение, – озабоченно произнёс он. – Все устали. Надо бы это сторожить...

– Зачем? – сердито возмутилась Тереза. – Самое большее, что он может сделать – придёт и засыплет, и пусть засыпает, раскопаем обратно, мой шурин любит поработать.

Марек покачал головой:

– Хуже. На этот раз он может не засыпать, а привести помощника и докопаться до дна. Одной ночи может хватить.

– Упаси бог! – выкрикнул Михал, поднимаясь в колодце.

– Ты что-нибудь знаешь? – неуверенно спросила я.

– У меня есть подозрения. Мы и сами можем это завалить, но жаль тратить силы.

– Раскопаем до конца! – предложила моя мамуся.

– Чтобы ему было легче? А кто копать будет? Я не смогу. А если мы что-нибудь найдём, придётся охранять, до утра мы не успеем. А как же уборка?

– Ещё два дня, и мы бы закончили, – грустно вставил Франек.

Михал Ольшевский высунул из колодца голову и плечи:

– Я могу посторожить, – решительно сказал он. – Я устал меньше всех. Как нам стало ясно, его достаточно просто вспугнуть и он ничего не сделает. В этом же все дело?

– Вы знаете, что это опасно? – заботливо поинтересовался Марек.

– Конечно, знаю. То есть, смотря что. Я не буду к нему приближаться, где-нибудь спрячусь и в случае чего подниму шум. Кроме того, я возьму что-нибудь для защиты...

Приближалась ночь, работа на уборке отразилась и на наших умственных способностях. Решили, что Михал затаится среди камней у колодца, постарается не спать, а заметив преступника, с криком выскочит и убежит. Пробуждение всей семьи вынудит врага отступить,

чего нам будет вполне достаточно. А завтра мы примем решение о дальнейших действиях.

Выход понравился всем. Марек, после раздумий, разрешил мне подключиться к действию. Было ясно, что я пойду спать последней, поэтому мне предстояло продержаться до одиннадцати.

– В одиннадцать ты меня разбудишь, – попросил Марек. – Михал будет сидеть у колодца, а я пройду по окрестностям. Так будет безопаснее.

– Но он может убить вас! – запротестовал Михал.

– Скорее всего, нет. Для начала он попробует убить вас. Я знаю, что делаю, мне ничто не угрожает. Вы должны спрятаться как можно раньше...

– И возьмите с собой что-нибудь поесть, – посоветовала я. – Я думаю, что сейчас вы ужинать не сможете...

* * *

И все же половину ужина Михал Ольшевский съел, вторую, по моему совету, он захватил с собой. Взяв фонарик и алебарду, он спрятался между камней. За плечами его прикрывала куча, а впереди открывался вид на колодец, дерево и тропинку. Наполнившись высокими мыслями, он замер...

Время шло. Зашла луна. Сталось совсем темно. Михал, в страшном напряжении, сидел неподвижно. Примерно через год, а может два, он решился посмотреть на часы, светящиеся стрелки показали, что он сидит так уже целых сорок пять минут.

Он вдруг вспомнил, что для охранников время течёт по-другому. Он пошевелился, вздохнул, напряжение прошло. Он почувствовал голод и прикончил остатки ужина, бросив на камни салфетку с куриными костями и хлебными крошками. Нервный зевок разжал его челюсти.

Время вообще перестало идти и стояло на месте. Михал почувствовал как деревенеет тело и засомневался, выдержит ли до утра. В тот день он проснулся в половине четвёртого, до восьми работал на уборке, с девяти до трех просидел в музее, с четырех до

восьми принимал участие в полевых работах. Возможно, что он не так уж и выспался...

Он шестнадцать раз изменил позу, когда, наконец, пришла полночь. Теперь он мог быть уверен, что союзник кружит поблизости. Темнота сгущалась, тишина была почти абсолютной, издали доносилось только кваканье лягушек и, время от времени, лай собак. Ничего не происходило и Михал почти полностью расслабил напряжённое внимание, когда ему показалось, что он услышал что-то поблизости. Будто бы шелест травы и хриплый вздох.

Впечатление было страшным. Михал никогда в жизни не играл в разведчиков или индейцев, был городским ребёнком, о ночных дежурствах он только читал. Он до слез вытаращил глаза и ему показалось, что темнота под дубом пошевелилась. Пошевелилась и застыла. Больше ничего увидеть не удалось, только это короткое движение в темноте. Несомненно, оттуда подбирается убийца... Эта дьявольская, преступная личность прокралась под дуб и теперь пытается приглядеться к территории. Сидит там и ждёт, пока кто-нибудь не покажется...

Медленно, осторожно, плавными движениями Михал сменил позу. Он присел и крепко ухватил алебарду, совсем забыв о фонарике. Он подумал, что в случае чего сможет защититься, а для криков и бегства ещё рановато...

Так долго ничего не происходило и так долго темнота под дубом не двигалась, что Михал не выдержал. Не выпуская из рук алебарды, он повалился на бок и опёрся локтем о камни. Он подумал, что ему показалось, а потом, что из-за какого-то паршивого бандита ему приходится здесь сидеть и обливаться холодным потом. Это же последнее свинство: убивать людей, покушаться на чужое добро, продавать и уничтожать памятники искусства...

Он вырывал шедевры из ненасытных свиных рыл. Рыла, довольно хрюкая и чавкая, жрали чашки из мейсенского фарфора. Одно рыло принялось за серебряный подсвечник, разозлённый Михал схватил подсвечник и потянул на себя. Рыло не отпускало, а подсвечник растянулся как резиновый, рыло толкалось и жрало почти из его рук. Михал откинулся назад...

В лопатки упёрлось что-то твёрдое, он открыл глаза. Вокруг царил темнота, за спиной были камни. Он почувствовал себя не в

своей тарелке – откуда взялись эти свиные рыла, он же не спал?..

Под дубом ничего не двигалось, зато ближе, среди камней, что-то зашелестело. Михалу стало жарко. Он опять вытаращился в темноту и ему показалось, что у подножия кучи камней находится какая-то тёмная масса, которой раньше здесь не было. Чёрная масса, сконцентрированная, низкая, неподвижная...

Весь следующий год, он ожидал инициативы со стороны чёрной массы, которая, несомненно, была подкрадывающимся врагом. Враг замер на четвереньках, Михал тоже...

Враг взбирался на стены, которые защищал Михал. Михал взбирался на стены, которые защищало множество врагов. Они бросали в ров и об стены кубки из венецианского стекла, кубки со звоном рассыпались, необходимо было отобрать их, пока они все не разбились. Михал рванулся в бой. Со стуком камней враг скатился с обратной стороны стены...

Михал опять открыл глаза, хотя мог бы поклясться, что не закрывал их ни на минуту. Стены, ров и кубки исчезли, враг – нет. Враг взбирался на кучу камней с обратной стороны. У Михала мелькнула мысль, что он, должно быть, хорошо замаскировался, если тот о нем не знает и лезет с таким шумом, не соблюдая никакой осторожности. Сейчас он покажется...

Ему даже и в голову не пришло, что он должен не рисковать, а убегать и кричать. Вырванный из дрёмы атакой врага, он слегка поглупел, поэтому напряг мышцы и покрепче сжал алебарду.

И тут над его головой выросло что-то чёрное. Это чёрное рухнуло прямо на него с каким-то ужасным, неразборчивым хрипом. Времени на размышление у Михала уже не оставалось, подействовал инстинкт самосохранения. Ведомый этим инстинктом, Михал стал на ноги и со всей силы пихнул алебардой. Алебарда во что-то попала, чёрный враг скатился с камней и рухнул прямо в колодец, издав тонкий короткий крик...

Через неопределённый, очень долгий момент времени Михал Ольшевский превратился из камня в человеческое существо. В существо настолько испуганное, что размер испуга превышал все. Произошло нечто ужасное – он убил человека!!!..

Мы с Люциной были вырваны из сна способом, несовместимым с хорошим воспитанием. Михал Ольшевский тыкал в нас левой рукой,

сжимая в правой алебарду с испачканным чем-то тёмным остриём.

– Я убил его!.. – громко стонал он. – Я убил его!.. Он подкрался! Бросился на меня! В чёрной кольчуге!.. Я убил человека!..

Взгляд на алебарду убедил нас, что он не бредит.

– Ну и слава богу, – нервно произнесла Люцина, пытаясь отобрать у него свой халат. – Сынок, не вытирай это оружие об мой халат... Убил, и хорошо, наконец-то все успокоится...

– Я убил человека... – душераздирающе стонал Михал в бессознательном состоянии. – В чёрной кольчуге!.. Он бросился на меня!..

В спешке я никак не могла найти под кроватью тапочек. У меня мелькнула мысль – откуда взялась кольчуга, но ответ пришёл сам собой. Наверное, опять какая-то историческая личность. Нам ещё не хватало, начать самим всех убивать, очень плохо, что Михалу пришлось это сделать...

Люцина была ужасно бледной, но старалась держаться:

– Где он, – твёрдо спросила она. – Возле колодца?

– Что?.. Нет... Упал... Упал в колодец...

– А кто это был? Кто-то знакомый?

– Не знаю... Я убил его... Он на меня бросился...

Наконец Люцине удалось надеть халат. Стеная и стуча зубами, Михал Ольшевский отвёл нас на место своего преступления. По пути пыталась утешить его, объясняя, что он убил для самообороны, но и сама чувствовала себя неловко. Из-за коровника донёсся лай собаки.

– Лает над трупом, – прошептал Михал голосом покойника.

– Он знает, что делать, – равнодушно сказала Люцина. – А раньше он не лаял?

– Не знаю. Не слышал...

В сером свете нарождающегося утра было кое-что видно. Мы выглянули из-за угла коровника. Пистолет стоял над колодцем и лаял вниз. О его присутствии мы скорее догадались, чем увидели его.

– Удивительно, – забеспокоилась Люцина. – Пистолет, вместо того чтобы выть – лает. Может он ещё жив?

– Лучше бы живой... – неуверенно пробормотал Михал.

Мне бы этого тоже хотелось. Единственным утешением было то, что убит преступник. Мы осторожно заглянули в колодец, таращась в

темноту. После долгих усилий мы увидели внизу какую-то чёрную, абсолютно неподвижную массу.

– Вроде бы есть, – подтвердила Люцина. – Действительно, в чёрной кольчуге...

– Может, и в кольчуге, не видно, – недовольно сказала я. – Надо было взять фонарик. У вас был фонарик...

Михал беспомощно оглянулся. Фонарик у него был, но куда-то подевался. Должен был лежать здесь. В спешке, торопясь, мы забыли про фонарик, хотя в комнате их было целых два. Некоторое время мы бестолково шарили между камнями, после чего опять заглянули в колодец. На дне точно лежала чёрная масса, не известно – живая или мёртвая. Ситуация было отчаянной.

– Матерь божья, что же теперь будет?.. – прошептал сломленный Михал.

– А, собственно говоря, зачем ты его убивал, сынок? – вдруг поинтересовалась Люцина. – Тебе надо было только испугать его и с криком убежать.

– Не знаю, – нервно ответил Михал. – Он на меня вдруг набросился. Сверху, с этих камней. Я забыл, что должен убежать. Потому что... Не знаю... Возможно, я вздремнул...

Со всей искренностью он рассказал нам о своих переживаниях на посту. Мы проявили понимание. Пистолет перестал лаять в колодец и загавкал в сторону дороги. Мы втроём стояли над ямой и не знали, что делать.

К счастью, в этот момент из мрака появился Марек.

– Ради бога, что вы здесь делаете? – раздражённо спросил он. – Чем вы тут занимаетесь?

Перебивая друг друга мы объяснили ему, что Михал убил человека в чёрной кольчуге, причём убил его для самообороны. Описание обстоятельств получилось у нас немного расплывчатым. Марек молча выслушал нас, заглянул в колодец, после чего опять посмотрел на нас.

– Здесь не было никакого человека, – холодно уведомил он.

– Он же лежит там! – обиделась Люцина.

Марек опять заглянул в колодец. Он приглядывался довольно долго, с каменным выражением на лице. Присел, посветил вниз, у него

одного был фонарик. Мы напряжённо ждали, не осмеливаясь заглянуть вместе с ним.

– Не может быть, – наконец сказал он и выпрямился. – Ждите здесь, я принесу лестницу.

По неизвестной причине я отправилась за ним к сеновалу, потеряв по дороге тапочки. Моя помощь для переноски лестницы не понадобилась. На обратном пути я наткнулась на Терезу и тётю Ядю, которых сразу же осчастливила информацией о новом убийстве. У Терезы перехватило голос, тётя Ядя обо что-то споткнулась и рухнула на меня. Марек, как то не очень осторожно, опустил лестницу в колодец.

– Ты её не на труп ставишь? – с беспокойством спросила я. – Даже если это убийца, и даже если он умер, лучше этого не делать...

– Лучше возьми фонарик и посвети мне сверху, – ответил он и спустился в колодец.

Тётя Ядя и Тереза шептались в стороне с Люциной, издавая вполголоса драматические восклицания. Михал уселся возле колодца, как символ отчаяния и печали. Марек старательно обследовал покойника внизу. Те трое перестали шептаться и приблизились к яме. Марек как раз вылезал наружу, когда Тереза торжественно начала:

– Да упокой господь его душу...

Марек вежливо дождался окончания молитвы. Выражение его лица было таким, что я начала что-то подозревать. С преступлением Михала Ольшевского было что-то не так...

– Исключительный экземпляр, – обратился он к Михалу, когда Тереза закончила. – Поздравляю, с одного удара! Я же говорил, что никакого человека здесь не было.

– Что?.. – спросила тётя Ядя после минуты удивлённого молчания. – Что он говорит?..

– В таком случае, кто там лежит? – поинтересовалась Люцина.

Михал смотрел на Марек с выражением тупого отчаяния.

– Кабан, – сказал Марек. – Прекрасный экземпляр, килограмм двести пятьдесят. Удивительно, как он мог ходить при таком весе...

Больше ему ничего не удалось сказать. С Люциной случились какие-то конвульсии. Михал чуть не свалился головой в колодец, тётя Ядя, пытаясь заглянуть поглубже, упустила вниз фонарик. Я спустилась за ним и, воспользовавшись случаем, рассмотрела поближе

щетину злодея. Тереза ругала Марека, не желая прощать ему то, что он разрешил ей прочитать молитву над трупом кабана. В конце-концов, Марек получил слово.

– Ничего хорошего из этого не получится, – пророчески произнёс он. – Лучше всего было бы вытащить его из колодца и где-нибудь бросить, прежде чем рассветёт. Иначе, уже утром, нам на шею сядет милиция.

– Начнём сейчас! – предложил заново родившийся Михал. – Боже, какое счастье!.. Ни за какие сокровища, я никого больше не убью! Что нам понадобится? Верёвки?..

Процесс извлечения кабана по трудоёмкости превзошёл все наши предыдущие начинания. Участие в нем приняли все, даже моя мамуся. Франек и Ендрек подключились на рассвете. Кабан упорно сопротивлялся, если бы не вера в лежащие под ним сокровища, все бы кончилось тем, что мы воздвигли над ним небольшой курган.

Франеку было достаточно одного взгляда:

– О, боже! Чёрная свинья Пачореков! – расстроился он. – Ну, это нам даром не пройдёт, Пачорек своего не упустит. Сколько я ему говорил: «Не отпускай свинью». Так нет! Вечно она по деревне шаталась...

Нам так и не удалось достичь поставленной цели. С рассветом на ногах было уже все село, и у нас появились не только многочисленные зрители, но и помощники. Кто предупредил милицию, неизвестно, но в тот момент, когда добытый из колодца труп лёг на траву, рядом появился и представитель властей. Он подошёл энергичным шагом, тщательно и молча осмотрел кабана...

– Ну что ж, братец, – наконец сказал он со смесью угрозы и удовлетворения. – Как пить дать, нелегальный забой. Что ж вы, пан Влукневский?..

– Это не мой, – горячо воспротивился Франек. – Я его не забивал. Он не мой, и я за него не отвечаю!

– А чей?

– Пачореков.

– Так я и думал, братец. Значит Пачорек забил?

– Нет.

– А кто?

– Прежде чем мы успели его остановить, вперёд вышел Михал Ольшевский:

– Я, – мужественно объявил он.

Сержант недоуменно уставился на него:

– Вы? Как же?.. Это ваш?

– Нет. Вы же слышали. Пачорек.

– Пачорек согласился?

– Не знаю. Скорее всего нет. Я не знаком с Пачорек.

– А если вы, братец, не знаете Пачорека, то зачем же вы забили его свинью? Украли?

Михал Ольшевский поперхнулся и покраснел.

– Ну что вы!.. Я не забивал... Это того... вообще ошибка! Я вовсе не хотел убивать эту свинью!

– А если вы, браток, не хотели, то зачем забили?

– Потому что я думал, что это человек...

Тут начались Содом и Гомора. Михал Ольшевский пытался объяснить причину, по которой вместо свиньи он хотел убить человека. Прибыл владелец трупы, который начал скандалить, утверждая, что его свинью убили из мести. Милое животное постоянно кому-то мешало!.. Милиционер упорно трактовал происшедшее, как классический случай нелегального забоя. Загвоздка состояла в том, на кого возложить ответственность за преступление. Одновременно он попытался провести следствие по делу о покушении на убийство человека. Прибыла милиция из Венгрова и собрала комиссию по оценке профессиональности забоя. Единогласно было признано, что свинья убита абсолютно правильным мясницким ударом, стали искать нож. Информации о том, что орудием преступления была алебарда, никто всерьёз не воспринял. Пачорек перестал скандалить, поскольку возникли подозрения в преступном сговоре. Михал Ольшевский окончательно запутался в признаниях и начал отпираться от участия в забое, поскольку органы вдруг вспомнили, что здесь уже произошла пара убийств. Возникла альтернатива: либо Михал Ольшевский поубивал всех, и кабана в том числе, либо свинья стала очередной жертвой неизвестного преступника. Из двух зол мы предпочли придерживаться второй версии.

После целого дня невероятных трудностей, умноженных расспросами по поводу удивительного пейзажа за коровником Франека, вопрос решил молодой сержант, который когда-то спрашивал нас про Лагевку.

– Мясо обследовано, свинья здорова, пускай её забирает Пачорек, – решил он. – За нелегальный забой ему придётся заплатить штраф. Виновником будет считаться он, что свинья забита алебардой я в протоколе не напишу. Иначе придётся расследовать, откуда взялась музейная алебарда. Пана Ольшевского я знаю, все понимаю и придираюсь не буду. Вы вернёте штраф Пачореку, и все будет в порядке. Согласны?

Мы радостно согласились, и наконец все вернулось в хоть какую-то норму.

Марек в свиную афёру не вмешивался, прозорливо исчезнув с горизонта сразу после восхода солнца. Появился он только после вывоза тела. Вся семья собралась в садике перед домом, отходя от потрясений и пытаясь набраться новых сил, поскольку в ближайшей перспективе была нелёгкая ночь. Наполовину раскопанный колодец до сих пор находился в опасности. Нам предстояло обсудить, что делать с этим фантом.

В садике нас нашёл сержант.

– Разрешите представиться, – галантно начал он. – Старший сержант Станислав Бельский. Лучше поздно, чем никогда.

– Очень приятно, – за всех ответила Люцина и пригласила сержанта занять место в кругу семьи.

Сташек Бельский уселся на берёзовый пень, снял фуражку и принялся ею обмахиваться. Франек вздохнул:

– Я знаю, что будет, – угрюмо пробормотал он.

– Не знаете, – твёрдо ответил сержант Бельский. – Извините, но я не слепой. Здесь совершены два преступления и я отчётливо вижу, что назревает третье...

– Третье тоже было, – перебила моя мама. – Только от тех никакого прибитка не было, а от этого будут сало и колбаса.

Все вздрогнули. Тереза тихонько охнула. Сержант Бельский был непреклонен:

– Покупайте побольше. Больше никто свиней на прогулку не отпустит, – посоветовал он. – Я хотел сказать, что я тоже человек. И

тоже забочусь о своей зарплате. Можете не рассказывать мне бородатых шуток про часы дедушки и ожерелье бабушки, поговорим по-человечески. Что вы ищете в этих колодцах?

В садике воцарилось молчание. Было ясно, что, за все сокровища мира, никто не произнесёт ни слова. Сташек Бельский тяжело вздохнул:

– Я отлично понимаю, что не договорюсь с вами, – грустно предположил он. – Черт с вами, начнём по-другому. Некто Адам Дудек нашёл в своём доме сундучок с документами, я при этом присутствовал. Этот сундучок он сдал в музей. Так?

Теперь Михал Ольшевский не мог молчать:

– Так, – неохотно признался он.

– Я этого прочесть не смог, трудный почерк, но вам, как видно, удалось. Прошло два месяца, и появился первый труп. Вроде бы никакой связи, но через некоторое время, пожалуйста – второй. В тех же местах. Вроде бы опять ничего, но на место преступления приезжает целая семья и начинает раскапывать колодцы. А вместе с этой семьёй пан Ольшевский из музея, то есть тот, кто прочитал документы. Если и здесь нет никакой связи, то я, извините, испанский кардинал. Я думаю, мы заключим какой-то договор, я лично сомневаюсь, что это вы убили тех двоих. Могли бы поговорить по-товарищески. Иначе, нам придётся делать официальные допросы, вам придётся давать ложные показания, зачем? Документы придётся забрать на экспертизу, они могут затеряться...

Михал Ольшевский нервно заёрзал. Не обращая на него внимания, сержант Бельский продолжил:

– Выходят одни сложности и неприятности. А так, поговорим по-человечески, посоветуемся и сразу поймём, на что стоит обратить внимание. Как поступим?

– Ну! – нетерпеливо толкнула я Марека после минуты общего молчания. – Скажи что-нибудь.

– Я ничего не скажу, – твёрдо ответил Марек. – Вам придётся решать самим.

– Тогда я скажу! – вырвалось у Франека.

– Заткнись! – сердито зашипела Люцина.

– Вот теперь ясно видно, что нам сказать нечего, – с сарказмом заметила Тереза.

Моё личное отношение к милиции не позволило остаться в стороне:

– Все молчите! – потребовала я. – Сейчас. В конце-концов, существует же какой-то закон, что если кража совершена внутри семьи, преступник преследуется только по желанию пострадавшего. Существует или нет?

– Существует, – заверил сержант. – Вы украли что-то друг у друга?

– Нет, но милиция может так подумать. Мы поговорим с вами по-человечески, все равно нам ничего другого не остаётся, но при условии, что вы не начнёте подозревать Франека. О том что мы ищем, он знает столько же, как и все остальные. Мы хотим обойтись без дурацких осложнений.

Сержант торжественно поклялся, что такая идиотская мысль, как начать подозревать Франека, ему и в голову не придёт. Атмосфера рассеялась, родственники с облегчением вздохнули. Перебивая друг друга, мы открыли правду, которую сержант воспринял с философским спокойствием. Он проявил интерес только тогда, когда Михал Ольшевский принёс сверху документы и шёпотом их прочитал. Сташек Бельский слушал, как зачарованный.

– Ничего себе! – вырвалось у него. – И я сам вытянул это из-под пола, собственными руками! Ну и ну...

– Единственное, чего я не понимаю, откуда про это наследство узнало столько людей, – обиженно сказал Михал. – Сам я никому не рассказывал, бумаг никто не видел. Вы узнали от меня. Вы говорите, что те, кто нашёл, прочитать не могли. И?.. Откуда они знают?

– В этом мы разберёмся. Теперь ясно просматривается связь между убийствами и этим вашим наследством. Посчитаем... Выходит, что кроме вас об этом знали три человека. Двое убитых и тот, что от вас убежал, как его там... Больницкий...

– Четыре, – уточнила Люцина. – Убийца, наверное, тоже знал...

– Пять, – поправила её Тереза. – А облизанный Никсон? Он болтал про наследство от предков, когда был у меня в Канаде. Я думала, что он ненормальный, оказывается – нет. Он знал, что говорит.

– Облизанный, простите, кто?.. – спросил сбитый с толку сержант.

Каким чудом мы смогли рассказать о событиях и не упомянуть облизанного Никсона, было не понятно, тем не менее о нем заговорили

только теперь. Сержант Бельский проявил большой интерес. С большим вниманием он вслушивался в описание его внешности, поведения и гипотетических черт характера, не предъявляя претензий за сокрытие этих сведений от предварительного следствия. Наоборот, было похоже, что он благодарен Терезе и Франеку за возможность самому разобраться в этом вопросе. Он заметно оживился, в глазах его появился блеск.

– Кое-что у меня складывается, – удовлетворённо сообщил он и устоялся куда-то вдаль. Он долго медитировал, перерабатывая полученную информацию, возможно даже представлял предстоящие события и вдруг обратился к Михалу:

– Эта свинья действительно на вас бросилась? – недоверчиво спросил он.

Михал страшно разволновался.

– Нет... Скорее, нет... Но было похоже... То есть, теперь мне кажется, что она просто свалилась. Забралась на эту кучу камней и рухнула вместе с ними. Но, даю слово, выглядела она точно как толстый мужик в чёрной кольчуге, который бросился прямо на меня!

– На кой черт она полезла на камни?

– Откуда я знаю? В любом случае она свалилась сверху...

– Наверное, любила альпинизм, – ядовито подсказала Тереза.

– Хорошо, я вам скажу, – добродушно произнесла Люцина. – Там лежали остатки хлеба...

– А-а-а!.. – обрадовался сержант с таким облегчением, будто мотивы поведения покойного кабана были для него камнем преткновения. – Если хлеб, то понятно. Свежий?

– Свежий. Наверное, Михал выбросил.

Михал вспомнил, что действительно бросил остатки еды на камни. Но это были в основном кости от курицы. Хлеба было всего несколько крошек, а курицы – кусочек шкурки с костями. Он засомневался, как такая слабая приманка могла привлечь животное, что такое крошки для такого громадного кабана!

– Ничего, – успокоил его сержант. – У свиней хороший нюх, а на свежий хлеб особое чутьё. А что касается вашего колодца, не знаю... Людей у нас мало, на посты не хватит. Но пока суд да дело, может положим на него что-нибудь очень тяжёлое?..

Мысль показалась нам прекрасной. Колодцу пришлось отступить перед уборкой и подождать ещё пару дней, поскольку небо не предвещало ничего хорошего. Все приметы на земле и на небе указывали на приближение бури, возможно даже с градом, поэтому сельскохозяйственные вопросы выступили на первый план. Для уборки пшеницы Франек заказал на следующий день комбайн, но сено должны были спасать человеческие руки. Оставшиеся в родственниках следы порядочности не позволили бросить на произвол судьбы пропадающую собственность.

Спор вокруг чего-нибудь тяжёлого, сразу же остановился на моей машине. Предложение заехать за коровник со стороны луга, остановиться над ямой и так все оставить, я с негодованием отмела. Не только из-за полной невозможности прокопаться через каменные завалы, но и ввиду последствий. Расстроенный бандит мог из мести разгромить автомобиль. Родственники не настаивали. Франек подумал и вспомнил, что у него есть старое колесо от трактора, валяющееся на сеновале. Двое сильных людей кое-как могут его поднять, но одному не справиться никак.

Поэтому колесо от трактора легло на частично раскопанный колодец, закрыв к нему всякий доступ. Ночь прошла спокойно. На сереньком песочке за коровником остались только собачьи следы, и в обеспокоенных душах расцвела надежда, что поединок с преступником мы наконец-то выиграли.

Буря разразилась ближе к вечеру и прошла немного стороной, не причинив достойного ущерба. Как раз перед этим я вернулась из Варшавы, куда ездила за снимками с ногами бандита. За ужином отпечатки таинственных подошв лежали почти у каждой тарелки, переходили из рук в руки и вызывали различные проявления умственной деятельности. Марек говорил, что дело ясное, фотография является неоспоримым доказательством и теперь каждый должен обо всем догадаться. Он догадался, значит, можем и мы.

– Я не справлюсь, – обиделась Тереза. – Я не знакома лично со всеми бандитами Польши. Я живу в Канаде.

– А канадских бандитов ты знаешь? – поинтересовалась Люцина.

– По-моему, он говорит про ботинки, – подсказала тётя Ядя. – Возле нас ходили такие ботинки и все их видели. Но я не помню.

– Ну, если бы ходили только ботинки, ты бы это запомнила.

– По-видимому ботинки ходили на человеке, – догадалась моя мамуся. – Я всем на ноги не смотрю...

– Значит... Вы имеете в виду человека в ботинках? – уточнил Михал.

– Возможно. Человек в ботинках.

– Ну и кто этот человек? – жадно поинтересовалась Люцина.

– Марек знает, но говорить не хочет, – ответила я с раздражением. – Он все время вам говорит, а вы не слушаете. Он считает, что по этим ботинкам, не знаю каким способом, можно узнать все остальное. Они прятались за коровником, это видели все. Ну и что, я вовсе не уверена, что это был убийца. За коровником мог всякий притаиться, особенно если было на что смотреть. Сами ботинки ничего не значат!

– Подведём итог! – живо предложил Михал. – Может к чему-нибудь придём. Из того, что мы до сих пор знаем, следует, что первым о сокровищах узнал этот облизанный Никсон. Не знаю, каким образом, но узнал. Наверное, прочитал документы. Какие у него ноги?

– Не такие, – сказал Франек, взяв фотографию. – Если он не надел чужие ботинки. Эти просто громадные. У него были поменьше.

– Сомневаюсь, что на такие дела он выберет чужие ботинки, тем более на пару размеров больше, – раскритиковала их я. – Это значит, что прятался не он, а кто-то другой. Следующий в списке – труп. Если облизанный узнал обо всем первым, труп узнал у него...

– И ты думаешь, что труп прятался за коровником? – остановила меня Люцина.

– Я рассуждаю в хронологическом порядке!...

– По-моему, с трупом понятно, – вмешалась Тереза. – Облизанный нашёл Менюшко и взял его в сообщники. Этот труп – это же Менюшко?

– Взял в сообщники и убил? – возмутилась тётя Ядя.

– Не знаю, убил ли. Они же ничего не нашли, зачем было его убивать? Чтобы потерять сообщника?

– Он нашёл себе другого, – напомнила моя мамуся. – Внука прадеда...

– Не прадеда, а нотариуса, – поправил Михал.

– Нотариус тоже мог быть чьим-то прадедом...

– Не мог, потому что умер. Не успел.

– Их было двое, – заметила я. – Один был внуком прадеда, а другой – нотариуса. Перестаньте мешать потомков.

– Я же и говорю, что прадеда...

– Тихо! – вдруг закричала Люцина. – Я все знаю! Уже поняла. Он его вовсе не убивал.

– Кто кого? – не вытерпела Тереза. – Говори полными фразами, а то у тебя опять предки попереплетаются.

– Облизанный не убивал Менюшко. Да, он дал ему наши адреса, хотя, зачем, не знаю... Сейчас, подождите... А может, не давал? Может, Менюшко эти адреса украл?.. Может, он хотел избавиться от него и договориться с нами?..

– Ну, наконец-то, что-то умное, – пробормотал Марек.

Люцина некоторое время неподвижно всматривалась в него горящим взглядом. Потом заморгала и решила:

– Могло быть и так, в этом больше смысла. В любом случае, облизанный взял Менюшко в сообщники и прислал его сюда. Он хотел действовать тайно, поэтому у Менюшко не было при себе никаких документов, чтобы в случае чего, его нельзя было опознать...

– Это бы указывало, что он допускал мысль о преступлении, – вмешалась я.

– Может, и допускал, но он его не убивал. Как раз наоборот, ему нужен был сообщник и он нашёл себе второго...

– А второго он тоже не убивал? – заинтересовалась моя мамуся.

– Тоже нет. Потом он нашёл Больницкого и тоже его не убил...

– Понятно, что нет. Больницкий же убежал...

– Тихо! Марек сказал, что Больницкий говорил, что облизанный его уговаривал. Это значит, что он искал сообщников среди заинтересованных людей. Среди потомков, которые были с этим как-то связаны...

– Зачем?

– Не знаю, зачем. Все равно. Облизанный их не убивал, но кто-то же убил. Он убивал каждого, кто крутился здесь возле развалин. Значит есть ещё кто-то, кто все знает, наверняка, мы его неоднократно видели. Он ходит в ботинках...

Люцина вдруг замолчала и напряжённо уставилась перед собой. Мы все обернулись, но ничего не увидели, кроме посудного полотенца, которое висело на гвозде. Михал Ольшевский вдруг ожил:

– Я знаю! – победно возвестил он. – Ему приходилось искать Менюшко, Лагевку и Больницкого! Он не читал завещания, должен я вам напомнить! Он должен был догадываться из записок. Он искал потомков людей из тех времён, чтобы сложить все вместе, в каждой семье кто-то что-то знает... Приходилось брать их в сообщники, чтобы они не стали конкурентами!

– Очень хорошо, – подхватила я. – Он начал с Терезы, надеялся с ней договориться, думал, что они поладят, даже, возможно, в ущерб остальным родственникам. Он понял, что из этого ничего не выйдет, и перекинулся на тех, кто не имел прав на наследство...

Тереза толкнула под ребра заглядевшуюся на полотенце Люцину.

– Очнись, а то потом скажешь, что не слышала! – нетерпеливо потребовала она. – Что ты увидела в этом полотенце?

– Не мешай ей, может, у неё видение? – остановила её тётя Ядя.

Люцина очнулась, оторвала взгляд от полотенца и посмотрела на нас.

– Я уже знаю! – торжественно объявила она. – В этом селе Сухом Доле... Умриголоде... как его там... Голодоморе...

– Голодоморицах, – буркнул Марек.

– В этих Голодоморицах кружили легенды о кладе Менюшек. А сорок пять лет назад кто-то прогнал Менюшко из Воли, и я это видела... Этот Менюшко... Тот первый, предок покойника... Он должен был проболтаться! Они уже пятьдесят лет искали наследство прабабки... Из поколения в поколение они передавали известия о закопанных сокровищах... Конечно... Кто же это был, черт, который прогонял?..

Долгое время мы молча смотрели на Люцину, ожидая продолжения её вдохновения. Продолжения не было. В свою очередь Люцина уставилась на нас невидящим взглядом.

– Но ведь это не может быть тот же человек, – трезво заметила тётя Ядя. – Если он выгонял Менюшко сорок пять лет назад, теперь должен быть достаточно старым?..

– Конечно старым, – живо подтвердил Михал. – Разве что в игру входит какой-то его внук. Мы найдём его по следам, если вы говорите, что все его видели...

– Не все, – уточнил Марек. – Там, где следы были самыми выразительными, со мной был только один человек.

Он посмотрел на меня таким взглядом, что ко мне внезапно вернулась память. Конечно же, я была с ним! Я стояла на тропинке и прутиком обрисовывала след, точно такой же как на фотографии...

– Кладбище! – почти с ужасом заорала я. – Боже, эти же следы были на кладбище! Он там живёт?..

– Чокнулась? – странным голосом спросила Тереза.

В кухне Франека опять запахло оборотнями, на некоторое время всеми овладело видение встающего из гроба предка. К этой оргии прадедов и правнуков потусторонний мир подходил очень неплохо. Люцина внезапно захихикала.

– Конечно, кладбище. Я тоже видела эти следы, я их узнала, они вели в сторону церкви. Я прошла по ним немного, но дальше не захотела, потому что они были размазаны. Кроме того, я знаю, кто прогонял сына Менюшко, это был сын гробовщика. Такой угрюмый буцефал...

Франек неуверенно посмотрел на неё, сначала кивнул, а потом покачал головой.

– Теперешний гробовщик – это внук предыдущего, – сообщил он. – Его отец умер, погиб во время войны. Старый гробовщик умер лет двадцать назад, и этот молодой его заменил.

– Значит, у сына гробовщика должен был появиться сын, до того как он умер? – решила удостовериться моя мамуся.

– Наверное, должен... Должен был появиться, до того как он умер, потом бы он уже не того...

– С этими сыновьями, дедами и внуками можно сойти с ума! – недовольно сказала Тереза. – Может я участвую в историческом спектакле?

– Подождите пожалуйста, так что с этим гробовщиком? – нетерпеливо спросил взволнованный Михал. – Мне кажется, что мы к чему-то пришли. Если следы принадлежат убийце, значит убийца – гробовщик? Что теперь?

– Не знаю, что теперь, но в гробовщике я уверена, – твёрдо сказала Люцина. – Каким чудом его предок узнал, где наш дед спрятал сундук, понятия не имею, но похоже на то, что узнал. Может, случайно подсмотрел.

– Гробовщик? – подозрительно спросила я и взглянула на Марека.

– Конечно, – спокойно ответил он. – Следы принадлежат гробовщику...

Опять воцарилось недоверчивое молчание. Произошло нечто невероятное – нам удалось вычислить убийцу! Это было так необычно, что в состоянии опьянения успехом, никто не знал, как отнестись к этому факту.

– А что же милиция?! – вдруг обиделась Тереза. – Мы уже знаем, а они до сих пор нет?! И до сих пор его не посадили? Что за порядки?

– Обращаю ваше внимание, что милиция этих следов ни разу не видела, – вежливо напомнил Марек. – Они всегда затаптывались. Про Менюшко и гробовщика Люцина милиции не рассказывала. И вообще, милиция узнала от вас, что здесь происходит, только вчера. И кроме того, никто не хочет слушать, что я говорю. Я не сказал, что гробовщик убивает, я говорил, что ему принадлежат следы. Вещественных доказательств нет.

Я подумала, что все складывается слишком просто, и с гробовщиком ещё возникнут сложности. Может, теперь понадобится не ловушка, а приманка, для этого сундук прабабки надо как можно скорее достать и спрятать. Хотя достаточно спрятать только содержимое, а на пустой ящик он может бросаться, пока не надоест...

* * *

Наверняка, все было бы иначе, если бы кроме Марека и Ендрека на сеновале не спал и отец. Он храпел как дьявол, заглушая все остальные звуки.

Первым человеком, вышедшим утром из дома и решившим сходить за коровник, чтобы посмотреть на колесо от трактора, была моя мамуся, гонимая тоской по земляным работам. Моя мамуся не стала поднимать тревоги и никого не разбудила. С непонятным спокойствием, она подождала, пока на пороге дома не появится Франек, к которому она и обратила свои претензии:

– Ваше колесо от трактора ничего не закрывает, – упрекнула она. Как вы его клали?

– Что? – спросил Франек, убеждённый, что не расслышал, поскольку храп с сеновала гремел по всему двору.

– Надо разбудить Янека, а то невозможно разговаривать, – сказала моя мамуся погромче. – Колесо сдвинуто, ничего не прикрывает, а колодец глубоко раскопан. Что все это значит?

Франек ошалело уставился на неё.

– О, господи – тихо сказал он и помчался за коровник, а моя мамуся полезла на сеновал.

Когда мы с Терезой и тётёй Ядей прибыли на место, там уже собрались все родственники. Франек стоял над колодцем и чесал голову. Марек с Эндрекком присели над каменным цоколем и светили вниз фонариками.

– Кажется, труп, – произнёс Эндрек. – На живого не похож, да и падал высоко...

– Вечная память – произнесла Люцина.

– Не юродствуй! – нервно вскрикнула Тереза. – Может, это опять какая-то скотина!

– Э-э-э, нет, – возразил Эндрек. – Человек. Руки и ноги видно.

Я заглянула в колодец. На дне глубокой ямы виднелась какая-то тёмная куча. Если присмотреться, можно было различить человеческую фигуру, лежащую в очень странной позе. Я была потрясена. Кто это может быть? – удивилась Люцина, тоже заглянувшая в глубины колодца. При этом она схватила меня за плечо и мы чуть было не грохнулись вниз. Всех, кто был в документах, мы отсеяли. Кажется, какой-то совсем новый человек...

– Может, это облизанный Никсон? – оживилась моя мамуся.

– Может. По-моему, придётся его оттуда доставать...

Тереза угрюмо молчала. Тётя Ядя, на всякий случай, дрожащими руками сделала несколько снимков. Все задумались – когда это могло произойти. Снятие страшно тяжёлого колёса, преступление, сброс трупа...

– Как же ты ничего не услышал? – набросилась я на Марека. – Когда не надо, то и кот на перине услышишь...

Марек был зол и расстроен.

– Иди в милицию, – приказал он мне. – Папа все заглушил. Было бы здорово, если сразу приедет сержант Бельский. И немедленно возвращайся, придётся здесь посторожить.

Я ещё не выехала со двора, а он уже без всякой жалости, расставил родственников вокруг трех колодцев и развалин,

категорически наказав ни кого не пропускать через границу. По возвращении мне предстояло загородить машиной проход возле коровника со стороны дороги. На этот раз сохранить следы было просто необходимо.

В милиции я повела себя коварно и нагло. Сначала я позвонила Михалу Ольшевскому и только после этого сообщила о новом преступлении.

– Опять свинья, или теперь баран? – по-деловому поинтересовался дежурный.

– Нам кажется, что на этот раз человек, – грустно ответила я.

– Ну и ну, – пробормотал милиционер с невольным уважением. – Ну и темпы у вас... Я всегда говорил, что с дачниками одни неприятности!

Я оставила его при исполнении служебных обязанностей, а сама вернулась домой – закрывать проход за коровником.

По прибытию, милиция удалила всех с места преступления, очень сдержанно поблагодарив нас за сохранение следов. Что ни говори, но упорно разравниваемый моей мамусей песок оказал им большую услугу. Вместе с властями остался только Марек, выступающий то ли в роли эксперта, то ли – свидетеля. Он стал очень похож на сержанта Бельского – определить кто из них в данный момент более зол было затруднительно...

Все происходящее у колодца мы наблюдали втроём – Михал Ольшевский, Ендрек и я. Мы уселись на балку над коровами. Остальные родственники метались внизу между бурёнками и слушали наши комментарии.

– Ползают на четвереньках, – докладывал Ендрек. – Так, будто что-то вынюхивают... Что-то делают на земле...

– Регистрируют отпечатки ног, – дополнила я, – и сравнивают их со снимками...

– С моими?.. – выкрикнула обрадованная тётя Ядя.

– И пальцев! – заорал Михал. – Они изучают отпечатки на колесе!

– Господи, там же есть и наши! – страдальчески застонал Франек.

– Какое тебе дело? Твой в самом низу, – утешила его Тереза.

– Ну! – подгоняла моя мамуся. – Говорите что-нибудь, я ничего не вижу! Эта корова мне мешает! Отодвинься, Кунигунда!

– А если не видишь, то зачем туда лезла? – ругалась Люцина. – Пропусти меня, я увижу!

Сразу над поилкой, между досками, была щель, высмотренная когда-то Люциной. Через неё можно было увидеть небольшую часть места преступления. Туда пропихивались все три сестры, поочерёдно приставляя лицо к поилке, рядом с мордой непоколебимо спокойной коровы. Увиденные фрагменты лишь усиливали их любопытство.

– Говорите же что-нибудь! – рассердилась Тереза. – Кунигунда на меня плюнула!

– Ендрек, выгони коров, – машинально произнёс Франек.

– Сейчас, – ответил с полки Ендрек. – Принялись за покойника. Подставили лестницу. Один спускается...

– Бросили ему верёвки! – выкрикнул Михал.

– А фотографии? – нервно допытывалась тётя Ядя. – Сначала должен спуститься фотограф! Они должны сделать фотографии!

– Уже сделали. Сверху. Со вспышкой...

Извлечение трупа из колодца прошло чётко, без затруднений. Из колодца одновременно показались завёрнутый в тряпку покойник и живой милиционер, поднимающийся по лестнице. Труп занял место на носилках, живой сотрудник сообщил нечто, что вызвало заметное возбуждение всех присутствующих. Вся следственная бригада начала одновременно протискиваться в колодец, Марек в их числе. Фотограф разогнал сотрудников и сверкая вспышкой, опять принялся фотографировать что-то внизу.

– Господи! Они что-то нашли!!! – заорал взволнованный Ендрек.

Михал Ольшевский наполовину потерял сознание. Он просунул голову сквозь кровлю. Снаружи это должно было выглядеть довольно странно – голова торчащая посреди крыши коровника. Он подпрыгивал на балке и издавал какие-то восклицания в пространство, внутри мы их не слышали. Тереза дёргала меня за ногу, тётя Ядя стеной держалась за глаз, в который неподдающаяся эмоциям корова попала хвостом. Моя мамуся и Люцина толкались возле поилки, выглядело это так, будто они энергично поглощали её содержимое. Без всякого уважения к собственности Франека они пытались разворотить щель между досками...

– Лезут в колодец! – кричал Ендрек. – Падают в кучу. О, господи, свалится!.. Нет, поймали... Там на дне что-то есть!...

Вся следственная бригада поочередно спускалась в колодец, причём каждый появлялся наверху с взволнованной рожей. Там лежало что-то необыкновенное. Марек тоже спустился, выбрался, посмотрел на крышу коровника и безнадёжно махнул рукой. Михал Ольшевский стал пытаться освободить голову.

– Может треснуть! – сообщила я родственникам. – Ничего не понимаю. Всем то что лежит в колодце нравится, а Мареку – нет...

– У него всегда завышенные требования, – нетерпеливо объяснила моя мамуся. – Пусть они это вынут, а вы нам расскажете!

Марек исчез из поля зрения. Я даже не обратила на это внимания, занятая наблюдением за происходящим у колодца. До меня не сразу дошло, что нас вызывают на место преступления. Те, кто был внизу, поспешили сразу, у тех, кто был наверху, возникли некоторые трудности, особенно у Михала, у которого застряла голова. Каким чудом он просунул её в ту сторону, осталось тайной, поскольку дыры едва хватало для шеи. Нам с Ендрекком пришлось прийти к нему на помощь, иначе бы он остался там навсегда.

Во дворе нас попросили опознать труп. Моя мамуся и Тереза запротестовали с такой яростью, что их освободили от этой обязанности. Франек, не сопротивляясь посмотрел и тут же остолбенел. Заинтригованная, я посмотрела тоже и остолбенела не меньше.

На носилках, в виде трупа, лежал тот самый мужик бандитской наружности, которого я видела на кладбище возле тачек. Гробовщик!.. С таким трудом вычисленный убийца! Даже после смерти он смотрел исподлобья...

По очереди остолбенели и перестали что-либо понимать и все остальные. Со вчерашнего дня мысль о гробовщике, как преступнике, прочно укоренилась в сознании, теперь мы не могли поверить, что он сам оказался жертвой. Как это понимать, было неясно. Он так здорово подходил!...

– Что все это значит? – назойливо спрашивала Люцина. – Может, он свалился туда случайно?

– Он был не один, – пробормотал Марек. – С каким-то человеком.

– Следующая жертва, защищаясь, его спихнула, – выдвинула я предположение, пытаюсь сохранить концепцию.

– А родственников и обвиняемых больше нет, – неуверенно заметила тётя Ядя.

Люцина холодно посмотрела на неё:

– Могло случиться и так, что преступление совершил кто-то не из нашей семьи. Бывали и такие случаи...

Моя мамуся подавила возникающий скандал в зародыше:

– Ну, и что там внутри? – нетерпеливо спросила она, заглядывая в колодец. – Они сказали, зачем туда лезли? Что там?

– Остатки наследства от вашей бабушки, – загробным голосом ответил Марек.

– Как это, остатки?..

– Мизерные остатки, надо заметить...

– На секунду все онемели, зато потом все вместе обрели голос и способность двигаться. Не существовало теперь такой силы, которая смогла бы удержать нас от штурма колодца. Михал Ольшевский свалился внутрь вниз головой, но к счастью успел зацепиться за лестницу, и мы смогли его вытащить. Разъярённая Люцина обзывала нас дебилами, недотёпами и растяпами, которые не способны спуститься в дурацкую яму. Моя мамуся требовала немедленного изучения дна, не обращая внимания на то, что на этом самом дне находятся работники милиции, и запихивала в колодец отца. Тереза ругала всех без разбора. В конце-концов, как-то удалось овладеть ситуацией и ознакомиться с трагическим состоянием дел.

На дне колодца лежал большой, окованный железом деревянный ящик. Труп гробовщика лежал на нем. Когда гробовщика достали, оказалось, что ящик разбит...

Клад имел такие размеры, что не помещался на дне в нормальном положении, а стоял торчком, на одном боку. Второй бок, верхний, был разбит. В замшелом дереве была пробита громадная дыра, через которую вытекло наше наследство. Преступник вытянул столько, сколько смог и сколько успел, оставив в глубине ящика только то, до чего не смог дотянуться, или то, что не пролезло в дыру. Мы тоже не смогли этого достать, пришлось ждать, пока извлекут ящик.

Милиция и сама интересовалась находкой, поэтому ждать пришлось недолго. Михал Ольшевский, то бледнея, то краснея, с набожным восхищением приступил к выгребанию остатков из замшелого чудовища. Вокруг собралось как минимум двадцать

человек, которые затаив дыхание всматривались в легендарное сокровище.

Дрожащими от волнения руками, Михал вытянул громадный семирожковый подсвечник, поднос размером с мельничное колесо, комплект столовых приборов, в котором ножи ничего не резали, ложкой можно было свалить буйвола, а вилками разбрасывать по полю навоз, часы в стиле рококо в отличном состоянии, которые хоть и не ходили, но имели целый циферблат и все стрелки, немного бижутерии, украшенную шкатулку, в которой лежал веер из настоящей слоновой кости, несколько монет из разных металлов и картину в когда-то золочёной раме. Несомненно, это был портрет прабабкиной бабушки, но невооружённым глазом этого различить было нельзя, пребывание в колодце не пошло картине на пользу. Последним, с самого дна, он вытянул плоский, длинный металлический ящичек. Некоторое время он возился с замком, а все остальные следили за его руками.

– Вот тебе твои триста жемчужин! – вдруг зло обратилась к Терезе Люцина.

– Вот именно, – съязвила Тереза. – Это достойно того петуха за одиннадцать гектаров...

– Подождите, а вдруг там кольцо... – показывая на Михала, просипела тётя Ядя.

– Какое кольцо?

– Не знаю. Бриллиантовое...

– Ха-ха! Скорее дедовский табак...

Михал наконец-то открыл ящик. Внутри не было ни кольца ни табака, а только сложенная вчетверо бумажка. Он вынул её и расправил, бросив ящик.

– Копия списка, – пробормотал он. – С примечанием, кому отдать... Если что...

Тётя Ядя подняла брошенный ящичек и стала его рассматривать. Люцина злорадно захохотала:

– Я же говорила, кому как, а у нашей семьи с этим сокровищем получится, как у Заблоцкого с мылом. А вы думали, что триста жемчужин так вас и ждут! Вторые золотые прииски за шесть долларов!...

Обиженная Тереза пожала плечами и с достоинством покрутила пальцем у виска. Михал Ольшевский, внезапно ослабевший, уселся на

кучу камней, и в отчаянии обхватил голову, не выпуская из рук бумаги.

– Боже!.. – стонал он. – О, боже!.. О, боже, мой!..

– Как это? – сказала моя мамуся с безграничным разочарованием. – Уже все? А где остальное?

– О, боже! – шёпотом выл Михал.

– Остальное забрали конкуренты, – объяснила я, не пытаясь скрыть разочарование. – Черт. А так хотелось посмотреть на этот бокал...

Сташек Бельский стоял над разбитым ящиком. Он пошевелился, посмотрел на Михала, на остатки сокровищ, ещё раз на Михала:

– Я этой сучке голову откручу, – произнёс он стиснув зубы.

Потом опомнился и поспешно добавил:

– Лично откручу. По службе.

– О, боже! – душераздирающе стонал Михал, по-видимому, неспособный придумать другие слова.

Все другие слова придумали родственники, наконец-то вышедшие из состояния ошарашенности. Первой жертвой вернувшихся сил стал отец, который напрасно начал раскапывать колодец, а за ним Марек, не разрешивший продолжить раскопки. К счастью, во всеобщей суматохе никто из них не расслышал ругательств и оскорблений, выкрикиваемых хоть и громко, но неразборчиво. Франек рвал волосы на голове, обвиняя себя в том, что сокровища пропали из-за его уборки. Люцина с сатанинским хохотом издевалась над всеми и милицией в том числе. Сташек Бельский, у которого пытались узнать загадочное значение его последних слов, как всегда сбежал. Марек, злой как бык, коротко раскритиковал себя:

– Давненько я не попадал в такое дурацкое положение, – зло сказал он, направляя свои слова куда-то в пространство, после чего отправился за сержантом Бельским.

Страсти, разгоревшиеся на остатках семейного наследства, утихли только к вечеру. Энергичная деятельность властей, которые только теперь поверили в существование прабабки и её наследства, привела к многочисленным ценным открытиям. Беглецы вернулись, объяснения обрушились лавиной, и интерес заглушил сожаления по утрате.

Сержант Бельский сразу же сообщил, что чувствует себя лично ответственным за наше пропавшее наследство. Он сам доставал документы из-под пола в подвале, сам посоветовал закрыть колодец

тяжёлым предметом, и сам не предвидел последствий. Он слишком поздно сопоставил события.

– Адам Дудек – мой родственник и порядочный человек, – решительно начал он. – Но его жена – это хищная гангрена, такая жадная до денег, что не дай бог. Я должен был догадаться, что она что-нибудь скомбинирует. Она одна могла показать все тому, кто крутился здесь в прошлом году, по описанию он подходит точь-в-точь, зовут его Джон Капуста, чтоб ему пусто было. Я прижал эту заразу, и она все рассказала...

Дело очень заинтересовало нас, поэтому Сташек Бельский прижатый вопросами, немного злой, немного гордый собой, выдал подробности этого «прижатия». Он отправился к Хане Дудковой и решил добиться успеха внезапно:

– Очень странно, что вы не смогли продать эти бумаги тому человеку, который к вам приходил. – Недовольно сказал он без всяких предисловий. – Этому, как его там, Капусте. Он хоть заплатил за прокат?

Известия о сенсационных событиях в хозяйстве Франека разошлись по округе со скоростью стрелы, и Ханя о них знала. Сокровища из колодца выросли до таких размеров, по сравнению с которыми сезам выглядел просто угольным ящиком. Ханя связала в уме факты, прикинула стоимость бумаг, происходящих из её собственного подвала и сильно разозлилась.

– Заплатил! – яростно набросилась она на Сташека. – Он мне и гроша не дал! Говорил, что для него это ничего не стоит, сволочь такая! Задаром читал, а ещё и записывал! Простить себе не могу!

– Понятно, – ехидно сказал Сташек. – Вы остались в дураках, а он сбежал со всем добром. На вашем месте, я бы не упустил возможности поймать негодяя и все у него забрать. Пусть и ему ничего не достанется!

– Лишь бы его поймать!...

– Это не сложно. Вы запишите в протокол, когда он это читал и сколько времени, и уже появятся основания для его задержания. Он отучится мошенничать!

Таким простым методом, в течение двух минут, сержант получил поддержку горячей мести Хани, которая за полчаса до этого поклялась себе, что ни какая сила не вырвет из неё ни одного слова о

Джоне Капусте. На половине признаний она опомнилась настолько, что отреклась от желания продать документы, мотивируя свои действия обычной, невинной любознательностью. Злой на неё Сташек Бельский принял эту версию исключительно из-за лояльности по отношению к родственнику.

– Я даже посадить её не могу, – произнёс он с искренним сожалением, – нет оснований. А если разобраться, это она вызвала весь этот переполох...

– Переполох был бы и без неё, – утешил его Марек. – Гробовщик хорошо сторожил. Зато, благодаря ей, понятно, кого искать.

Тяжелее всего было то, что вся семья или одновременно молчала или одновременно говорила. В кухне Франека, которая последнее время превратилась в конференц-зал, некоторое время разыгрывались просто неприличные сцены. Каждому хотелось узнать что-нибудь своё и каждому хотелось узнать это что-нибудь немедленно. Победительницей в баталии вышла Тереза, которая хлопнула по столу собачьей миской, разбрызгав по присутствующим остатки каши.

– Тихо!!! – крикнула она. – Всем молчать, говорить по очереди! Узнаю я наконец, кто убивал людей? Гробовщик?

– Гробовщик, – одновременно ответили Марек и Сташек Бельский.

– Конечно, гробовщик, – обиженно вставила Люцина. – В следующий раз пользуйся сковородкой, собачьей каше я предпочитаю человеческую яичницу. Я с самого начала говорила, что гробовщик прогонял Менюшко!

– Ну, не сначала, а с середины, – упрекнула её моя мамуся.

– Похоже на то, что поколения гробовщиков с большим упорством охраняли наше наследство, – заметила я. – Старый с большим упорством прогонял разнюхивающего Менюшко, а теперешний сделал следующий шаг и радикально устранял искателей.

– Хорошо, все это прекрасно, но откуда о наследстве узнал гробовщик? – поспешно спросила тётя Ядя. – Может мне кто-нибудь объяснить? Предыдущий, теперешний и вообще все?..

Сташек Бельский посмотрел на Марека. Марек недовольно скривился. Люцина перестала собирать с себя кашу и глаза её заблестели:

– Даю голову на отсечение, что он знает! – крикнула она.

– Это служебная тайна? – спросила я сержанта.

– Э-э-э, нет... Как-то все глупо, – озабоченно ответил сержант. Я не уверен, должен ли я это знать официально... Он знает лучше.

– Он был при освящении, – предположил Франек, обгоняя Марека. – Коня и телегу проглядеть невозможно. А потом наверное подглядывал... Так это было, или нет?

– Ну, скажи же, наконец! – не вытерпела я. – Ты же говорил со священником!

– Я вам отвечу вместо него, – таинственно произнесла Люцина. – Старый гробовщик подглядывал и решил, что в колодце спрятали сокровища...

– Очень правильно решил, – вмешалась Тереза.

– Он рассказал об этом своему потомку, не знаю сын это был или внук, я в этом запуталась. Они хотели забрать сокровища себе, но не могли копаться в присутствии деда, кроме того, они могли перепутать колодцы. Они их тщательно охраняли, и в конце-концов обрели уверенность, что это их собственность. Этот теперешний гробовщик был очередным обладателем тайны, он также считал, что сокровища принадлежат ему, также не мог их достать и также не позволял достать никому другому...

– Откуда ты знаешь? – вдруг поинтересовался Марек.

– Ну наконец-то его попустило, – сердито пробормотала Тереза.

– Ниоткуда не знаю, – очень довольно ответила Люцина. – Вычислила. Ты же просил нас подумать.

Марек присмотрелся к ней с явным удивлением.

– Вот как здорово получается, если вам ничего не говорить, а заставлять думать... По моему мнению – гениальная догадка. Так все и было. Этот последний оказался примитивным маньяком, которому даже не хотелось доставать сокровища, достаточно было быть их обладателем. Он защищал свою собственность и считал, что имеет на это право.

– Интересно, почему он и нас не поубивал? – удивилась я. – Между нами говоря, все наши предосторожности никуда не годились. Если бы он немного постарался, не знаю, ушёл бы кто-нибудь живым...

– А вот здесь было препятствие, – живо произнёс Марек, которому размышления Люцины пошли явно на пользу. – Он

сомневался, не имеете ли и вы прав на сокровища. Думать он не привык, а этой неуверенности хватило, чтобы не трогать никого из Влукневских. Просто так, на всякий случай. Он никого из вас не убивал, а просто мешал, возможно, что он собирался все отобрать у вас силой, после того, как вы достанете клад. Очевидно, он не имел понятия, что там лежит.

– Это ты у священника узнал? – поинтересовалась Люцина.

– В некоторой степени. Священник не мог выдать тайну исповеди, но был очень обеспокоен ситуацией. Зато он мог рассказать то, что слышал от своего предшественника, а об остальном нетрудно было догадаться...

– Может, то, что облизанный Никсон его убил и к лучшему, – несколько неуверенно сказала моя мамуся.

Сташек Бельский зашевелился и подвинул кресло к столу:

– В этом-то, извините, все и дело, он его вовсе не убивал...

– Как это? – обиделась Тереза. – Что получается? Он покончил жизнь самоубийством?

Сташек Бельский спокойно посмотрел на неё и собачью миску, и отодвинулся как можно дальше.

– Нет. Скорее не самоубийство. Но и в преступлении можно сомневаться, разве что тот, второй, его толкнул. Их было здесь двое. Удалось узнать довольно много, но будет лучше, если обо все расскажет он...

К сержанту Бельскому Марек относился с симпатией, поэтому принялся за объяснения. Оказалось, что уцелевшие следы позволяли предположить как убийство, так и несчастный случай. Вокруг колодца крутились две пары ног в разных ботинках, на колесе от трактора отпечатались две пары рук, одна голая, другая – в кожаных перчатках. Руки не делали ничего необычного, но ноги расширили область деятельности, не останавливаясь на просто топтании. Одна пара споткнулась о камень, а другая поскользнулась у цоколя, возможно, в этот момент её владелец и свалился в колодец. Узнать степень участия владельца первой пары невозможно. Внутри колодца спускались все ноги и все руки, причём, человек, оставшийся в живых, выходил только раз, несомненно в самом конце, поскольку самыми верхними были следы перчаток.

Все указывало на то, что гробовщик и облизанный Никсон неизвестным способом нашли взаимопонимание. Воспользовавшись храпом отца, они общими силами оттащили колесо, раскопали колодец, разбили ящик и вытянули из него все, что удалось. Гробовщик работал внизу, а облизанный Никсон вытягивал мусор наверх. Потом гробовщик свалился вниз и умер на месте, а облизанный Никсон смылся с вещами. Как они решили вопрос взаимного доверия, понять не удалось, возможно, каждый из них намеревался воспользоваться помощью другого, а потом свернуть ему шею или устранить другим способом.

Точное исследование всех следов вокруг забора Франека и по всей деревне, выполненное, следует отметить, на конкурсной основе, показало, что у похитителя сокровищ был велосипед. На этом велосипеде он пару раз съездил от нашего двора к тому месту за деревней, где долгое время стояла какая-то машина. Шины подходили к «Форду». Рядом с колодцем, частично на камнях, частично на сером песочке, лежал кусок ткани или пластика, на котором лежали какие-то тяжести, велосипед курсировал по трассе ткань – автомобиль. Из этого следовало предположить, что преступник, избавившись от конкурента, перевёз добычу к автомобилю бесшумным средством передвижения. Неоднократное возвращение указывало, что как тяжесть, так и объём добычи оказались довольно солидными. Наверняка, добыча заняла всю машину, по самую крышу, тем более, что туда должен был поместиться и складной велосипед с небольшими колёсами. Подобного велосипеда во всей округе не нашли.

– Я вам могу сказать одно, на границе его поймают, – уверил нас Сташек Бельский, когда Марек закончил. – Даже если бы они не получили от нас никакой информации, они не пропустят машину по самый верх забитую предметами старины. Это хорошо.

– Сейчас туристический период, – предупредила я. – Он мог попрятать все в чемоданы и пробраться в толкучке...

Михал Ольшевский на мгновение перестал полировать семирожковый подсвечник, который оказался серебряным, арабским и страшно древним. Он прижал его к груди и поднял голову. В глазах его блеснула надежда.

– С чемоданами не получится, – рассудил он. – По оставшемуся я вижу, что все сходится. В чемоданы все не поместится, даже если

выбросить все остальное и оставить только их. Но тогда таможенники проверят.

– Кажется, самые большие предметы он оставил... – меланхолически произнесла Люцина, показывая подбородком на подсвечник и блюдо.

– Ерунда. Были ещё два таких. Вы сами видите, куда они могут поместиться... У одного из них были рожки во все стороны, таких толстых чемоданов не бывает. А вообще, этот сундук... Я его измерил. Метр на метр на два. Большие тюки – да, но не чемоданы!

Сержант Бельский согласился с ним и кивнул.

– Беспокоит меня только одно, – озабоченно сказал он. – Отсюда он уехал очень рано, возможно, ещё до рассвета. А раскапывать колодец они не могли до темноты, так? И до того, как вы пошли спать? Темнеет часов в десять, а к трём утра уже светло. Допустим, они начали в одиннадцать, а уехали в три. Сколько у них было времени? Три часа с хвостиком. Гробовщик, конечно, имел сноровку, но как они успели не понятно, все-таки глубина колодца больше пяти метров. Как они успели?

– Я и сам задумывался, – с горечью произнёс Марек. – Кажется, я догадываюсь, но не уверен...

– Они копали каждый день понемногу, – подсказала Люцина.

– Ты что! – обиделась моя мамуся. – Я же разравнивала песок!

– Вот именно, на этом разровненном было маловато следов, – пробормотал Марек.

– Вы думаете?.. – оживился Сташек Бельский.

Тётя Ядя внезапно издала взволнованный крик.

– Слушайте!... Это можно проверить!... Я же каждый день фотографировала!...

Плётка тёти Яди рассеяла сомнения сержанта. Скрупулёзное изучение всех кадров и разглядывание отпечатков через лупу продемонстрировали необычайное коварство противника и одновременно тупость всех родственников. Преступники копали не одну ночь, а две, и двух ночей оказалось достаточно. Первый раз они постарались положить колесо от трактора точно также, как оно лежало, но количество камней вокруг ямы немного возросло, не создав заметной разницы.

– Разложили равномерно, – подтвердил Марек. – На их месте, я бы и сам так сделал. У них было две корзины. Тот, что внизу нагружал, а верхний разносил по одному камню. Вот, здесь видно... Положил здесь... И здесь... Очень ловко...

– Как же ты не заметил! – с упрёком крикнула Люцина.

– Как я мог заметить? Я же не считал эти камни поштучно! Если бы свалили в кучу, я бы сразу заметил! Но все равно я должен был обратить внимание на отсутствие следов, три следа собаки и все! А куда делись коровы и люди?.. Надо было заглянуть под колесо, не знаю, что со мной случилось... Я же предупреждал, что с вами становлюсь идиотом!

Моя мамуся и Тереза обиделись на него. А Люцина, наоборот, обрадовалась.

– На этот раз мы поменяли настоящие сокровища на пятьдесят тонн зёрна, – сказала она со злорадным смехом. – Все-таки больше, чем петух, есть какой-то прогресс...

Франек посмотрел на неё, как раненная лань, но Люцина забыла о милосердии:

– Уборка прошла на славу, этого тебе не забыть, – безжалостно продолжала она. – Все благородно делали свою работу, каждый на своём участке, мы там, а они здесь. Подсмотрели, как моя сестра разравнивает землю, это была замечательная идея, принесли с собой грабли и тоже все заровняли. Это облизанный Капуста все выдумал, я уверена! Крупный мошенник!

– Нашла чему радоваться! – сердито фыркнула Тереза. – Интересно, что он придумал, чтобы переехать границу...

Про это мы тоже скоро узнали. Из пропускного пункта в Швечеке пришла информация, значения которой мы не могли оценить сразу, её страшный смысл доходил до нас постепенно. А когда дошёл, нам стало страшно.

Джон Капуста переехал границу вчера примерно в двенадцать тридцать, как раз тогда, когда Сташек Бельский приступил к дипломатичной обработке Хани Дудковой, и за два часа до того, как пропускной пункт получил приказ о необходимости задержать вышеупомянутого Капусту. В момент получения приказа Джон Капуста уже находился в Западном Берлине, где либо пребывает до настоящего времени, либо улетел самолётом, поскольку ни на одной

другой границе ГДР больше не появлялся. Милиция ГДР проверила все это достаточно быстро и очень любезно, не отдавая себе отчёта в том, какие страшные вести приносит.

Кроме всего, ещё немного и этот Джон Капуста переехал бы через границу вообще без проверки. В туристский период границу ежедневно пересекают тысячи автомобилей, проверяются только подозрительные, а никто не сообщал, что жёлтый форд, неоднократно приезжавший в Польшу и ничем себя не скомпрометировавший, именно теперь подозрителен. Чисто случайно в фольксвагене, ехавшем перед фордом, разболтались дворники, владелец фольксвагена где-то потерял гаечный ключ и владелец форда одолжил ему свой. Нетерпеливо ожидающий их отъезда таможенник осмотрел не только салон форда, в котором на заднем сиденье лежал только маленький чемоданчик, но и багажник, из которого Джон Капуста вынимал гаечный ключ. В багажнике лежал красивый набор инструментов, небольшая канистра и очень грязные покрышки. Больше ничего. Таможенник исключает, что этот форд мог перевозить контрабанду объёмом с большой шкаф.

– Ничего не понимаю, – недовольно сказала Тереза, прослушав известия с границы. – Он проехал в полдень и ничего с собой не вёз. В таком случае, может это вообще был не он?

– В том, что это он сомнений нет, – твёрдо сказал сержант Бельский.

– Он проехал, – сказала Люцина, – но он ли украл? Он ли здесь крутился с этим гробовщиком?

– Никто другой в расчёт не принимается, – с той же убеждённой уверенностью проинформировал Марек.

Пришлось им поверить. Начинания Джона Капусты тем более казались непонятными. Я начала рассчитывать.

– Подождите, допустим он выехал отсюда в два часа. Ехать ему было... километров шестьсот. Фордом, да ещё утром, получается семь часов, пусть восемь, наверняка он ехал без остановок. С двух до двенадцати тридцати...

Я посчитала на пальцах.

– Десять с половиной часов. Пусть десять. Он не только успел, но и имел два часа форы...

– Ну, хорошо, – остановил меня разнервничавшийся Михал. – Но что он сделал с сокровищами? На границе же их не было!

– Не было... Но отсюда вывез...

– Это просто, – сказал Марек. – За эти два часа он их где-то оставил. Ты уверена, что у него были эти два часа?

– Если он хорошо ехал, то даже два с половиной...

– Ему не нужны были два часа, – пренебрежительно прервала Люцина. – Достаточно было десяти минут. Договорился с сообщником, перегрузили в другую машину, и все. Он был бы идиотом, если бы вёз это с собой.

Сташек Бельский и Марек посмотрели на неё, Сташек с выражением почти полного отчаяния, Марек – без всякого выражения.

– Исключено, – произнесли они одновременно, после чего Марек добавил. – У него не было никакого сообщника, и речи быть не может.

– Откуда ты знаешь?

Все время, пока меня здесь не было, я посвятил проверке его контактов. У него много разных знакомых, но ни одного, которому он мог бы доверять. Отпадает.

– В таком случае, он действительно все оставил. Если нам удастся туда попасть...

– Поехали туда! – с большим оживлением предложила моя мамуся.

– Куда?!..

– Туда, где он все оставил!

– А можно узнать, где это?

– Там где он ехал. Вы же сказали, что знаете как он ехал...

Три человека издали одинаковые по интонации стоны. Михал Ольшевский неожиданно поддержал мою мамусю:

– Мы можем подумать! – с задором предложил он. – Мы ведь знаем направление! На запад! От этой трассы куда-то вбок!..

Через пятнадцать минут стол Франека был обложен всеми доступными нам картами отечества во главе с моим автомобильным атласом. Случайно при мне оказалась и автомобильная карта Европы, у Сташека Бельского – автомобильная карта Польши одним листом, а Ендрек вытащил школьные карты своей сестры. Где-то на трассе от Воли до границы Джон Капуста, располагая двумя с половиной часами преимущества, должен был свернуть с шоссе в сторону, спрятать

награбленное и вернуться. Мы сравнили время езды и расстояния и пришли в ужас. Если он отказался от отдыха и приёма пищи, то мог отклониться с трассы на целых восемьдесят километров! Восемьдесят километров на юг или на север, в любом месте всей дороги от Воли до границы, а это не меньше шестисот километров.

Я подсчитала на бумаге, потому что начала путаться в нулях. Восемьдесят в две стороны – это сто шестьдесят, умножить на шестьсот...

– Девяносто шесть тысяч квадратных километров, – объявила я. – Не знаю успела бы свора гончих псов обнюхать столько за одно поколение. Во всяком случае, я не в силах. Спрятать он мог везде. И наверняка место подобрал заранее.

– Так точно! – с нажимом подтвердил Сташек Бельский. – Отсюда забрал, ничего не вывозил, доверенного человека не имел, значит спрятал где-то по дороге. В присмотренном месте, а мы уже знаем, что он путался по всей Польше...

Только теперь страшная правда дошла до нас во всей своей красе, все опустили руки. Три четверти загадки были разгаданы великолепно, таинственный преступник раскрыт, мотив известен, личность злодея тоже, пропало только наше наследство, найденное с таким трудом! Бесценные сокровища пошли ко всем чертям, а его получение без участия негодяя Капусты оказалось невозможным...

Михал Ольшевский, бледный, сгорбившийся и почти близкий к плачу, немного подёргал волосы на голове, после чего заломил руки. Из всей семьи он один знал настоящую стоимость похищенного. Найденная в ящичке копия позволила ему прочитать стёршиеся в оригинале строчки, и теперь не было способа заставить его примириться с утратой.

– Что же делать, скажите, что же делать?! – горестно застонал он. – Мы же не спросим его, где он все это спрятал, он сюда теперь и носа не сунет! К нашим границам и не приблизится! Что делать?!..

– Ехать за ним, не раздумывая предложили Люцина.

– Сумасшедшая – сердито произнесла Тереза.

– Слушайте, – сказал Сташек Бельский, у которого пол часа назад закончилось дежурство, теперь он принимал участие в совете частным образом. – Это совсем не плохая мысль. Он действительно ни за что сюда не вернётся, но может выкинуть другой номер. Пришлёт какого-

нибудь парня, про которого мы ничего не знаем, расскажет ему что и где, парень найдёт, вывезет и ищи ветра в поле. Там, где он теперь, доверенный человек найдётся. Надо бы его найти и прижать, пока он не успел.

– Я же и предлагаю, ехать за ним! – с энтузиазмом повторила Люцина.

– Кто должен ехать?! – набросилась на неё Тереза. – Может я?!

– Конечно ты, кто ещё? У тебя одной есть паспорт и деньги.

– У меня тоже есть паспорт! – отчаянно выкрикнул Михал.

– Очень хорошая мысль, – подтвердила я. – Надо взять его адрес. Все адреса, возможно у него их несколько. Ехать должна Тереза – только она знает его лично. Франек его тоже знает, но у него нет паспорта.

– Боюсь, что это единственный выход, – поддержал меня Марек.

– Вот именно, – добавила Люцина с нарастающим облегчением. – Пускай едут вместе, Тереза и Михал. Тереза его узнает, а Михал прижмёт...

Тереза бросилась на неё выпустив когти:

– Дура, ты думаешь я буду драться с этим бандитом?! Чтобы он и меня куда-то спихнул?! Где я буду его искать?!..

– Ты же слышала, что есть адреса, – начала успокаивать её моя мамуся.

– Я бы сама поехала, но пока я оформлю паспорт пройдёт пара недель, – грустно сказала я. – Там стоят такие очереди, как отсюда до Америки.

– Я бы тоже поехала, – призналась Люцина, – но у меня тоже нет паспорта. Если у него есть...

– Еду! – горячо объявил Михал. – Один черт, собирался! Мне все равно! Буду мыть горшки на заправочных станциях!

– Как раз на заправочных станциях очень много невымытых горшков, – едко заметил Марек. – Надо бы в конце-концов узнать через какую границу он переехал, не сидит же он в Западном Берлине...

– Это можно, – вмешался Сташек Бельский.

– И вы действительно думаете, что я поеду гоняться по Европе за каким-то гангстером?! – со страхом крикнула Тереза. – Вы все чокнулись?!..

– Придётся, – убедительно произнесла я. – Ничего не поделаешь. Ты же не упустишь столько добра. Ни родимая Отчизна, ни твоя семья в достатке не тонут. Это большая потеря, а может в конце-концов наша настойчивость будет награждена...

Тереза взбесилась. Михал Ольшевский, увидев перед собой блеск надежды, принял в переговорах самое энергичное участие. Вся семья образовала на редкость монолитный фронт, направленный против Терезы. Необходимо ехать за Капустой, то бишь облизанным Никсоном и вытащить из него признание – что он сделал с наследством предков. После получения информации можно пообещать ему относительное спокойствие. Тереза в истерике спрашивала, не думаем ли мы, что она будет подпаливать ему пятки, тем не менее она начала ломаться. Семейное давление оказалось выше её сил.

– Ну, подождите, я буду висеть на вашей совести! – грустно пригрозила она.

Семейная совесть оказалась твёрдой, как гранитная скала. Прежде чем ошеломлённая, оглушённая и смертельно испуганная Тереза успела оглянуться, мы уже все обговорили. Быстро, но неизвестными путями, мы получили информацию, что Джон Капуста гражданин США, во-первых – постоянно проживает во Франции, где обладает сразу двумя резиденциями, одной в Париже, неподалёку от дворца Республики, а второй – в Руане. Во-вторых, несомненно оставил территорию Западного Берлина, поскольку на следующий день после бегства из Польши приземлился в аэропорту Ле Бурже. Францию он пока не покидал, разве что под чужим именем.

Я лично отправилась с Терезой во французское посольство за визой. У Михала Ольшевского французская виза была, потому что в августе он выбирался во Францию в отпуск. Общими силами мы уладили все формальности и купили билеты на самолёт. Естественно, за деньги Терезы, которая после диких взрывов протеста впала в безнадежное отчаяние и превратилась в безвольную жертву, отправляемую на бойню. Ей остались только рефлексy.

Среди потока добрых советов, сыплющихся отовсюду, в вечер перед отъездом я дала ей ещё один:

– А когда будете в Париже, в свободную минуту сходите в Венсенский лес, – таинственно сказала я.

– Зачем? – с издёвкой, но неуверенно спросила Тереза.

– За конями. В Венсенском лесу рысистые бега.

Тереза машинально постучала себя по голове, но Михал проявил интерес:

– И что? Там можно играть? Как там играют?

– Так же как на гармошке, – любезно подсказала Люцина.

Тут меня посетила свежая мысль:

– Вы хоть раз в жизни были на бегах? – спросила я Михала. – Когданибудь играли?

– Нет, никогда. Я вообще не знаю, как это делается.

– А вы случайно родились не в апреле?

– Нет, в ноябре.

– Очень хорошо. С апрельскими не получается, а со всеми остальными – да. Сходите туда обязательно и поставьте на что попало. Если кто-то на бегах впервые, он обязательно выигрывает. А второй раз наоборот...

– Прекрасно! – обрадовался Михал. – А как делать ставки.

– О, боже... – со страхом сказала Люцина.

Не слушая протестов всей семьи, я дала ему подробные инструкции как по игре, так и по оценке коней. Некоторые трудности доставила привычка пользоваться датскими сокращениями и датской ипподромной терминологией, которую мне не приходилось переводить на польский язык, поскольку в Польше рысистых бегах нет. Михал слушал с большим вниманием, записывая почти все, что я говорила и пытаюсь представить себе, как это будет по-французски.

– Жаль, что мы едем не в Копенгаген, – пожалел он. – Ну ничего. Может этот Капуста переедет в Данию, а тогда и мы за ним.

– А может в Аргентину, – сказала Тереза каким-то странным голосом. – А может на северный полюс. А тогда и мы за ним!..

Люцина с беспокойством посмотрела на сестру.

– Пусть они быстрее едут, – сказала она мне вполголоса. – Пока её страх не усилился...

– Самолёт у них завтра, – ответила я. – Дайте ей валерьянки и присмотрите, чтобы ночью...

* * *

Осмотревшись в комнате, снятой за 10 франков, Тереза несколько оттаяла. Владелица большого дома вела что-то вроде небольшого пансиона, и сдавала комнаты исключительно избранным особам, к числу которых принадлежал и Михал. Париж оказывался дешевле Канады, в нем можно было и пожить.

Полученный в Польше адрес был настоящим. Консьержка, сидящая у входа в элегантный особняк, подтвердила факт проживания на третьем этаже месье Капусты, но одновременно вежливо сообщила, что месье Капуста уехал в Руан. Тереза и Михал не раздумывая отправились в Руан, боясь не застать его там.

Они обнаружили довольно красивую виллу в предместье. Вилла стояла на виду, несомненно заселённая и используемая, о чем свидетельствовали открытые окна и раскормленный кот, однако на звонки никто не ответил. Кот, растянувшийся на солнышке, проявил полное безразличие. Они долго изучали через забор ухоженный газон.

– По-моему, придётся прийти сюда попозже, – неуверенно сказал Михал. – А пока мы можем посмотреть собор. Вы видели местный собор? Это готика.

– Может, и готика, но я бы перекусила, – уныло ответила Тереза. – Пообедала или просто поела. Я есть хочу. Где здесь можно поесть?

– Везде. Пообедаем, потом посмотрим собор, а потом вернёмся.

Они поели и отправились изучать памятники старины. Восхищённый излюбленным зрелищем, Михал почти забыл о цели приезда. Проводником он оказался прекрасным, но утомительным, едва поспевающая за ним Тереза наверняка задохнулась бы, не повстречайся им витрина антиквара. Михал внезапно замедлил шаг и врос в землю. Тереза перевела дыхание:

– Что вы там увидели? – спросила она с лёгким раздражением. – Мне уже надоела эта экскурсия. Я ног не чувствую.

– Это наше, – хрипло произнёс Михал, уставившись на красивую, большую, серебряную сахарницу.

– Что наше?

– Эта сахарница. Наша.

– Как наша? Наша личная? Из колодца?

– Нет, ворованная. Станислав Август заказал себе небольшой сервиз, видите буквы? Черт возьми, уже в первую мировую об этом

почти никто не знал. Я подозревал, что она здесь, но не думал, что её выставят на продажу. Наше, и разговоров нет!

Тереза испуганно посмотрела на сахарницу:

– Мы это заберём?..

– Нет, нельзя. Просроченное дело. Но могли бы купить.

При мысли, что ей не надо вламываться в магазин и воевать с владельцем, Тереза испытала такое облегчение, что даже согласилась войти и спросить цену. Внутри Михал потерял контроль над собой:

– Вот этот канделябр в стиле барокко из Виланова, видите? – громко шипел он, со все силы сжимая её локоть. – Его похитили двести лет назад. А здесь остаток сервиза, видите?.. Людовика шестнадцатого трогать не будем, этот фарфор слева, видите? И все это должно быть у нас, видите сколько лет мы только теряем?!..

Тереза попыталась вытащить локоть:

– Отпустите меня, черт, я же не сбегу! Воровать я не стану, исключено! Можете спросить, сколько это стоит...

Михал отпустил её локоть и спросил цену на сахарницу. Она была даже доступной – одиннадцать тысяч франков. Тереза пересчитала в уме на доллары, побледнела и медленно покинула магазин. На улице ей пришлось подождать, поскольку возбуждённый и взволнованный Михал остался внутри. Появился он не скоро. Он опять схватил Терезу за локоть и широким шагом двинулся вперёд.

– Знаете, что я узнал?! Вы знаете, кто живёт на вилле Капусты?! Владелец! Владелец магазина! Антиквар! Его зовут Турелль, Август Турелль. Я его знаю, то есть не знаю, а слышал о нем. Раз он живёт на вилле Капусты – это одна шайка, возможно, Капуста ворует для него! Он должен что-то знать. Дома будет в семь. Он скупает наши вещи!..

Свободной рукой Тереза уцепилась за фонарь и остановила разогнавшегося Михала.

– В таком случае, куда мы так летим?! Ещё только пять! Я больше не могу, мне надо сесть!!!..

– Что?.. А, действительно... Ну хорошо, можем где-нибудь присесть...

В семь вечера месье Турелль оказался дома и очень вежливо принял неожиданных гостей, что страшно удивило Терезу, поскольку нанесение визитов без приглашения было для неё дурным и недопустимым поступком. О Джоне Капусте он рассказал не много,

хотя от знакомства с ним отказаться не мог, поскольку жил в его вилле. Он даже признался, что да, месье Капуста был здесь вчера, но уже уехал обратно в Париж, а где его можно найти, например завтра, он не знает. Месье Капуста ведёт очень подвижный образ жизни. Ему очень жаль, что он ничем не может помочь. Вряд ли этот визит дал хоть какую-то пользу, если бы не помощь мёртвых предметов. Внутренне убранство виллы представляло собой музей, о каком Михал не мог и мечтать. В первое же мгновение он высмотрел все, что было украдено в Польше после первой мировой войны и теперь украшало стены и витрины. Вдруг он не выдержал, остановил соболезнования месье Турелля и внезапно объявил ему, что тот скупает краденное. Скупает, наверняка, у Джона Капусты, и он, Михал, знает об этом точно. Он удивляется необычайному легкомыслию месье Турелля, который выставляет эти предметы публично.

Сначала у месье Турелля отнялась речь, потом он обиженно ответил на клевету. С этого момента Тереза перестала принимать участие в беседе, поскольку ни у кого не было времени на объяснения. Михал хладнокровно показал пальцем на вазу семнадцатого века, которая не так давно и отнюдь не легально покинула страну. Месье Турелль немного покраснел. Вооружённый своими нетривиальными знаниями, Михал отправился в обход по коллекции, обнаруживая все новые шедевры сомнительного происхождения. Месье Турелль потерял остатки вежливости и стал проявлять все более живые эмоции, выкрикивая что-то про срок давности. Михал немного запутанно отвечал строчками законов, касающихся возвращения украденных произведений искусства. Месье Турелль с яростью схватил серебряный кубок, принадлежащий когда-то Зигмунту Августу, и стал ехидно интересоваться, не должно ли и это вернуться как краденное. Помня о начинаниях королевы Боны, Михал пламенно подтвердил. Месье Турелля хватил удар.

Эффект этой авантюры оказался неожиданным. Разнервничавшийся до бессознательного состояния месье Турелль, вместо того, чтобы выбросить из дома невоспитанного молокососа, ни с того ни с сего предал своего хозяина. Этого Капусты с него уже хватит, он давно подозревал, что он мошенник и аферист, он больше не хочет с ним связываться, ничего сомнительного у него больше не покупает и завтра же заплатит ему наличными за эту виллу. Свою

добычу Капуста продаёт перекупщику в Париже, там и надо искать свои краденные вещи! Но не здесь, не у него, порядочного человека!

При упоминании о перекупщике из Парижа, Михал отцепился от наследства королевы Боны. Ослабший месье Турелль без сопротивления дал его адрес. Это был некий месье Шарль, то есть по-польски просто Кароль. Правда адрес выглядел немного неточно. Месье Турелль помнил название улицы, но не помнил номера дома, это должен быть просто жёлтый домик с балкончиками по нечётной стороне улицы. Фамилии пана Кароля месье Турелль тоже не дал, утверждая, что в тех кругах пользуются исключительно именем, зато охотно описал его.

Таким образом появился новый человек, которого предстояло поймать. Джон Капуста был неуловим, привратница в его доме утверждала, что его нет и вообще не было, пан Кароль оставался последним спасательным средством. Он должен был что-то знать! С упрямой надеждой Михал отправился на охоту.

Улица оказалась чертовски длинной, жёлтые дома стояли почти на каждом шагу, а именем Кароль пользовался без малого каждый второй представитель мужского пола. Несколько помогало описание, сразу отсеивающее все толстых, больших, полностью лысых и косых, дополнительной трудностью было то, что Михал не имел понятия, как узнать перекупщика. После дипломатических расспросов с него рекой тёк пот, а Тереза, в разных кафе ожидающая результатов, от одного его вида начинала все больше нервничать.

– А как вы его собственно ищите? – неуверенно спросила она, когда Михал решил минутку отдохнуть. – О чем вы спрашиваете?

– По-разному. В основном я хочу продать иконы. Я придумал самые редкие и очень дешево, нет перекупщика, который бы на это не клюнул. Хорошо, что я не был в Советском Союзе уже восемь лет, а то бы меня начали подозревать...

Тереза глубоко задумалась:

– Попробуйте покупать, – посоветовала она. – У него как раз может не быть денег.

– На такие иконы он бы нашёл. Ну, ладно, попробую покупать...

Только поздним вечером промелькнула искра надежды. У портного с первого этажа, полностью выложившийся Михал узнал, что да, в этом доме живёт месье Шарль. Портной тоже живёт здесь и знает

его уже много лет. Он описал внешность: лысеющий, мелкий брютетик, худой, с большим носом. У него есть лакей.

– Что есть? – спросил удивлённый Михал.

– Лакей. Да, теперь это редкость, и тем не менее у него есть. Он может себе позволить. Живёт он во флигеле, в квартире четырнадцать.

Тереза опять осталась ждать в ближайшем кафе.

Наполнившись решительности, но немного сбитый с толку лакеем, Михал отправился на разведку. Двери под номером 14 открыло настоящее чудовище. Громадный мужик похожий на быка, могучий, с бандитской челюстью, в рубашке и полосатом камзоле. Несомненно это и был лакей. Без всякого сопротивления он подтвердил наличие пана Кароля и провёл гостя в дом.

Стоя посреди комнаты и осматриваясь, Михал с лёгким беспокойством отметил отсутствие каких-либо следов перекупческой деятельности владельца в области антиквариата. Обстановка была абсолютно современной, элегантной и даже шикарной. Это несколько утешало, поскольку предыдущие посещения не свидетельствовали о состоятельности владельцев. Здесь хоть было видно, что у хозяина водятся деньги, Михал начал сомневаться, с чем к нему обратиться с куплей или с продажей. Прежде чем он принял решение, появился пан Кароль.

– Я вас слушаю, – вежливо сказал он. – Чем могу служить? Сразу предупреждаю, у меня много работы и я даю большие сроки, особенно если это касается рыбы.

От этой рыбы Михал первоначально одурел:

– Нет, не рыбу... Я хотел... То есть, я надеялся...

– Я надеюсь, это свежее?

– Не знаю... Что свежее?..

– Ваш объект. Что у вас? Животное? Птица?

– Нет у меня никакой птицы, – сказал Михал которому пришло в голову, что пан Кароль пользуется каким-то кодом. – Меня прислал Джон Капуста.

– Пан Джон Капуста? – задумался пан Кароль. – Не припомню. А что он у меня набивал?

Начиная с этого момента, несколько минут, они разговаривали, как гусь с поросёнком. Пан Кароль с непробиваемой вежливостью упорно придерживался фауны, а Михал прицепился к Джону Капусте.

Он описал его внешний вид, настаивая на том, что Джон Капуста приносил сюда разные вещи, которые он хотел бы получить. Цена безразлична. В конце-концов пан Кароль вспомнил такого клиента:

– Ах, да, – радостно произнёс он. – Уже знаю. У него был индюк. Прекрасный экземпляр. Но он его уже забрал.

Михал молчал, потеряв возможность пользоваться голосом. Пан Кароль задумчиво присматривался к нему и интенсивно размышлял.

– Вы хотите у меня что-нибудь купить? – вскоре спросил он. – У вас нет своего объекта и вы хотите купить что-нибудь готовое?

Внезапный проблеск надежды вернул Михалу отбитые индюком способности. Он моментально согласился и зацепился за желание что-нибудь купить, причём хотел покупать только вещи оставшиеся от пана Капусты. Пан Кароль, присматриваясь к нему, все чаще задумывался. Михал уже понял, что владелец квартиры имеет что-то общее с набивкой различных созданий, но душа его ощущала здесь второе дно. Всей глубиной своего естества он чувствовал, что напал на след, и решил оставаться у пана Кароля до тех пор, пока с ним не договорится. Пусть даже неделю, а Тереза в кафе может делать что хочет!

– По-моему вы хотите купить какие-то декоративные предметы, какие-то произведения искусства, – с вежливым пониманием произнёс пан Кароль. – Почему бы вам не пойти прямо в соответствующий магазин?

– Но у вас же лучше, – ни секунды не раздумывая ответил Михал. Пан Кароль вздохнул:

– Я покупатель, – печально сообщил он. – И одновременно таксидермист, но вижу, что это вас не интересует. Конечно, у меня есть разные вещи, как и у каждого, кто любит окружать себя красивыми предметами. Если вы так хотите купить что-то именно у меня, может я и продам за соответствующую цену. Без существенной причины, поймите меня, я не отдаю то, что доставал для себя.

Михал ощутил себя на правильном пути. Он пожелал посмотреть эти красивые предметы, и пан Кароль, ещё раз вздохнув, повёл его в другую комнату. Михал поспешно составил смутный и хаотичный план – держаться за Джона Капусту, с надеждой, что пан Кароль в конце-концов проговорится, но из этого плана ничего не получилось. От вида, открывшегося в следующем помещении, у Михала

окончательно отнялись речь и разум. Стенные полки, стеллажи, столы и пол заполняли существа несомненно похожие на животных, но раскрашенные так, что спирало дыхание. Ядовито-зелёный медведь соседствовал с фиолетово-золотистым тапиром, через пол комнаты растянулся ультрамариновый питон, угол занимало целое стадо ехидн, большей частью радужно-крапчатых. Назойливость колористики подкреплялась поразительным количеством райских птиц. Увидев ошеломление на лице гостя, пан Кароль вежливо сообщил, что его клиенты трактуют свои трофеи как колористические декорации, а ему все равно – он красит так, как им хочется. Отсюда и пёстрые ехидны, голубые змеи и все остальное. Колористические запросы клиентов удовлетворяют только райские птицы, цвета которых обогащать не требуется.

Он погладил хохолок лимонно-синего попугая и пригласил Михала в более личные помещения, обставленные слегка по-другому. При виде Мурильо на стене и Бенвенуто Челлини на камине Михал немного остыл, но все ещё был не в своей тарелке, тем более, что под потолком висела гигантская треска в оранжевый горошек. Эта треска и решила дело.

Отказавшись от планов, которые он не мог и вспомнить, Михал поддался отчаянию. Вместо того, чтобы продолжить дипломатические переговоры, что было бы естественно, он, в приступе отчаяния, выложил пану Каролю всю правду. Он подробно рассказал все перипетии поисков прабабкиного наследства, сделав основной упор на убийства возле колодцев и участие в них Джона Капусты. Он легкомысленно признался в незаинтересованности моральной стороной событий, объяснив, что готов чихать на преступления если получит потерянные вещи. Пускай Джон Капуста расскажет, что он с ними сделал, после чего никто его не тронет. Он вытащил и прочитал список богатств, представил случайно захваченную фотографию трупа на развалинах и закончил категорическим заявлением, что точно знает о торговых контактах пана Кароля с Джоном Капустой, которого как раз разыскивает полиция. Несмотря на то, что он старался держаться спиной к треске, он чувствовал головокружение, ему стало жарко, он уже и сам не знал, чего добивается своим выступлением. У него было смутное подозрение, что он говорит не то, что нужно, и поступает совсем не так, как следовало, но остановиться не мог. В конце-концов

он замолчал и полным угрюмой решимости взглядом уставился на пана Кароля.

Пан Кароль с большим интересом выслушал его речь, посмотрел на снимок покойника и глубоко задумался:

– Мне надо над этим подумать, – наконец сказал он. – Я этого Капусту знаю плохо. Вижу – это личность очень подозрительная, если он действительно предложит мне какую-то сделку, я просто откажусь. Не люблю иметь дело с полицией. Благодарю за предостережение.

Если что-то могло сбить Михала с толку ещё больше чем разноцветные тапиры, то пан Кароль нашёл то, что надо. Несомненно, дело было не в том, чтобы заработать благодарность французского перекупщика. Ослабший от волнений Михал, увидев рухнувшие надежды, собрал последние силы и начал объясняться заново, с унылым упорством, хотя и очень невнятно. Подсознательно он ожидал момента, когда пан Кароль силой вышвырнет его из своего дома. Однако, как было видно, пан Кароль использовал сильные средства только в крайних случаях, потому что он вдруг засуетился, забегал, выразил своё сочувствие и горячо предложил свою помощь. Он пообещал найти Капусту, возобновить с ним контакт и все сведения передать Михалу. Он попросил адрес. Сначала Михал назвал кафе, в котором сидела Тереза, потом опомнился и дал адрес дома в котором они поселились. После этого он окончательно лишился сил и без сопротивления позволил провести себя сквозь оргию зелёных грызунов и разноцветных райских птиц на лестничную клетку.

– Мне надо отдохнуть, – тихо сказал он, упав в кресло напротив разнервничавшейся Терезы. – Теперь ясно, что я сваял дурака. Ну ничего, отдохну и пойду ещё раз. Самое главное, что он знает этого Капусту. Возможно они встречаются, не знаю, может надо за ним следить...

Тереза сердито пожала плечами и потребовала подробного отчёта о визите. Из отчёта следовало, что Михал действительно сваял дурака. Но выглядел он таким расстроенным, что Тереза не могла его ругать.

– Этого и следовало ожидать, – с горько пожаловалась она. – С самого начала все знали, что из этого наследства мы ничего не получим. Капусту мы не поймаем ни за что в жизни, а этот перекупщик его ещё и предупредит. Мы просто теряем здесь время.

Михал попытался вяло протестовать, но понесённое поражение лишило его сил. Он покрутил головой.

– И что хуже всего, я вовсе не уверен, что это действительно перекупщик, – жалобно признался он. – Чем-то он мне не нравится...

– А вы думали, на нем подпись будет? Откуда вы знаете, как выглядят перекупщики?

– Не знаю, может это и он...

– И подумать только, я считала, что все получится. Дала себя уговорить как последняя дура...

– Я схожу к нему ещё раз...

– И что это даст?

– Не знаю. Может он испугается? Может поверит, что его ищет полиция...

Подумав, Тереза опять пожала плечами. Михал смотрел на большую надпись по-французски: «Не больше литра вина в день», и механически мешал кофе. Они почувствовали, что все – плохо, они оказались в страшно дурацкой ситуации и не имеют понятия как из неё выбраться.

И тогда произошло то, что до конца жизни они решили считать чудом.

В дверях кафе появился громадный могучий парень в оранжевой куртке, с умопомрачительным шейным платком. Он на секунду остановился, обследовал взглядом помещение, заметил Михала и направился к нему. По пути он захватил свободное кресло, приставил его к столику и сел.

– Привет, кореш, – сказал он по польски. – Падлой буду, а земляку помогу.

Тереза моментально откинулась назад и застыла без движения, Михал подавился кофе. Парень щёлкнул пальцами в сторону бармена:

– Три пива, – потребовал он. – Я ставлю. Хрен с ним с вином, я его не люблю. Или что-нибудь порядочное, или пиво. Поболтаем спокойно, я все слышал.

Тереза с лёгким испугом посмотрела на Михала:

– Вы его знаете? – холодно спросила она.

Михал попробовал ответить, но звуки, которые он издавал напоминали смесь бульканья и писка. Парень понимающе закивал головой.

– Я работаю на Кароля, – сообщил он Терезе. – Меня зовут Болек. Я у него уже пару лет корячусь. Я вам помогу, потому как чувствую, что созревает неплохая заварушка.

Терезе что-то пришло в голову, она вспомнила, что у этого Кароля есть доисторические слуги:

– Это лакей?.. – неуверенно начала она.

Михал обрёл дар речи:

– Вот именно! Он! Я вас узнал! Дорогой! Почему вы сразу не?!..

– Какой лакей? – обиженно прервал парень. – Этой суке охрана нужна. Видел, кореш, какая он падла, если бы не я, его бы давно по стенке размазали. Я сразу не врубился, шибко здорово ты по местному шпаришь, я подслушивал и теперь все понял. Будет драка, чтоб я помер.

Несомненно, что белокрылый ангел, спустившийся с неба, на пришедших в себя Михала и Терезу произвёл бы меньшее впечатление. Это была судьба. Михал сумел унять радостный хаос в мыслях и прежде всего потребовал объяснения главного сомнения, которое его все время угнетало. Перекупщик этот Кароль, или нет? А то похоже...

– Конечно же, да, – ответил Болек, пожав плечами. – Как ни крути, нормальная профессия. У всех покупает, а продаёт только своим и так все путает, что не докопаешься. С Капустой он тоже крутит, я знаю, он недавно здесь был. Того и гляди снова объявится. Пока у него все было тип-топ, но выходит, где-то он накололся. Скорее всего, он пока затаится, потому как живёт не по карману. Но что-то здесь не вяжется. Непонятно.

Вопросы у Терезы и Михала вырвались одновременно, было их больше десятка. Болек махнул рукой и подкрепился пивом. Затем отставил кружку и махнул второй рукой:

– Стойте, давайте я расскажу по порядку. Капуста сюда прискачет. Как только ты вышел, Кароль схватил телефон. Теперь он висит на проводе и ищет его по всему городу. Да, разговор о товаре был пару месяцев назад. Капуста убалтывал Кароля, обещал привезти суперцапки, читал ему список, тот же, что и ты, кореш. Он вернулся и привёз один маленький чемоданчик, там были старые бабки, неходовые. Кароль крутил носом, но я видел, что ему понравилось.

Они долго торговались и Капуста уступил примерно половину. Остальное спрятал...

– Как это?!.. – страшным голосом заорал Михал и сорвался с места.

Болек усадил его обратно в кресло.

– А вот так. А что? Ты не знал? Он пел, что боялся проверки, но чемоданчик маленький, он и не сдержался...

– Вот значит как!.. Привёз!.. Нумизматическую коллекцию!.. – страдал Михал. – Надо забрать, это наше!.. Где это у него?!..

– Где есть, там есть, успокойся, дойдём и до этого. Погоди же, я скоро закончу, ты и моргнуть не успеешь. Они долго болтали, а я все слышал, люблю быть в курсе. Он нервничал, Капуста этот, и плакался Каролю, что пришлось пойти на жертвы. Какая-то ошибка и несчастный случай. Он говорил, что когда отправился за этими цацками, не знаю, где это было, но думаю, что на каких-то развалинах, там яма была или колодец, а может ещё что, ну и тогда, как он пришёл, наткнулся на конкурента. Он сказал, что этого хмыря знал – какой-то крестьянин, но парень нехилый, пару человек уже загасил. Ну, он и не стал лезть в задницу, а взял его с собой, потому что сам все равно бы не справился. Он сказал, что хотел его потом кокнуть и слинять со всем добром, но вышло по-другому. Этот хмырь, то бишь крестьянин, сидел в яме. Сдаётся мне, что Капуста хотел шлёпнуть хмыря, а хмырь – Капусту, ну и оба не зевали. Когда хмырь вылезал, Капуста поскользнулся, упал вперёд и толкнул хмыря. А хмырь свалился башкой вперёд в эту яму и спёкся. Капуста всрался и даже спустился проверить, живой он или нет, но он помер и пришлось смываться, хоть остальные цацки остались под покойником. Он говорил, что теперь все свалят на него, потому что всех, кого он брал в долю, крестьянин переправлял на тот свет. По-моему, этот Капуста последняя сука – брал ребят и не говорил, в чем дело, хоть и знал, что крестьянин только и ждёт. Западло. Один вроде выжил, но сдрыснул и даже поговорить не хотел, дурачок, уж я бы на его месте объяснил, что нехорошо людей подставлять. Я думаю, он не заливал, я сам все слышал и думаю, что все так и было. Кароль его хорошо прижал, он и раскололся. Теперь бизнес, похоже кончился, и он заляжет.

Болек остановился и снова занялся своей кружкой. Удивлённые Тереза и Михал слушали, на их лицах проступил румянец. Тайны

колодцев из Воли выяснились окончательно, действительно, все сходилось, крестьянским хмырём несомненно был гробовщик...

Переполненная эмоциями Тереза в волнении выпила пиво, которого не выносила.

– Ну и что? – нетерпеливо спросила она. – Что дальше? То есть, куда он дел все, что они достали из колодца?

– А вы, уважаемая, из наследников, да? – заинтересовался Болек. – Очень жаль. Но куда он это дел, я не знаю.

– Как это? – занервничал Михал. – Он не сказал?

– Конечно нет, что он, идиот? Но Каролю это не понравилось, и он приказал мне немного походить за Капустой. Ну я и походил. Ничего подобного, он не врал, то есть Каролю не врал. Он действительно оставил где-то все цацки, и я в это верю. Чему удивляться – добыча большая, сзади остался покойник, он хотел побыстрее свалить, куда ему было с трэфным товаром на границу соваться! Где-то спрятал, хрен знает где, но кажется у кого-то, потому что показывал Каролю какую-то бумажку. Кароль, заметьте, ему все ещё не верил, а Капуста божился и махал этим листочком. У него там или адрес был, или квитанция или ещё что... Он её в карман спрятал.

Минуту царило молчание. У Михала постепенно краснели уши. Тереза смотрела на Болека взглядом отчаявшейся Горгоны.

– И это я... – начала она со стоном. – Это я здесь... У этой шайки... Отбирать...

– Надо немедленно его найти! – с дикой энергией, срываясь с кресла, прервал Михал. – Пусть он расскажет! Забрать у него эту бумажку! Эти монеты!.. Половину!.. Выкупить!!!..

Болек потянул его за руку и Михал мгновенно уселся. Вызванный щелчком бармен поставил на стол ещё три кружки. Тереза как бы пришла в себя, с отвращением вздрогнула и попросила для себя апельсинового сока. Болек любезно реализовал её желание.

– Это правильно, Капусту надо найти, – подтвердил он. – Я его для вас сам поищу, они мне оба не нравятся. Капуста, сука вонючая, ребят подставлял, а Кароль змей набивает. Я брезгливый и на эту гадость смотреть не могу, придётся от него уволиться... И все же! Вы же там были? Как это произошло? Шлёпнул он хмыря или нет?

Они наперегонки успокоили его любознательность. Болек с сомнением качал головой и медленно попивал пиво.

– Нехорошо получается, – озабоченно признался он. – Фактически произошёл несчастный случай, то есть полицию лучше не трогать. Вот сволочь, опять выкрутится, но ребят я ему не прощу. Сделаем так. Найдём, где он есть, заберём бумажку и немного прижмём. Если его хорошо попросить, то он сознаётся.

– Пятки ему припалить?.. – испуганно спросила Тереза.

– Зачем пятки? Достаточно нажать...

– Где его можно найти? – жадно спросил Михал.

– Пока, черт его знает. Пришли бы вы раньше, я бы вам его сдал, он же был у Кароля. А теперь не знаю, не поздно ли. Из-за этого шума, что вы подняли, он мог куда-то свалить. Хотя, с другой стороны, только у Кароля, потому что Кароль платит недорого, зато сразу наличными, за хвост дёргать не надо. Хотя, опять-таки, если Кароль дал ему знать, мог и смыться...

Тереза и Марек сильно забеспокоились. Болек вытянул на середину кафе свои громадные копыта в элегантных жёлтых носках и сморщив брови задумался. Он явно чувствовал себя принятым в дело.

– Я думаю, что он ещё в Париже, – добавил он через минуту. – Он должен был получить деньги у пары людей, это мне известно. А может Кароль разболтается, и мы ещё что узнаем...

– Дорогой! – внезапно расцвёл Михал. – Как нам тебя благодарить? Без тебя мы бы пропали, если бы не ты...

Болек убрал копыта с середины кафе и махая рукой повернулся в кресле:

– Да ну, кореш, не дури. Ничего не надо. Я вам помогаю для своего удовольствия, могу себе позволить. Сейчас я вернусь к Каролю и буду на вас работать, если что, я вам сообщу. Вот только... Деньги у вас есть?

Тереза и Михал посмотрели друг на друга, а потом на него таким взглядом, что слова не потребовались. Болек погрузился:

– Хреново. Без бабок не выйдет, купить эти монетки мы бы смогли, но даром Кароль не отдаст. Может что придумаете?

– Можем, – громко ответил Михал. – Придумаем!

– Вы с ума сошли, – вырвалось у перепуганной Терезы.

– Тихо! Я знаю, что говорю! У меня есть идея...

– Если у тебя, кореш, есть идея, это хорошо. Дай мне свой телефон и ждите, пока я позвоню...

Таинственная идея Михала выявилась только тогда, когда они вернулись домой, под нажимом не столько слов, сколько взгляда Терезы. Он вошёл в её комнату и запер двери.

– Завтра четверг, – решительно произнёс он.

– Ну и что, что четверг?

– Ничего. Скачки. В Венсенском лесу. Иоанна говорила...

У Терезы потемнело в глазах:

– Не обращай внимания на то, что говорила моя племянница! – громко прошипела она. – Я в её выдумках участия не принимаю!

– Это не её выдумка, а наша! – твёрдо сказал Михал. – Может вы предпочитаете ограбить банк? Я поеду, а вы как хотите!...

Тереза пришла в ужас. Мысль о том, что она могла бы остаться дома или пойти в Лувр, а Михал мог бы ехать на скачки, ей в голову не пришла. Зато она подумала о своей чековой книжке, которая к счастью осталась в Гамильтоне. Кроме того она подумала, что надо было ехать во Флориду, это бы получилось дешевле, чем эта поездка в Польшу. Потом она ещё подумала, что ограбление банка было бы не таким рискованным, а потом и вовсе перестала думать...

* * *

Сидя на открытой трибуне и держа в руках приобретённую у входа программку (для экономии только одну), они тупо всматривались в непонятные сокращения. Михал пытался вспомнить мои инструкции, а Тереза требовала перевести все на польский язык.

– Ведь вы уже были на скачках!

– Ну и что? Во-первых, только раз в жизни, а во-вторых в Служебце в Варшаве, где у меня ничего перед носом не крутилось. И ковбои сидели на конях, а не на этих сеялках!

– Это безразлично. Вспомните что-нибудь полезное!

Из полезного Тереза помнила только то, что в Служебце проиграла. Её утешала мысль, что при этом присутствовала я, и это не могло не сказаться. Она засмотрелась на бегающих по полю коней и один из них ей понравился. Он был чёрным и блестящим, он фыркал и далеко выбрасывал ноги, пробегая красивой ровной рысью. Она пихнула Михала в ребра.

– Одного я вижу, – сообщила она. – На нем номер пять. Вон тот, в жёлтом камзоле. Надо сделать ставку.

Михал поднял голову над своими заметками, посмотрел на коня и одобрил выбор.

– Только я не знаю, какой это, – добавил он неуверенно.

– Как какой? Пятёрка! На нем же есть номер.

– Да, пятёрка, но я не знаю из какого заезда...

Они вновь склонились над программой. Возле номеров заездов были написаны цвета: *jaune, rouge, bleu...*

– Жёлтый, красный, синий, – забеспокоился Михал. – Я не знаю, что это значит. Этот конь жёлтый?

– Жёлтый, подхватила Тереза. – Это он! Жёлтая пятёрка!

Конь добежал до поворота, развернулся и побежал обратно. На наезднике была ярко жёлтая куртка. Михал кивнул головой:

– Один есть. Жёлтый забег первый. Надо выбрать ещё одного, чтобы сыграть на порядок, у меня здесь записано...

Они посмотрели на остальных, бегающих перед трибунами, коней. Два как раз обгоняли друг друга. Тереза предложила того, который оказался быстрее. Михал, сморщив брови, оценил животное и покачал головой:

– Он дёргает задом, – сообщил он. – Пани Иоанна предупредила, что не надо ставить на тех, что дёргают задом, они идут утом.

– Что, извините? – заинтересовалась Тереза.

– Ну, не знаю. У меня все перемешалось. Это по датски, но я знаю, что на таких ставить не стоит.

– Хорошо, ставим на этого, без зада...

– Кроме того, он был не жёлтый, а зелёный. Это кажется другой забег...

Жёлтые камзолы больше не появлялись. Тереза опять заглянула в программку. Единственное, что она могла понять самостоятельно, это имена коней. Она немедленно определила фаворита.

– Эриния, – решила она. – Это именно то, что меня переполняет, когда я думаю про этого чёртова Капусту. Я хочу поставить на Эринию.

– Замечательно, – меня переполняет то же самое. Эриния это шестёрка. Ставим на порядок. Пять-шесть и наоборот шесть-пять.

Пани Иоанна говорила, что всегда надо играть наоборот, у меня здесь записано.

Выбрав коней таким своеобразным методом, они ассигновали по пять франков, и Михал отправился ставить на порядок. По дороге он наткнулся на кассу с надписью TIERCE и вспомнил, что это комбинация, по которой можно выиграть больше всего. Он заколебался, посмотрел в свои заметки, удостоверился, что речь идёт о выборе трех первых коней, после чего получил в кассе информацию, что дело касается четвёртого забега. Направившись к Терезе, чтобы выбрать этих трех коней, он услышал по радио сообщение о начинающемся представлении и бросился к кассе ставить на порядок. Он выбрал ту, у которой болталось меньше всего людей, не посмотрел на надпись над ней, бросил свои две пятифранковки, крикнул: «пять-шесть», получил билет и помчался на трибуну. Только опустившись на скамейку рядом с Терезой, он осознал что сделал. Он потратил десять франков вместо пяти, и как идиот сыграл пять-шесть, вместо шесть-пять...

Он уже хотел признаться Терезе, что свалял дурака, но не успел. Кони приблизились к трибуне. Тереза, как и Михал, вдруг забеспокоилась – с цветами было что-то не в порядке. Забег должен был быть жёлтым, но наездники на тележках были одеты во все цвета радуги, а на некоторых были даже полосатые камзолы. Под номером пять шёл абсолютно другой конь. Михал решил поинтересоваться у соседних игроков и тогда оказалось, что важна одежда не всадника, а коня. Точнее, номера помещены были на жёлтом фоне...

Ещё до того как после представления, кони перешли на старт, на другую сторону арены, Тереза и Михал все поняли. Потеря десяти франков была неотвратимой. Тереза безнадежно махнула на них рукой. Конь в жёлтом камзоле, номер которого помещался на чёрном фоне, участвовал в четвёртом забеге, то есть один терцовый фаворит у них уже был, надо было выбрать ещё двух. Михал открыл программку, Тереза показала пальцем на большое табло посреди поля:

– Что это, – забеспокоилась она. – Может, это важно? Оно мигает.

– Сейчас я вам скажу, – ответил Михал, закрывая программку и открывая блокнот. – Сейчас... Не могу найти... Ага, табло посередине... Там находятся номера коней, а цифры рядом

показывают, как они играют, то есть сколько будут платить, если он выиграет...

Он посмотрел на табло и замолчал.

– Девятьсот девяносто девять, – прочитала Тереза. – Рядом с пятёркой. А рядом с шестёркой – девятьсот девяносто восемь. Что это значит?

Михал некоторое время молчал.

– Значит, что на них никто не ставил, – наконец сказал он ослабшим голосом. – Три девятки означают больше тысячи. Заплатят больше тысячи...

– Когда заплатят?

– Когда выиграет пятёрка...

Таблица моргнула, и рядом с шестёркой появилась цифра 960. Тереза несколько секунд присматривалась.

– Хорошеньких мы коней выбрали, – ехидно заметила она. – Больше девятисот только у этих двух. Это действительно значит, что пятёрку с шестёркой играем только мы?

– Боюсь, что да...

Они сидели всматриваясь в табло, даже не обратив внимания на то, что забег начался. Только по нарастающему топоту копыт они заметили приближающихся коней, которые пронеслись мимо трибун и помчались дальше.

– Ну и что? – озабоченно спросила Тереза.

– Не знаю, беспокойно ответил Михал. – Бегут. Кажется, это ещё не конец.

Кони завершали второй круг. По трибунам пронёсся глухой рёв. Ни Михал ни Тереза были не в состоянии определить, что происходит в этой топочущей куче, одни лошади оставались сзади, другие вырывались вперёд. Рычание на трибунах становилось все громче, громкоговоритель тоже не молчал. Кони вышли из последнего виража и теперь приближались к трибунам.

– Пятёрка!!! – заорал Михал и сорвался с места. – Пятёрка бежит!!!..

Разволновавшаяся Тереза тоже вскочила. Их пятёрка шла первой, далеко впереди, за ней, стуча копытами, неслась большая группа коней. Толпа рычала так, что полностью заглушала крики из громкоговорителя. Кони миновали черту, динамик замолчал, а толпа

продолжала шуметь. Тереза и Михал неподвижно застыли, всматриваясь в замедляющую бег массу коней и тележек. Ослабевший от волнения Михал рухнул на скамейку. Тереза посмотрела на него:

– Ну и что? – безрадостно спросила она. – Что выиграло?

– Понятия не имею. Кажется, пятёрка. Сейчас объявят. Боже мой, какая прекрасная вещь, эти скачки! Теперь я понимаю, что значит, когда топот копыт хватается за сердце...

Тереза сочувственно посмотрела на сообщника и тоже уселась.

– За сердце сейчас буду хвататься я. Узнавайте, что выиграло, мне интересно. Оказывается, мы выбрали очень хорошего коня...

Скачки – это место, где судьба позволяет себе выкидывать самые удивительные коленца. Громкоговоритель откашлялся и начал говорить. Побледневший от удивления Михал, не веря собственным ушам, перевёл Терезе содержание сообщения.

– Пришли пять, шесть, два. Так они сказали. Вы понимаете? Пять. Шесть. Два...

– Как это? – занервничала Тереза. – Какие два? Что это значит?

Михал протянул руку в направлении табло посреди поля, где светились произнесённые динамиком цифры.

– Третий конь, – торжественно произнёс он. – А перед ним наши два. Пять-шесть. Двойка третья... Мы выиграли!

Смертельно изумлённая Тереза вытаращилась на табло:

– Как это? Действительно выиграли? С конями на которых никто не ставил?!

– Вот именно! Никто не ставил! Только мы! Боже!..

– И вы думаете, нам за это заплатят?

– Конечно заплатят! И даже очень много! Ну и повезло! Мы выиграли!..

Тереза очнулась и, не отрывая глаз от светящихся цифр, высказала предположение, что величина выплаты тоже должна появиться на табло. Михал с ней согласился, они стали напряжённо всматриваться в пустые места рядом с номерами коней. Динамик начал говорить, одновременно табло мигнуло и на пустых местах появились цифры.

– Это наше? – беспокойно спросила Тереза.

Михал, заглянув в блокнот, покачал головой.

– Нет, это поодиночке. Про порядок скажут потом. Он должен быть внизу. А это верх и плац.

– Какой плац?

Несколько запутанно Михал, пользуясь своими записями, начал объяснять ей значения отдельных выплат. Он прервал лекцию, потому что динамик опять проснулся. Не только Михал, но и вся толпа сосредоточенно слушали. Динамик замолчал, а толпа начала кричать. У Михала было потерянное выражение лица. Тереза страшно на него разозлилась:

– Будете вы наконец мне переводить, или нет? Я же ничего не понимаю! Что они сказали?!

– Кажется я плохо понял, – неуверенно ответил Михал. – Вроде бы платят тысячу семьсот... Вот, загорается!

На таблице, под предыдущими цифрами загорелось число 17.246. Тереза прочитала это как 1724 злотых и 60 грошей. Михал уставился на неё с тупым ошеломлением. Динамик прохрипел следующую информацию. Михал прослушал, оторвал взгляд от табло и посмотрел на Терезу.

– Вот это да! – торжественно сказал он. – Мы побили рекорд скачек этого года! Нам действительно платят семнадцать тысяч двести сорок шесть франков. Это вы придумали пятёрку и Эринию. Могу я упасть перед вами на колени?

– Сколько нам платят? – спросила Тереза, подумав что не расслышала.

– Семнадцать тысяч двести сорок шесть франков. Могу я упасть перед вами...

– Не верю. Это должно быть ошибка. Тысяча семьсот я ещё понимаю, но не семнадцать тысяч. Проверьте.

– Они так сказали и это ясно видно на табло. Они сказали, что это рекорд года. Могу я упасть перед вами на колени?

Тереза минуту смотрела на Михала странным взглядом, но потом вдруг встряхнулась:

– У вас что, с головой не в порядке? Где вы собираетесь падать, здесь же тесно! Нет, я не поверю, пока не увижу собственными глазами. Идите, заберите деньги, а то я начинаю нервничать!

Михал пошёл. Перед кассами никого не было. Он вернулся к Терезе и принёс чек на 34.492 франка.

– Оказывается, по ошибке мы играли вдвойне, – напомнил он. – За десять франков вместо пяти. У нас были два единственных билета на

всех скачках и они очень жалеют, что мы играли за десять франков, если бы мы играли за пять, одним билетом, выплата была бы абсолютным рекордом скачек. До сих пор абсолютный рекорд составляет тридцать четыре тысячи сто двадцать четыре, у нас было бы больше. Кроме того, предыдущий рекорд был поставлен в 1961 году и это было в день дерби, так что сегодняшней выигрыш был бы большой сенсацией.

– А я думала, что у нас только один билет...

– Но за десять франков. Это считается за два, потому что один стоит пять. Поэтому у них получился всего лишь рекорд этого года...

Тереза посмотрела на чек и вернула его Михалу.

– Спрячьте это, – приказала она. – Если я потеряю, то не прощу себе до конца жизни. Из двух зол, лучше теряйте вы.

– Я терять не собираюсь, – энергично ответил Михал. – Пригодится. Давайте играть дальше!

Тереза немедленно согласилась. Не играть дальше ей казалось попросту неприлично, в конце-концов, проигравшему всегда надо давать шанс, а в данном случае проигрывал ипподром. Правда, оба они вспомнили мои пророчества про первый раз, когда выигрываешь, и второй, когда наоборот, но в данной ситуации они могли себе позволить проиграть. Михал благородно предложил поднять ставки, пусть знают поляков! Тереза согласилась и на это.

Благородно поднятая ставка составила сто франков. Пророчества исполнились с максимальной точностью, сто франков немедленно отправились ко всем чертям, и Тереза сразу почувствовала себя лучше. Выигрыш подобных сумм был чем то противоестественным, а проигрыш был явлением нормальным и возвращал равновесие. Когда они потратили последние наличные, к ней полностью вернулось хорошее настроение.

– Ну, теперь все в порядке, – довольно сказала она. – Берём деньги, ставим и проигрываем. Хорошо, что нам заплатили чеком, наличные бы разошлись.

– У меня не хватает на такси, – радостно подтвердил Михал. – Придётся возвращаться на метро. У нас есть деньги для Кароля, и мы покроем все расходы! Какое прелестное место, как жаль, что выигрывают только в первый раз!..

* * *

Болек позвонил утром следующего дня, коротко сообщил, что имеет интересную информацию, и предложил встретиться вечером в том же самом кафе. Двое сообщников почувствовали прилив новых сил и новых чувств. Михал впал в состояние эйфории, утверждая что созвездия на небе расположились необычайно благоприятно для них, теперь все пойдёт как по маслу. Тереза начала приобретать надежду. Вмешательство в дело настоящего хулигана, а может, даже гангстера, наверняка оказало своё влияние, до сих пор в семье такого не было, гангстеру фамильное финансовое проклятие могло поддаться. На место они прибыли слишком рано и ожидали сообщника целых полчаса.

– Капуста был у Кароля, – сообщил Болек вместо вступления, сразу же снабдив столик запасами пива, апельсинового сока и кофе. – Он прибыл в полночь, я решил вас не будить. Про вас он знает, а живёт вообще не у себя, а на малине, но где, неизвестно. На полицию он плевал, у него американское гражданство и какие-то левые документы, черт знает на чьё имя. Он заканчивает здесь дела и сматывается в Штаты, через три дня его здесь не будет. Надо его прижать, другого выхода нет.

Михал пламенно согласился. Тереза принялась отгонять мысль о прижигании пяток.

– А если нет, то что? – заинтересовался Болек. – Поедете за ним?

– Поедем! – не раздумывая решился Михал. – Даже в Аргентину, даже в Австралию! Теперь есть за что!

– Но только туристским классом, – предостерегла Тереза.

Болек деликатно поинтересовался необычной идеей Михала, которая так быстро принесла деньги. Михал не выдержал и выложил всю правду о скачках в Венсенском лесу. Союзник слушал с выражением лёгкого испуга.

– Вам очень повезло, – подвёл он итог. – Но больше туда не суйтесь, эта тётка правильно говорила – первый раз Канада, а второй – могила. Мне это знакомо. Но теперь все не так плохо, с Каролем договоримся, а Капусту прижмём. Я скажу вам, что мы сделаем. Он может приехать на машине, или прийти пешком, в зависимости от

времени. Если ночью, то на машине, потому что движение меньше. С Каролом они договорились, он сюда приедет. Если припрётся на машине, я на минутку выскочу и проколю колесо. Пока он его заменит, вы будете здесь. А если придёт пешком, я пойду за ним и посмотрю, где он обосновался. Дальше все просто.

– Вот видите, и зачем было столько каркать, – радостно упрекнул Терезу Михал. – Все будет, как надо. А если у нас кое-что останется, мы ещё купим эту сахарницу Станислава Августа!

– Но я в прижимании участвовать не буду, – твёрдо сказала Тереза. – Не желаю этого видеть!

– Хорошо, постойте на шухере, – успокоил её Болек. – Мы сами справимся. Значит, сейчас я возвращаюсь туда...

Он показал в сторону улицы, очевидно имея ввиду дом пана Кароля, посмотрел в ту же сторону и замолчал. Тереза и Михал тоже машинально посмотрели в окно. Тереза подавилась апельсиновым соком. Болек выплеснул пиво на соседний столик, вскочил с кресла, выгреб из кармана какие-то деньги, рассыпал их по полу и бросился к выходу. Тереза вскочила тоже, задыхаясь и кашляя она жестами просила Михала постучать её по спине. Михал понял в чем дело, перевернул кружку с пивом, перевернул чашку, разлил остатки кофе, в голове его пронеслось, что надо немедленно убегать, а то слишком долго придётся просить прощения. Он схватил Терезу за руку и тоже бросился к выходу, одновременно стуча Терезу по спине. Издали казалось, что он очень энергично её погоняет. Пострадавшие от пива, кофе и апельсинового сока задержать их не успели.

На улице Тереза восстановила дыхание. Метрах с десяти Болек подзывал их жестами. Они подбежали к нему.

– Не бегите так! – сердито прошептал он. – Спокойно! Мне придётся остаться, потому что он меня знает...

– Меня он тоже знает, – тяжело дыша вмешалась Тереза.

– Ладно, кореш, ты к нему прицепишься, а мы что-нибудь придумаем. Мы за тобой присмотрим...

– Это он? – нервно прошептал Михал. – Вы уверены? Где он?

– Вошёл в этот магазин. Он пришёл пешком, потому что машины не видно. Наверное, сейчас выйдет...

В этот момент из фотوماгазина действительно вышел Джон Капуста. Он шёл быстрым шагом и трое заговорщиков не успели ни

спрятаться ни отвернуться. Первым человеком, на которого он наткнулся, была Тереза. Он явно вздрогнул, развернулся на месте и быстро пошёл.

Погоня имела достаточно шансов на успех. Даже если бы Капуста бежал, Болек и Михал без труда могли его догнать. Бегство на автомобиле тоже не принесло бы успеха, ввиду безнадёжно забитых улиц. Он мог оторваться только далеко от центра города. Кроме того, Тереза и Михал быстро договорились, что обратятся в полицию, обвинив Капусту в чем попало. Болек одобрил эту идею, уведомив сообщников, что если появляется легавый, он смывается, чтобы о нем не волновались. Полицейских на горизонте пока не было, а Джон Капуста бодро убегал. Запыхавшаяся Тереза немного приотстала, не успевая за охотниками и их жертвой, пробивающейся сквозь толпу.

Чувства, переполнявшие её, были троякими. На первый план выплывала необходимость догнать не преступника, а Михала. Она вдруг осознала, что не может отказаться от погони и остаться где попало, поскольку не помнит, где живёт. Все это время она пребывала в компании Михала и ненужный адрес вылетел из головы. Она не смогла бы попасть в дом услужливой дамы. Поэтому ей приходилось держаться товарища по несчастью, который бежал как марафонец и все чаще исчезал из поля зрения. Необходимость поймать и прижать Капусту, в данных обстоятельствах стала второстепенной, хотя и оставалась достойной внимания и усилий. В то же самое время её беспокоили эти проклятые пятки. Ей казалось, что этот противный, но необходимый ритуал, решит все вопросы. Последняя мысль на фоне более основательных опасений просматривалась смутно, но тем не менее, непонятным образом замедляла её шаг.

Болек и Михал шли плечом к плечу. Капуста мелькал впереди. Способ действий был обговорён предварительно, они не собирались ловить его на людной улице, где впечатлительная часть толпы могла отреагировать непредвиденным образом, они рассчитывали на то, что жертва приведёт их к своему месту жительства, забьётся в тихий закоулок или направится в менее населённые районы. Но Джон Капуста их надежд не оправдывал, он бежал по направлению к центру.

– Что-то придумал, сука – прошипел Болек на бегу. – Я думаю, что он бежит к цирку... Сейчас такое время... Начнут выходить люди, и он потеряется в толпе...

– Приближаемся, – предложил разгорячённый Михал.

– Хорошо. Только без нервов...

Перед ними, в стороне площади Республики, уже мелькали неоновые огни. Где-то вверху зелёным цветом загорелась огромная тигриная морда, погасла и для разнообразия зажглась жёлтым. Джон Капуста бежал прямо туда.

Как раз в этот момент в переполненном цирке объявляли гвоздь программы – выступление шести уссурийских тигров. Весь персонал стоял по местам, помощники дрессировщика ожидали сигнала у клеток, портье, вышибалы и привратники встали вокруг арены и в проходах между секторами, внимательно наблюдая за публикой. С того времени, когда какой-то парень бросил в тигра дохлую да ещё и мокрую летучую мышь, вызвав тем самым большой переполох, на зрителей обращали больше внимания, чем на животных. Все находилось в состоянии боевой готовности, у главного выхода остались только портье и кассирша, продающая билеты на следующий день. Кассирша, за отсутствием клиентов, вязала крючком детскую кофточку из ангорской шерсти для внука мужского пола, которого она наконец дождалась после многочисленных внуков пола женского. Портье было нечего делать, известно, что под конец представления никто не входит. У него кончились сигареты, он оглянулся, посмотрел на кассиршу и отошёл на несколько шагов к ближайшему киоску.

Когда он возвращался, увидел какого-то человека, который почти бегом пробежал между киосками, магазинчиками и ларьками и, миновав кассу, заскочил в цирк. Скрывший его занавес заколебался. Прежде, чем удивлённый портье успел вернуться на своё место, появились два других человека, которые в таком же ускоренном темпе намеревались проникнуть внутрь. Одному это удалось, а второго портье успел задержать вежливым но твёрдым вопросом о билетах. Задержанный был щуплым, но высоким, а портье имел мощную фигуру – перевес был на его стороне...

У пойманного возле входа Михала в голове пронеслись детские воспоминания о лагерях и школьных экскурсиях:

– Билеты у группы за нами! – крикнул он так убедительно, что портье его пропустил.

Михал скрылся за ещё колеблющимся занавесом, а портье невольно посмотрел на улицу, ожидая эту самую группу, которая по-

видимому опоздала на программу и хочет посмотреть хотя бы последний номер, несомненный гвоздь сезона. Он немного подождал, но вместо группы появилась одна запыхавшаяся дама почтённого возраста, направлявшаяся к нему так называемой свиной трусцой.

Тереза издали видела как Болек и Михал исчезли за занавесом, потому что вход в цирк был освещён не хуже, чем арена. Она хотела отправиться за ними, но сказать про группу ей не пришло в голову, да и объясняться по французски она не умела. Одновременно портье вспомнил, что ни о какой опаздывающей группе никто не говорил, да и вообще цирк переполнен, в зале осталось только несколько свободных мест. Он почувствовал себя обманутым, разозлился, что прозевал тех троих и решил любыми путями вытянуть наличные из четвёртого человека. Он заслонил вход своим солидным корпусом.

Из всей его речи Тереза поняла только одно слово – «касса». Она посмотрела в ту сторону, куда он показывал. Освещённое окошечко и надпись избавили её от сомнений. Ни о чем не думая, чувствуя, что любой ценой она должна догнать Михала, Тереза бросилась туда, где сидела толстая ангельски улыбающаяся дама, орудующая крючком.

Кассиршу переполняла безграничная доброжелательность ко всему миру. Она добродушно пыталась объяснить этой уставшей иностранке, что теперь заходить в цирк не стоит, представление заканчивается, номер с тиграми последний, лучше прийти завтра и посмотреть всю программу, но тут подошёл портье и объяснил, что трое уже прошли задаром, а эта четвёртая. И иностранка упёрлась. Вела она себя как-то странно, дёргалась, топала ногами, на лице её появились ярость, отчаяние и какое-то дикое нетерпение, и кассирша внезапно осознала, что все понимает. Она сделала многозначительный жест и что-то сказала портье. Портье заулыбался и закивал головой. Тереза заплатила за четыре билета, подавив в себе внезапный бунт против оплаты Капусты, была вежливо взята под руку и проведена внутрь. Она пыталась освободиться, но портье отпустил её только тогда, когда эстафету принял следующий, стоящий на посту между секторами. Этот следующий очень быстро повёл её вправо по коридору за кулисы и передал третьему. Третий вежливо открыл двери, и Тереза оказалась на улице перед маленьким сарайчиком с большой надписью «ТУАЛЕТЫ»...

Основная часть погони проходила тоже на улице, как раз с противоположной стороны цирка. Джон Капуста, пробежав за занавес, наткнулся в среднем проходе на билетёра, без раздумий отказался от контактов с ним и отправился по коридору налево, вокруг арены. Бегущий за ним Болек ещё успел его заметить.

– Замечательно, – сказал он Михалу, который быстро нагнал свои две секунды отставания. – Теперь он не смоется, я этот цирк знаю как пять пальцев. Давай, кореш, на ощупь – здесь темно и много хлама...

Джон Капуста скрылся за следующим занавесом, колеблющимся в конце коридора. На арене гремел оркестр. Болек и Михал выпутались из складок плюша и оказались на свежем воздухе, на задворках цирка. Здесь действительно было намного темнее, чем перед фасадом. Фонари освещали только ограждение, а между возками, будками и палатками лампочки попадались довольно редко. Джон Капуста исчез в глубокой темноте за первым же сараем, через мгновение мелькнул дальше и побежал направо, будто собираясь обежать весь цирк. Болек и Михал вдруг услышали особый металлический скрежет, который на мгновение затих и повторился снова. Руководствуясь слухом, они добрались до странной конструкции из железных прутьев, представляющей собой длинный ажурный туннель, перегораживающий всю дорогу. Михал не задумывался над тем, что это такое, занятый Капустой, который преодолел препятствие сверху, поскользываясь и стуча по прутьям ботинками. Болек перелез за ним, громыхая не меньше. Разнервничавшийся Михал споткнулся, нога его попала между прутьями. Он вытащил ботинок, съехал вниз и ударился коленом. Схватившись руками за верхние прутья он подтянулся, посмотрел в туннель и на мгновение замер. В ажурном туннеле находился тигр. Самый настоящий, громадный, живой и злой. Он неохотно приближался, стуча хвостом по бокам, пытаясь отступить или развернуться. За тигром раздавались какие-то выкрики.

В мгновение ока Михал вспомнил все, что слышал о цирке, и выделил главную мысль. В цирке, перед выступлением, животных никогда не кормят! Всегда после и никогда перед. Перед этим им вообще не дают есть! Они соглашаются на выступление только потому, что хотят есть, ждут того, чтобы поесть...

В туннеле был ГОЛОДНЫЙ тигр...

Михал решил не перелезать на другую сторону. Он отскочил в темноту, осмотрелся, оценил территорию и решил обойти с другой стороны. Как можно быстрее он рванулся вперёд, пытаясь не наткнуться на многочисленные препятствия невидимые во мраке.

Помощники дрессировщика не могли понять что происходит. Они получили сигнал «выпустить тигров» и начали выгонять животных из клеток в туннель. Вдруг впереди застучали прутья и резонирующая сталь донесла звуки до самого конца конструкции. Для цирковых животных всего мира такой звук означает приказ возвращаться в клетки. Дезориентированные тигры начали отступать. Помощники дрессировщика гнали их вперёд. Опять раздался стук, тигры пытались повернуться, что в узком туннеле было невозможно, возникло замешательство, в туннеле нарастал конфликт. Наконец стук затих, помощники дрессировщика проявили настойчивость и шесть разнервничавшихся тигров отправились на арену.

Взглянув на первого из них, дрессировщик понял, что главную роль в выступлении тот играть не будет. Остальных можно успокоить и заставить слушаться, а этого – нет. Элегантно представив публике шесть диких бестий, он оставил на арене только пятерых, а шестого с места направил обратно в туннель. Ещё мгновение тигр пробовал противиться идиотам-людям, полностью сбитый с толку дурацкой переменной приказов, но у дрессировщика была сильная воля. Тигр попал в туннель и отправился прямиком домой, деваться ему было некуда. Дверца за ним закрылась и выступление началось.

Джон Капуста убежал с дикой настойчивостью, уверенный, что бежит от мести мафии. Болека он узнал в первое же мгновение и сразу осознал то, что могло быть единственным объяснением его участия, и о чем он не догадался раньше. Он совершил дурацкий поступок, впутался в дело, организованное международной шайкой, о которой он ничего не знал, не смог прочувствовать и унюхать! Канада, Франция, Польша... Мало того, что он увёл у них из под носа добычу, так ещё и убил их человека, там, у колодца! Убить, конечно, не убил, но они думают, что убил, этого ему не простят!..

У входа в цирк Терезу чуть не хватил удар. Трясаясь от ярости и волнения, она пыталась куда-нибудь пройти, но все было огорожено, свободным оставался только один путь – обратно на улицу. Возвращаться на улицу ей было нельзя, ей необходимо было догонять

Михала, который был где-то здесь. Она развернулась, попала в знакомые двери, ведущие внутрь, и решила, что скорее задушит портье, чем даст выставить себя обратно на улицу. Она осмотрелась. Портье стоял к ней задом, глядя на арену, в конце коридора она заметила занавес, бросилась к нему и снова оказалась снаружи. Тут было ещё хуже. Темноту наполнял острый запах помёта, в землю понатыканы какие-то прутья, какие-то кучи, ящики и мусор, а вокруг возвышались заборы. Она попала на санитарную территорию, одновременно являвшуюся и выгребной ямой. Она бы вернулась, но за заборчиком мелькнул бегущий силуэт. Она заколебалась, забралась на один из ящиков и прикинула к ограждению. Из мрака вдруг выскочил Джон Капуста и пригнувшись направился к замусоренной вонючей территории. Тереза невольно издала хриплый кровожадный крик. Джон Капуста оглянулся, увидел её силуэт, торчащий над забором, развернулся и бросился обратно, между длинными рядами барачных корпусов, туда, где царил полная темнота. Сразу за ним появился Болек. Не взглянув на Терезу, он махнул ей рукой и помчался за противником. Михала не было. Тереза торчала над забором, не отдавая себе отчёта в том, что до сих пор издаёт свои хриплые кровожадные крики. Где-то там, на фоне всех эмоций, билась упорная мысль – теперь они должны его поймать, должны его поймать, должны его поймать...

К счастью, крики не слишком привлекали внимание, потому что на территории цирка было довольно шумно, из под купола доносились звуки оркестра, рёв и аплодисменты публики, во дворе кричали животные. В полубессознательном состоянии Тереза, вдыхавшая запахи природы, вытаращилась в темноту, где, как ей показалось, Капуста перестал бежать, бросившись в один из сараев. Болек будто бы бросился за ним, с противоположной стороны появилось что-то движущееся, похожее на Михала и бросилось в то же самое место, возможно, там были двери...

Вдруг голоса животных усилились, к ним примешались крики людей. Какие-то силуэты замелькали в пятнах света, темнота ожила, кто-то бежал к ней. Болек и Михал появились внезапно, неизвестно откуда, в мгновение ока преодолели заборчик, промчались через кучи, добрались до Терезы, оторвали её от ограды и потащили за собой, в сторону занавеса. Кричать Тереза уже привыкла.

– Тихо! – зашипел ей на ухо Болек. – Будьте добры выключить сирену! Рвём когти!

Только теперь полностью охрипшая Тереза замолчала. Она хотела спросить что случилось с Капустой, но ей не удалось издать ни звука. Болек протащил её через те двери, которые вели к туалетам и потянул к забору. Он действительно знал территорию и не воспользовался выходом для публики, открыл какую-то небольшую калитку, оглянулся и выпихнул наружу Михала, который слабо сопротивлялся и, оглядываясь назад, пытался вернуться. Тереза выскочила добровольно. Болек захлопнул калитку и сразу потянул их в какие-то закоулки.

– Я же сказал, срываемся. Легавые на хвосте.

– Но того... А может... Может он что-нибудь скажет... – неуверенно бормотал Михал.

– Ты что, с лошади свалился, кореш. Кто тебе скажет? Зверь не проболтается!

– Ради бога, что там случилось?! – в ярости выдохнула охрипшая Тереза, услышав нарастающий вой сирены. – Что там происходит?! Где Капуста?!!!

– Разное говорят, – философски ответил Болек, все ещё мчась вперёд. – Давай, давай! Ещё немного.

– Цирк... – невнятно пробормотал Михал. – Это был цирк...

– А как же, – убеждённо подтвердил Болек. – Чистый цирк, такой редко встретишь! Я такого ещё не видел!

Михал издал тихий стон. Влекомая по улицам Тереза на последнем дыхании потребовала немедленно где-нибудь присесть, иначе она умрёт. Ей надоели цирк, полиция и Капуста, дальше она не пойдёт, придётся её нести!..

Найти кафе, в котором можно присесть, в Париже несложно, а Болек знал местность. Уже через пять минут он усадил в плетёные кресла и полностью обессиленную Терезу и взволнованного Михала. Все это время Болек орудовал только одной рукой, локтем второй он прижимал куртку, под которой находился какой-то мягкий предмет. Несмотря на это он занялся обслуживанием, и прежде чем сообщники перевели дух, поставил на столик пиво и апельсиновый сок.

– Исключительно неудачное дело! – грустно вздохнул он присаживаясь к столу. – Пусть я покроюсь рыбьей чешуёй, если когда-нибудь видел такое...

– Узнаю я наконец, что там произошло?! – разъярилась Тереза. – Я видела, как вы за ним проталкиваетесь, там было темно, я думала, что вы его вот-вот схватите! Что вы там сделали?!

– Мы ничего, – жалобно ответил Михал. – Это не мы...

– А кто? Капуста?

– Вроде Капуста, – неуверенно признался Болек. – Во всяком случае он принял личное участие...

– О боже... – простонал внезапно позеленевший Михал.

Тереза почувствовала, что через мгновение её хватит удар. Она попыталась уточнить следующий вопрос, но голос отказывался слушаться. Жутким взглядом она посмотрела на Болека, который пожал плечами и недовольно скривился.

– Что тут долго говорить, нет больше парня, – решительно сообщил он. – Ничего не поделаешь, он туда сам сунулся. Ну и этот... Как его там...

– Тигр, – слабо прошептал Михал. – Уссурийский...

– Вот именно. Морда у него не меньше чем у цербера. Сволочи люди, не кормят их там, а может, он просто нервничал, потому как срубал этого Капусту без оглядки...

Тереза подумала, что или плохо слышит, или Болек сошёл с ума. Она посмотрела на бледного Михала.

– Это правда, – заскулил Михал. Тигр сожрал Капусту... Он влез в клетку... И сожрал...

Через некоторое время до Терезы дошло. Болек присмотрелся к ней повнимательней, молча поднялся и через минуту вернулся с рюмками и бутылкой коньяка.

– Примите, – приказал он.

Тереза выпила и перевела дыхание.

– Вот этого то прабабка и не предвидела... – невольно вырвалось у неё.

Болек налил ещё и лица сообщников начали приобретать нормальные цвета. Михал отважился произнести полное предложение:

– Капуста убежал от нас и попал в клетку с уссурийским тигром. Что меня удивляет, так... – тут он опять сломался и неуверенно закончил, – то, что он не произнёс ни слова...

– Кто? – дико рявкнула Тереза. – Капуста или тигр?

– Не знаю... Оба...

Болек взял власть в свои руки:

– Капуста не успел, – объяснил он. – Пока он опомнился, его уже не было. А тигр, паразит, занялся ужином. Умная зверюшка, хотел съесть сколько можно, пока не отобрали...

Тереза и Михал одновременно выпили следующую рюмку коньяка. Тереза несколько раз откашлялась пробуя голос:

– И вы... – захрипела она, – и вы... это видели?..

– Почти. Я больше, Михал меньше. Он подбежал потом. В любом случае, смерть ему досталась лёгкая, до упокой господь его душу, потому что первым делом тигр откусил ему голову...

Продолжить разговор получилось только через несколько минут. Болек смилостивился над сообщниками, отказался от красочных описаний и слегка переменял тему.

– Ну, ладно, ладно, – добродушно сказал он. – Вообще-то, съел он не много, потому что сразу прибежали люди и в три секунды свернули ему шею. Точно известно только одно – больше мы от них ничего не узнаем, ни от Капусты ни от тигра...

– Как это вообще произошло? – спросила выведенная из равновесия Тереза. – Почему он туда пошёл, к этому тигру? Свихнулся?

– Он убегал от нас... – начал Михал, но Болек его перебил:

– Дело в том, что не совсем от нас. То есть прятался он конечно от нас, он все время приседал, а тебя, кореш, я вообще потерял...

– Вокруг, – вздохнул Михал. – Я обегал вокруг...

– Вокруг? Это у тебя даже неплохо получилось... А я уже думал, что он свалит, потому что поскакал туда, откуда мы потом вышли. То бишь в место, куда вываливают это... навоз. И мусор. Все это каждый день вывозят, но поздно ночью. Я думал, что он проскочит и смешается с толпой. И даже удивился, когда он развернулся и побежал к клеткам...

Тереза издала душераздирающий стон и быстро схватилась за рюмку. От бутылки коньяка осталась едва четвёртая часть.

– Он меня увидел!... Посмотрел на меня!... Увидел меня и повернул!..

– Вы бы лучше так не радовались, – сочувственно произнёс Болек. – Теперь уже не важно, что он там увидел. И вообще, я бы не

советовал вам это сильно рекламировать, а то люди подумают, что покойник предпочёл иметь дело с тигром...

Тереза немедленно вспомнила про старших сестёр и издала ещё более душераздирающий стон. Михал поддержал Болека, который разлил по рюмкам остатки коньяка.

– Это было ни что иное, как предназначение, – с грустью констатировал он. – Видать, этот тигр был ему на роду написан, чтобы тигры ели людей не в джунглях, а посреди города, такое не часто встретишь. Отпелся голубь. Там теперь большой переполох, потому что эта клетка должна быть закрыта на ключ, но не была.

– А вообще, из этих криков следовало, что этот тигр должен быть на арене, – напомнил Михал. – Не известно, почему этого не произошло...

– Это я завтра узнаю, у меня там свои люди. Кажется Капуста хотел проскочить сквозь эту клетку, но промахнулся. С одной стороны был я, с другой бежал ты, когда он туда входил там было пусто, но тут показался тигр и сделал своё дело. На вашем месте я бы так не расстраивался...

Минут через пятнадцать Тереза и Михал примирились с ситуацией. Боек оценил психическое состояние сообщников, с явным облегчением вздохнул и уведомил всех, что по его мнению они опять могут приступить к делу. Про Капусту можно больше не думать, тигр ни слова не скажет, но здесь у него кое-что есть.

– Что у тебя? – заинтересовался Михал.

Боек похлопал себя по оттопырившейся куртке.

– Как бы это сказать... Это... Кусочек тряпки остался.

Тереза и Михал не понимая уставились на него. Боек казался слегка озабоченным. Он заглянул под куртку, сделал движение, будто пытаясь достать то, что было прижато локтем, но заколебался и не решился.

– Это не совсем красиво выглядит, – признался он. – Вам я показывать не буду, – обратился он к Терезе, – а то вы опять начнёте рожи корчить. Где бы это посмотреть так, чтобы не видели люди? Возможно там уже удивляются, что у покойника была только половина пиджака. Надо бы отойти в сторонку...

– Почему половина? – тихо спросила Тереза, потому что Боек замолчал и начал оглядываться вокруг. – Мне казалось, что он был

целым...

Болек перестал осматривать местность и вежливо объяснил, что при жизни, да – был целым. А теперь – только половина, вторую половину он все время держит под мышкой. Тигр был настолько любезен, что начал работу разодрав одежду жертвы на спине, причём сделал он это элегантно, солидно и аккуратно, почти как портной. Удалось ему это легко, пиджак сразу же разделился на две части.

– Господи, и ты одну забрал?.. – охнул Михал.

– А как же? Я сразу подумал, что с нашей стороны как раз та, в которую он прятал бумажник. Той железкой, что там лежала, я его подцепил, такие большие грабли или ещё что-то, не важно, главное, что получилось. Я хотел сразу посмотреть на эту тряпку и выбросить, но не вышло, потому что бежали люди. Зря ты, кореш, кричал, если бы не шум, мне не пришлось бы таскать это с собой столько времени...

– Я кричал? – обиделся Михал.

– Ну а кто? Не я же. Мне кажется, что здесь что-то есть, надо посмотреть, только не на виду. Пойдём посмотрим...

Тереза осталась за столиком одна, чувствуя, что давно уже перешла все границы выносливости и все для неё становится безразличным. Больше её никогда ничего не удивит и не испугает. У неё возникла туманная мысль, что больше отдыхать в Польшу она не поедет, после чего вспомнила, что все это происходит не в Польше а в во Франции, в Париже, издавна сльвущем городом многочисленных развлечений. Она цинично подумала, что правильно сльвущем, свою славу он целиком оправдывает, и немедленно решила, что до конца жизни, ноги её в Париже не будет!..

Болек и Михал вернулись быстро. Болек был спокоен и доволен. Михала как будто подменили, он сиял. Он прижимал к себе нечто похожее на футляр для мужских тапочек. С лёгким сопротивлением, исключительно по настоянию Болека, он вручил эти тапочки Терезе и проследил, чтобы она тщательно упрятала их в свою сумочку. Во всем этом переполохе Тереза своей сумочки не потеряла, скорее всего только потому, что обе длинные ручки были намотаны на руку. Она послушно воткнула в сумочку таинственную добычу, убедившись при случае, что вопреки первому впечатлению это не тапочки снятые с покойного Капусты. На вопрос, что это такое, Михал нетерпеливо

ответил, что ничего. Совсем ничего, особенно по сравнению с остальным.

– Бумажка тоже нашлась, – очень довольно сказал Болек. – Она действительно была в правом кармане. Вот только не знаю, пригодится ли она вам...

– По сравнению со всем остальным, это ничто, – невольно вырвалось у Терезы, она почувствовала, что опять перестаёт владеть собой.

– Там видно будет, – ответил им разволнованный Михал. – Пойдём, нельзя терять ни минуты! Выкупим остальное у Кароля, деньги есть, завтра я смотаюсь в Руан, выторгую, что можно, надо быстрее, пока нас не начали ловить, теперь от полиции лучше держаться подальше... Пойдём, нас здесь никогда не было, быстрее, может, завтра поедем обратно...

* * *

– Не верю, – сказала Люцина с ошеломлённым выражением лица. – Не верю. Так не бывает...

Известие о том, что тигр сожрал Капусту, было для нас как гром среди ясного неба. Взглядами, наполненными страхом мы смотрели на двух путешественников, которые появились внезапно, не предупредив о возвращении, удивив всю семью, чисто случайно собравшуюся в доме моей мамуси. Они появились с печальным известием на устах и немедленно занялись собственными делами, оставив родственников в глубоком ошеломлении. Сияющий Михал не обращал никакого внимания на задаваемые вопросы, а жутко злую Терезу занимала только одна тема:

– Я провезла контрабанду! – с яростью и почти слезами на глазах кричала она. – Таковую контрабанду!.. Я!!!.. Из-за вас и этого идиота я могу сесть в тюрьму!!!

Михал вырвал у неё из рук футляр для мужских тапочек, которым она пыталась размахивать. Он раскрыл молнию и вытрусил содержимое футляра на диван моей мамуси, после чего у нас перехватило дыхание.

– Можете говорить все, что хотите, но это был единственный выход! – раздражённо объяснял он. – Здесь большей частью золото, может, вам хотелось платить пошлину за своё собственное золото? Мало того, что этот негодяй украл и нелегально вывез все через границу, мало того, что надо было выдирать это из пасти тигра, так мне надо было ещё и пошлину платить?!..

Тереза издала только тихий хрип. На диване моей мамуси весело поблёскивали сбережения моего скупого родственника из прошлого века. Не вдаваясь в существо вопроса и не обращая внимания на гримасы одного человека, наша семья единодушно подтвердила правоту Михала. Принимая во внимание то, что золото было в виде довольно ценных нумизматических экземпляров, пошлина за него могла превысить семейные финансовые возможности, не говоря уже о том, что никто из нас его не вывозил. Причиной осложнений были не мы. После недолгих размышлений, мы решили вообще не обращать внимания на факт перевозки. Наследство прабабки никогда не покидало границ отчизны и никогда не возвращалось, то есть и говорить не о чем.

Однако крики Терезы о контрабанде возбудили наш интерес, временно заглушив волнующее и непонятное упоминание о тигре. Михал нетерпеливо объяснил происхождение коллекции, не упомянув только о способе склонения пана Кароля к продаже добычи по себестоимости. Он искренне признался, что когда запихивал на дно сумочки Терезы футляр, не колебался ни секунды, надеясь, что в расстроенных чувствах она не заметит пакета, даже несмотря на его вес. Надежды оправдались, Тереза ознакомилась с размахом своей контрабандистской деятельности только в такси, по пути из Окенча в Мокотув. Михал, избавившись от коллекции, занимался контрабандой сахарницы Станислава Августа...

Мы вернулись к главному вопросу.

Рассказ о приключениях в Париже, очень путаный и сжатый, наконец открыл нам страшную правду. В пищевод дикого зверя исчезла последняя надежда на получение наследства от наших предков. Единственным утешением могла быть нетипичность событий.

– А я не верю, – упрямылась Люцина. – Мне не понятно, что там произошло, но в такой идиотизм я не верю!

– А я верю, – холодно сказала я. – Я верю во все, что касается фауны, с тех пор, как на службевецком ипподроме собственными глазами увидела, как вместе с лошадьми финишировал кот. Настоящий живой кот, причём в цветах козеницкой конюшни, черно-рыжий.

– Как это кот? – удивилась тётя Ядя.

– Обыкновенно. Кот. Пер как черт, чуть коней не перегнал. Козеницкий конь как раз отстал, возможно, что кот спасал честь конюшни. Это видели тысячи людей.

– В ката я тоже не верю, – уведомила Люцина, но теперь не так решительно.

Я почти обиделась:

– Могу тебе дать почти сто человек, которым можно позвонить и спросить, правда ли это. Тогда никто не знал, какие кони выиграла, потому что все смотрели на ката. Он чуть-чуть не победил.

– Я тоже могу дать, – энергично вмешался Михал. – Если не сто человек, то телефон этого цирка. Я его записал. Вам же не надо, чтобы я привёз пуговицу Капусты или зуб тигра...

– А что, он сломал зуб? – вдруг поинтересовалась моя мамуся.

– Не знаю. По-моему нет. Во всяком случае, после этого тигра я верю и в ката.

– А что там этот кот вообще делал?

– Ловил мышей, – объяснила я. – Кажется, когда мокро, мыши вылазят из нор. А там есть два ката, один цвета конюшни в Либартово – черно-белый в клеточку. То есть кот не в клеточку, кот пятнами, а кони в клеточку... То есть это, не кони, а жокеи...

– Ну в клетчатых коней я-то уж точно не поверю! – сообщила Люцина.

– Совершенно зря! – с триумфом ответила я. – В клетку бывают! В день Дерби зады у коней были расчёсаны в клетку. А у двоих даже звёздочками! Ну что, съела?

– Спаси господи! Кони в клетку, кот в цветочки, а тигр сожрал Капусту, – со страхом произнесла Тереза. – Может я в сумасшедшем доме? Вы не можете говорить нормально?

Кони в клетку, неизвестно почему, вдруг убедили Люцину. Она перестала отрицать очевидные факты. Она вдруг осознала, что тигр животное большое и опасное, даже прирученный и дрессированный

тигр может повести себя неадекватно. А в наличии тигра в цирке нет ничего особенного. Ей припомнилось и кое-что другое:

– Ну, хорошо, черт с вами, – согласилась она. – Возможно наше проклятие и теряет силу и обычные методы перестают работать. Для того, чтобы мы не обогатились, потребовался целый тигр. В любом случае это побольше, чем петух...

– А может быть и нет! – вдруг подхватился Михал. – Я же говорил, что кое-что осталось! Мы нашли у него в кармане!..

Все вдруг вспомнили, что об этом был разговор. Наследство пропало, но о нем осталось последнее известие. Известие, которое содержал небольшой кусочек бумаги, вырванный из тигриной пасти. Семья забыла про животное, Михал торжественно достал из блокнота вырванный из календаря листик и разложил его на столе.

– Болек сказал, что это то, что нам нужно, – сказал он постукивая по бумажке пальцем. – Кароль сломался и рассказал нам, что Капуста собирался кого-то за этим прислать. Кого-то доверенного, кто должен был ехать по этим указаниям. Значит, это должно быть довольно просто, есть надежда, что туда попадём и мы. Давайте думать!

Несмотря на энергичные старания всех присутствующих, листок не был разорван. Мы посмотрели на него, сначала все вместе, стукнувшись головами, потом по-отдельности, а потом посмотрели друг на друга...

На листочке была нарисована карта. Очень примитивная карта, по которой можно было узнать дорогу проходящую через мост, вроде бы кусочек реки и дерево. У моста был нарисован небольшой крестик, от дерева была проведена пунктирная линия, которая вдруг поворачивала под прямым углом. На конце линии находились три небольших кружочка, один из которых был закрашен чёрным цветом. Кроме того, картинка была снабжена числами, в начале дороги виднелась цифра 4, у мостика 3, а у пунктира – 67. И это все.

И вы лезли за этой бумажкой в клетку тигра? – взволновано спросила Люцина.

Тереза снова разозлилась:

– После всего, что я от вас вынесла, вы должны отгадать, что это значит! – потребовала она. – Пошевелите мозгами! Начните думать!

– Когда-то, по такому же листику, мы нашли Тоньчу, – живо поддержала её тётя Ядя. – Может и теперь?..

– А если нашего наследства уже нет, – очень озабоченно произнесла моя мамуся.

– Обращаю ваше внимание, что в случае с Тоньчей это был хороший кусок штабной карты, – холодно вставил Марек. – А это неизвестно что. Свободное творчество.

– Но подумать-то мы можем! – с воодушевлением призвал Михал. – Не только же над штабными картами думать! Давайте, подумаем! Где это может быть?..

– Течёт речка, дорога переходит через мостик, у дороги стоит часовня, – сказала я с вдохновением. – Там должно расти большое дерево. В шестидесяти семи шагах от дерева надо свернуть и там есть три одинаковых предмета. В закрашенном – сокровища.

С минуту все смотрели на меня как бараны на новые ворота.

– Просто чудесно, – саркастически заметила Люцина. – Пойдём к этому закрашенному предмету?..

Все родственники начали говорить одновременно. Среди неопишуемого переполоха, в котором никто не был в состоянии перекричать остальных, со стола исчез листик. Не прерывая ссоры и взаимных упреков, мы начали ползать по всей комнате на четвереньках, и тут оказалось, что его изучает сидящий в углу отец. На протяжении всей жизни отец набожно относился ко всякого рода картам и мог пользоваться ими независимо от потребности.

– Не понимаю, зачем он так пошёл, туда и туда... Под прямым углом, – недовольно сказал он, неохотно возвращая ценный документ. – Напрямик было бы ближе.

Ссора затихла также внезапно, как и началась, даже моя мамуся перестала ругать отца за похищение ценного листика. Отец был прав, дорога к сокровищам действительно была нарисована странно. Если Капуста пошёл под прямым углом, а не напрямик, значит там была какая-то преграда. Установление вида преграды было бы большим достижением...

Допущения возникли разные. Преградой могла быть водосточная канава, болото, забор, сухой лес, колючие кусты в конце концов. Люцина утверждала, что как раз там паслось стадо коров, которых покойный Капуста конечно же боялся. Лично я считала, что скорее всего, там росла крапива. Тем не менее препятствие должно было быть, и Михал оживился.

– Вот видите, сколько мы узнали! – выкрикнул он. – Ещё чуть-чуть, ещё немного...

– Поубирай-ка, сынок, этот мусор с дивана, а то кто-нибудь на него сядет и будем опять искать, – ехидно попросила Люцина.

– Мусор!.. – обиженно фыркнул Михал, но послушно начал сгребать в кучу разбросанное по дивану состояние. Моя мамуся дала ему мешочек, посчитав футляр для тапочек недостойным такой чести.

– Ну, думайте дальше! – нетерпеливо потребовала тётя Ядя. – Мы остановились на том, что он должен был преодолеть препятствие...

– Может сначала подумаете, в каком это месте? – остановил её Марек.

– Как в каком, в пустом конечно! – рассудительно заметила моя мамуся. – Он же не прятал так, чтобы видели люди!

– А ты как думаешь? – заинтересовалась Люцина.

Марек задумчиво посмотрел на неё:

– Наиболее вероятно, что это лес...

– Понятно, что не центр города, – сердито пробурчала Тереза.

– Но с таким же успехом это может быть и что-то другое. Луг, поросший кустами, свалка... А что значат эти три колечка, как вы думаете?

– Бункеры, – без колебаний сказала я.

– Три старых дома – высказалась моя мамуся.

– Склепы на кладбище, – подсказала тётя Ядя. – И шёл он вдоль стены, кладбище огорожено...

– Количество допущений начало расти с огромной скоростью. Поскольку на карте было обозначено только одно дерево, точно определить местность не удалось. Это могла быть даже чаща леса, а рисованием других деревьев автор рисунка пренебрёг. Мог это быть и луг и вспаханное поле, деревня со старым кладбищем, каменоломня или пруд. Даже выдуманная мной часовня вызывала сомнения, крестик мог означать и автобусную остановку. Или мельницу, если уж рядом речка...

– Отсюда следует, что надо искать место за городом, где свернувшая дорога поворачивает через мостик, а в глаза бросается большое дерево, – подвёл безжалостный итог Марек. – У мостика стоит часовня или автобусная остановка, овощной киоск, большой камень или куча песка...

– Или дохлая корова, – ехидно подсказала Люцина.

– За деревом находится преграда, которую трудно преодолеть, в виде стены, забора, рва, крапивы, кустов, болота...

– Многовато, – грустно заметила тётя Ядя.

– Но в любом случае известно, что там должна быть преграда, – неуверенно утешил её Михал.

– Кроме того, непонятно с какой стороны искать это дерево, потому что он не указал сторон света, – безжалостно продолжал Марек. – Это значит, что надо проверять каждое большое дерево возле каждого моста, рядом с которым что-то есть. Не известно, должна ли это быть середина леса, картофельное поле или пустырь. И хотел бы я знать, где мы это должны искать...

– Как где, на западе, – жалобно простонал Михал. – В направлении границы...

– Начиная от Воли, да?

– Напомню вам, что я это уже посчитала, – уныло сказала я. – Девяносто шесть тысяч квадратных километров...

– А города ты отняла? – поинтересовалась Люцина.

– Нет, пока нет. Но могу отнять. Тогда наверняка останется только девяносто тысяч.

– Все-таки поменьше... – вздохнула тётя Ядя.

– Ну теперь наездимся на все времена! – обрадовалась Люцина. – Мы же не бросим такие сокровища?

– А ещё тебе придётся осматривать каждое дерево у каждого мостика, – любезно напомнила ей Тереза. – Прогулки по свежему воздуху полезны для здоровья. Наша племянница сама говорила, что мы всего лишаемся из-за отсутствия терпения...

Волосы у меня на голове стали дыбом. Я подумала, что этого моя семья так не оставит, значит придётся менять машину, а то эта разваливается и не выдержит такой дальней поездки, не говоря уже о неожиданных неровностях поверхности. Второстепенные шоссе, просёлочные дороги, лесные тропинки, разные мостики и, кто знает, может, и броды... Я попыталась посчитать сколько это получится погонных километров, но не получила никаких результатов, потому что услышала радостный голос своей мамуси:

– Послушайте, а может, эти три кружочка это три старых колодца предков этого Капусты?..

* * *

А недавно Тадеуш, муж Терезы, сообщил нам, что на следующий отпуск приезжает в Польшу с компасом и лопатой. Ему очень хочется посмотреть на этот головной убор из трехсот жемчужин, поскольку никогда в жизни он не видел ничего подобного...

Содержание

Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ КОЛОДЦЫ ПРЕДКОВ

* * *